

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1973

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТЮРКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В СССР

В период становления литературных языков социалистических наций для разрешения многих вопросов, связанных с развитием литературного языка, созданием двуязычных и толковых словарей, описанием грамматического строя литературного языка и определением его диалектной основы, членением диалектов и говоров и т. д., потребовалось в первую очередь фронтальное изучение диалектов и говоров тюркских языков СССР. За короткий срок были собраны богатейшие материалы по диалектам и говорам этих языков, что послужило основой для создания многочисленных монографических исследований, благодаря которым советская тюркская диалектология стала одной из наиболее успешно развивающихся областей отечественной тюркологии.

Дальнейшее изучение различных аспектов диалектов и говоров тюркских языков СССР привело к выделению трех относительно самостоятельных направлений в советской тюркской диалектологии: 1) монографического исследования, имеющего многолетние традиции; 2) лингвистической географии; 3) диалектологической лексикографии.

Монографическим методом исследуются, например, диалекты азербайджанского языка. На основе разработанной программы азербайджанскими диалектологами изучены восточная (бакинский, кубинский, шемахинский диалекты, муганский, ленкоранский говоры), западная (казахский, карабахский, гянджинский диалекты, айрумский говор), северная (шекинский диалект, закатало-кахский говор), южная (нахичеванский, ордубадский диалекты, ереванский говор) группы диалектов и говоров азербайджанского языка.

Рассматривая диалектологические материалы как богатейшую сокровищницу истории языка, азербайджанские диалектологи при монографическом исследовании диалектов и говоров сочетали синхронное описание материалов с диахроническим. Это способствовало созданию целого ряда образцовых монографических исследований, ставший одним из основных источников по азербайджанской диалектологии, не только для отечественных, но и для зарубежных тюркологов.

Выход в свет обобщающих трудов по азербайджанской диалектологии свидетельствует о том, что в последние годы исследование азербайджанских диалектов достигло нового, более высокого этапа в своем развитии.

Большую плодотворную работу по монографическому описанию диалектов и говоров узбекского языка проводили и проводят узбекские диалектологи, исследовавшие узбекские говоры Ташкентской, Самаркандской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Наманганской, Андижанской, Ферганской, Хорезмской областей и Каракалпакской АССР.

В ближайшем будущем будут завершены и подготовлены к печати следующие монографические исследования: «Наманганские говоры узбекского языка», «Узбекские кыпчацкие говоры Самаркандской области», «Синтаксис огузского наречия узбекского языка», «Узбекские говоры низовья Кашкадарьи», «Морфология ташкентского говора», «Узбекские говоры Каракалпакской АССР», «Лексика огузского наречия узбекского языка», «Система глагола в узбекских говорах» и т. д.

Казахские диалектологи в настоящее время заняты монографическим изучением крупных диалектных массивов: южной и западной групп говоров казахского языка.

Ученые задались целью не только синхронно описать эти говоры, но и решить вопросы диалектного состава крупных языковых подразделений и их классификации, что послужит основой для создания классификационной схемы диалектов казахского языка, которая устранила бы существующие в этой области разногласия.

Киргизские диалектологи после завершения монографического исследования отдельных диалектов и говоров планируют создание работ обобщающего характера, посвященных описанию диалектов в их современной структурно-территориальной дифференциации, пользуясь методом лингвистической географии и уточняя на основе ее данных вопросы группировки диалектов и говоров.

В монографическом аспекте изучены также многие диалекты и говоры туркменского языка. Но несмотря на это, еще целый ряд диалектов и говоров, особенно в Чарджоуской группе районов (Чандыр, Чегес, Агар, Меркит, Дюеджи, Буджаклы, Кырачлы, Баят, Хатап, Мукры и др.), нуждаются в дальнейшем исследовании. Туркменские диалектологи, наряду с описанием структуры диалектов и говоров, работают также и над обобщающими монографиями в области туркменской диалектологии.

Монографическим методом исследованы многие диалекты и говоры татарского, чувашского и башкирского языков, что нашло отражение в ряде обобщающих работ.

К настоящему времени монографически описаны все основные диалекты хакасского языка: сагайский, качинский, кызыльский, шорский. В дальнейшем хакассские языковеды предусматривают изучение истории формирования диалектной системы хакасского языка и отдельных его особенностей и т. д.

Тувинские диалектологи планируют монографическое изучение переходных говоров и создание обобщающего труда по тувинской диалектологии.

Пока еще не исследованы в монографическом плане многие диалекты и говоры карачаево-балкарского, кумыкского, ногойского языков.

Из приведенного краткого обзора видно, что в области монографического исследования диалектов и говоров тюркских языков СССР многое еще предстоит сделать.

Необходимо при этом учитывать, что в связи с бурным развитием литературных языков социалистических наций процесс нивелировки диалектных особенностей все более ускоряется и может привести к их полному исчезновению. Поэтому тюркологи должны мобилизовать все силы для осуществления фронтального сбора диалектного материала, фиксировать на местах точными графическими и акустическими методами диалектальную монологическую и диалогическую речь, не оставляя в стороне ни одного населенного пункта. Причем собранные мате-

риалы не должны годами залеживаться в архивах: после тщательного транскрибирования их следует незамедлительно издавать хотя бы ротационным способом и малыми тиражами (по 100 экземпляров).

Магнитофонные записи каждые пять лет необходимо обновлять, сохраняя звучащую речь для будущих поколений исследователей.

На данном этапе работы главная задача диалектологов состоит в том, чтобы в ближайшее время обобщить данные собранных диалектологических материалов, а также подготовленных и изданных работ по диалектам и говорам отдельных тюркских языков и выпустить отдельные сводные работы примерно в объеме 15—20 печатных листов по азербайджанской, узбекской, казахской, киргизской, туркменской, татарской, башкирской, хакасской, тувинской, карачаево-балкарской, кумыкской, ногайской и т. д. диалектологиям.

Для того чтобы эти труды стали достоянием широкого круга тюркологов в нашей стране и за рубежом, они в первую очередь должны быть изданы на русском языке.

Над составлением диалектологических атласов в отдельных тюркоязычных национальных республиках и областях интенсивно трудятся коллективы квалифицированных языковедов.

Диалектологи Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР, изучив методом лингвистической географии восточную группу азербайджанских диалектов, подготовили к печати соответствующий диалектологический атлас, включающий 50 карт, снабженных подробными комментариями и пояснениями.

В настоящее время ведется также интенсивная работа над составлением полного диалектологического атласа азербайджанского языка.

Л. П. Сергеевым составлен «Диалектологический атлас чувашского языка», в котором представлены карты фонетических, грамматических и лексических явлений, карты сводных изоглосс, а также другие вспомогательные карты. Этот атлас охватывает всю территорию Чувашской АССР (общий объем всей работы, включая атлас, превышает 120 авторских листов). Сейчас ведется лингвистическое картографирование и других территорий, населенных чувашами.

В Татарии продолжается работа по составлению первого тома и сбору материалов для второго тома «Диалектологического атласа татарского языка».

«Диалектологический атлас киргизского языка» был завершен еще в 1971 г. В 1972 г. проводилось взаимное рецензирование и первичное редактирование карт и комментариев к ним самими составителями. В результате было подготовлено 189 карт: 83 по лексическим, 68 по фонетическим и 38 по грамматическим признакам говорам киргизского языка. Каждая карта атласа снабжена комментариями, кратко характеризующими положенный в основу карт материал и поясняющие знаки, отражающие на карте те или иные языковые явления. В настоящее время завершаются редактирование и подготовка к печати данного атласа.

Казахскими диалектологами составлен первый том пробного диалектологического атласа казахского языка, включающий 257 карт с комментариями и охватывающий территорию южных говоров казахского языка. Работа над национальным атласом будет возобновлена в следующем пятилетии.

Исследования узбекских диалектологов направлены в основном на составление диалектологических карт узбекских говоров по крупным массивам, что должно подготовить почву для создания атласа узбек-

ских говоров. В настоящее время ведется работа над диалектологическими атласами узбекских говоров Ташкентской, Кашкадарьинской, Наманганской, Бухарской, Хорезмской областей и Каракалпакской АССР.

В Туркмении полностью закончено картографирование и составление комментариев к картам по диалектам и говорам западных и северных районов республики. По восточным районам Туркменской ССР собраны все необходимые материалы и проведена их камеральная обработка.

В настоящее время идет сбор материалов по Марыйской области, который намечено завершить в текущем году. Согласно предварительному плану, сбор материалов по центральным диалектам будет завершен в 1974 г.

К сожалению, нельзя не отметить, что национальные диалектологические атласы составляются не по всем тюркским языкам. Не планируется даже на ближайшие годы создание диалектологических атласов хакасского, тувинского, карачаево-балкарского, кумыкского, ногайского, гагаузского языков. Это отставание пытаются оправдать, во-первых, нехваткой кадров и, во-вторых, занятостью работой по всесоюзной теме «Диалектологический атлас тюркских языков СССР». Однако думается, что это не может служить основанием для того, чтобы откладывать составление национальных диалектологических атласов на неопределенный срок. В каждой республике сейчас имеется достаточное число диалектологов, способных сочетать работу над национальным и всесоюзным диалектологическими атласами.

Как известно, с 1972 года в планы научно-исследовательских языковедческих институтов тюркоязычных республик и областей включена всесоюзная тема «Диалектологический атлас тюркских языков СССР». Первый этап работы по данной теме уже завершен. Произведен отбор изоглосс и на этой основе создан соответствующий «Вопросник», на местах составлены сетки с указанием пунктов обследования.

В настоящее время диалектологи заняты сбором материалов и их камеральной обработкой.

В апреле 1972 г. в Академии наук Азербайджанской ССР состоялось совещание представителей коллективов, работающих над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР».

Совещание, приняв во внимание огромную протяженность территории расселения тюркоязычных народов, — от Якутии до Молдавии, — что не позволяет сосредоточить в едином центре практическое руководство составлением атласа, вынесло решение о выделении четырех зон со своими центрами и утвердило их руководителей:

1-я зона — сибирская (центр — г. Новосибирск); включает якутский, тувинский, хакасский, алтайский языки; руководитель зоны — Е. И. Убрятова;

2-я зона — среднеазиатская (центр — г. Ташкент); включает казахский, киргизский, узбекский, туркменский, уйгурский, каракалпакский языки; руководитель зоны — Ш. Шаабдурахманов;

3-я зона — поволжская (центр — г. Казань); включает татарский, башкирский, чувашский языки; руководитель зоны — Л. Т. Махмутова;

4-я зона — кавказская (центр — г. Баку); включает азербайджанский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, гагаузский, караимский языки; руководитель зоны — М. Исламов.

На совещании было вынесено также решение о сроках завершения отдельных этапов работы над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР»:

I этап — 1972—1974 гг. — сбор диалектологических материалов на основе утвержденного «Вопросника» и их камеральная обработка;

II этап — 1975—1976 гг. — картографирование;

III этап — 1977—1980 гг. — составление комментариев к картам, редактирование и рецензирование.

Наряду с монографическим и лингвогеографическим изучением диалектов и говоров тюркских языков на местах проводится большая работа по диалектологической лексикографии.

Азербайджанские диалектологи издали однотомный «Диалектологический словарь азербайджанского языка» (1964), на базе которого подготавливается теперь трехтомный диалектологический словарь.

В Татарии вышел в свет «Диалектологический словарь татарского языка» объемом 52 п. л. (1969).

Чувашскими диалектологами изданы два словаря чувашских народных говоров: «Диалектологический словарь чувашского языка» (1968) и «Словарь чувашских народных говоров. Фонетические диалектизмы» (1971).

В Узбекистане в 1971 году осуществлено издание «Словаря узбекских народных говоров».

В настоящее время в Узбекистане сотрудниками сектора диалектологии Института языкознания республиканской Академии наук ведется интенсивная работа по составлению трехтомного словаря узбекских народных говоров. Начато составление областных словарей узбекских говоров (Ташкентской, Наманганской, Кашкадарьинской, Хорезмской областей).

В Каракалпакской АССР готовится «Диалектологический словарь каракалпакского языка».

В Казахстане изданы однотомный «Диалектологический словарь казахского языка» (1969) и инструкции для составления полного диалектологического словаря казахского языка.

В настоящее время казахские диалектологи заняты пополнением картотеки по диалектологии, что явится базой для будущего многотомного диалектологического словаря.

В Киргизском государственном университете Дж. Мукамбаевым продолжается работа над составлением многотомного «Диалектологического словаря киргизского языка», первый том которого объемом 25 п. л. вышел в свет в 1972 г.

Сотрудниками сектора истории и диалектологии туркменского языка Института языка и литературы Академии наук Туркменской ССР подготовлен к печати «Краткий словарь диалектов и говоров туркменского языка». В настоящее время туркменские диалектологи работают над полным диалектологическим словарем туркменского языка.

В результате изучения говоров башкирского языка был создан лексический фонд, насчитывающий 50 тыс. карточек. На основе этого материала составлен «Диалектологический словарь башкирского языка» в двух томах. Первый том, включающий лексику восточного диалекта (11 тыс. заглавных слов), вышел в свет в 1967 г. Второй том, охватывающий лексику южного диалекта (12 тыс. слов), издан в 1970 г.

К сожалению, приходится отметить, что диалектологические словари составляются еще не по всем тюркским языкам. Этой работой не охвачены хакасский, тувинский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский,

гагаузский и другие языки. Диалектологи—специалисты по этим языкам должны знать, что они могут навсегда упустить имеющуюся пока возможность фиксации диалектных богатств.

Перед советскими диалектологами стоит также весьма важная, имеющая большое научное значение задача: создание начиная с 1975 года многотомного «Диалектологического словаря тюркских языков СССР» при участии ученых всех тюркоязычных республик и областей СССР. Для этого по каждому отдельному тюркскому языку должен быть отобран соответствующий лексический материал, содержащий не менее 3.000 слов, отсутствующих в литературном языке или употребляющихся в нем в иных значениях, с переводом значений этих слов на русский язык. Все эти материалы необходимо будет сосредоточить в одном из тюркологических центров для дальнейшей обработки.

Известные успехи, достигнутые в области монографического и лингвогеографического изучения диалектов, собранный богатый лексический материал по диалектам и говорам тюркских языков уже позволяют вплотную подойти к диахронному исследованию последних, то есть заняться непосредственной разработкой исторической диалектологии тюркских языков. Первые шаги в этом направлении были сделаны И. А. Батмановым¹, Э. Р. Тенишевым², Э. Н. Наджибом³ и другими учеными еще в 60-х годах.

Известно, что не все тюркские языки располагают достаточным числом письменных памятников для проведения исследований по исторической диалектологии. Однако думается, что, например, азербайджанские и узбекские диалектологи, в распоряжении которых имеется значительное количество письменных памятников, могут уже теперь начать предварительные исследования в области исторической диалектологии своих языков. Начать нужно с анализа языка каждого конкретного памятника в свете диалектных данных соответствующего современного тюркского языка, установив затем диалектную базу письменных памятников, и т. д.

Что касается организационных вопросов дальнейшего развития советской тюркской диалектологии, то хотелось бы отметить следующее:

1. Как известно, в развитии отечественной тюркской диалектологии известную роль сыграл выход в свет в Баку четырех сборников статей «Вопросы диалектологии тюркских языков» (1958, 1960, 1963, 1966). Однако в связи с полиграфическими трудностями и созданием журнала «Советская тюркология» выпуск этих сборников прекратился.

Нам кажется, что указанные причины не должны препятствовать изданию такого сборника статей раз в два года, тем более что, как выше уже было указано, перед диалектологами стоят большие задачи, и решение их требует широкого обсуждения целого ряда важных проблем.

2. Программы всесоюзных региональных совещаний по вопросам диалектологии тюркских языков слишком обширны, что мешает сосредоточиться на какой-то одной определенной проблеме и разрешить полностью все связанные с ней вопросы. Эти совещания большей частью носят лишь отчетный характер.

¹ И. А. Батманов. Некоторые особенности языка памятников орхон-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», том III. Баку, 1963, стр. 116.

² Э. Тенишев. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. — Там же.

³ Э. Наджим. О диалектном составе языка Кутба. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», том IV. Баку, 1966, стр. 86.

Думается, что в дальнейшем полезно было бы каждые три года созывать региональные совещания по какому-то одному конкретному вопросу тюркской диалектологии. Специальные совещания можно было бы посвятить, например, атласу, словарю, исторической диалектологии и т. д.

На этих совещаниях в обязательном порядке должны рассматриваться результаты работ диалектологических экспедиций.

3. Подготовка высококвалифицированных кадров диалектологов также является одной из основных задач дальнейшего развития тюркской диалектологии в СССР. Диалектолог — не технический работник, ограничивающийся только сбором материалов и их описанием, это — ученый-тюрколог, свободно ориентирующийся во всех вопросах тюркского языкознания. Такие кадры должны воспитываться со студенческой скамьи, путем привлечения к участию в экспедициях, обучения технике научного сбора и обработки диалектологического материала и т. д. Студентов, прошедших определенную диалектологическую подготовку, необходимо принимать в аспирантуру, зачислять научными сотрудниками в соответствующие научно-исследовательские институты.

Перед советской тюркской диалектологией стоят большие и ответственные задачи, и решить их можно лишь совместными усилиями тюркологов всех союзных республик.

Диалектология, идущая в первых рядах советской тюркологии, вне всякого сомнения, с честью выполнит стоящие перед ней задачи.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О ПРИЧИНАХ ПРЕВРАЩЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО *s* В *h* В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, в башкирском языке начальному *s* других тюркских языков соответствует *h*, ср. татар. *saɣu* 'желтый', башк. *haɣu*; татар. *saz* 'болото', башк. *haɗ*; татар. *sal* 'плот', башк. *hal* и т. д. Соответствие *h* ~ *s* встречается в башкирском языке и в начале суффиксов, ср. татар. *atasu* 'его отец', башк. *atahu*; татар. *allasuz* 'атеист, безбожник', башк. *allahuɗ* и т. д. Факт превращения в башкирском языке в вышеуказанных позициях древнетюркского *s* в *h* отмечается во многих работах, но нигде не говорится о его причинах.

Объяснение подобному «невниманию» следует искать, по-видимому, в сложности истории этого явления, требующей специального исследования.

Древнетюркское *s* в башкирском языке подверглось полному изменению. В интервокальном положении, а также в конце закрытого слога и в абсолютном исходе слова оно превратилось в межзубное *θ*, а в начале слова в положении перед гласным в некоторых диалектах его заменило *h*, ср. татар. *basu* 'поле', башк. *baθuɣ*; татар. *baskuɣ* 'лестница', башк. *baθkys*; татар. *tös* 'цвет', башк. *töθ*; татар. *söt* 'молоко', башк. *höt* и т. д.

Древнетюркское *z* соответственно изменилось в башкирском языке в межзубное *ð*, ср. татар. *kuɣul* 'красный', башк. *kuðul*; татар. *uzgan* 'прошедший', башк. *uðan*; татар. *kuz* 'девушка', башк. *kuð* и т. д.

В башкирском языке межзубное *ð* может быть даже в начальном положении, ср. татар. *zur* 'большой', башк. *ður*, чего никогда не бывает с межзубным *θ*, по крайней мере в литературном языке.

Полное преобразование древнетюркского *s* в башкирском языке, по-видимому, вызвало появление нового *s*, возникшего в результате ослабления некогда существовавшей в башкирском языке аффрикаты *ç*, восходящей исторически к аффрикату *č*.

Можно предполагать, что превращение начального *s* в *h*, интердентализация *s* в остальных положениях и возникновение нового *s* из аффрикаты *ç* представляют три совершенно разных процесса, проходивших в различное время.

Переход *s* в *h* в башкирском языке осуществился значительно раньше превращения *s* в *ç*. В противном случае новое *s* из *ç* подверглось бы действию этого фонетического закона и такие башкирские слова, как *sakly* 'до' (татар. *çakly*), *syganak* 'источник' (татар. *çuganak*) и так далее, произносились бы как *hakly* и *hyganak* и т. д.

Интердентализация *s*, по крайней мере в литературном башкирском языке, не распространилась на начало слова, ср., например, *hal* 'плот', а не *sal*. Это свидетельствует о том, что во время превращения *s* в *h* не происходило.

Таким образом, относительная хронология этих изменений представляется более или менее ясной. Более трудным является вопрос о причинах превращения начального *s* в *h*. Для решения этого вопроса нам представляется целесообразным обратиться к нижеследующим данным.

Данные диалектов башкирского языка. Данные диалектов башкирского языка указывают на то, что превращение начального *s* в *h* не имеет тотального распространения. В некоторых башкирских диалектах, как и в татарском языке, древнее *s* в начале слова может сохраняться, ср. такие слова, как *sal* 'плот' вместо *hal*, *söt* 'молоко' вместо *höt*. Это говорит о том, что переход начального *s* в *h* в части диалектов произошел относительно недавно.

В ряде диалектов распространено превращение древнего *s* в *θ*, выступающее на месте начального *h* в литературном языке, ср. *θal* 'плот', *θöt* 'молоко' и т. д.

В других диалектах, наоборот, шире сфера распространения *h*, которое часто выступает на месте литературного *θ*, например, *almah* 'не возьмет' вместо *almaθ*, *anhät* 'легко' вместо *anθät*. Наконец, имеются случаи соответствия глухого *θ* звонкому *δ*, например, *jaθ* 'весна' вместо *jaδ*. Придыхание *h* может даже соответствовать межзубному *δ*, ср., например, *kuhyh* 'красный' и лит. *kudyh*.

Возникает вопрос, не могло ли начальное *h* развиваться из межзубного *θ*, например, *θal* 'плот' превратилось позднее в *hal*. Однако, как мы увидим в дальнейшем при рассмотрении конвергентных явлений превращения начального *s* в *h* в различных языках, это мало вероятно. Что касается таких диалектных слов, как *jaθ* 'весна' вместо *jaδ*, то совершенно очевидно, что *θ* в *jaθ* возникло в результате оглушения конечного *δ*.

Таким образом, складывается впечатление, что интердентализация *s* и *z* и превращение *s* в *h* в различных башкирских диалектах совершались самостоятельно, иначе было бы трудно объяснить сплошной переход *s* в *θ* или *h*, наблюдаемый в отдельных диалектах, а также случаи сохранения начального *s* перед гласными. Не исключены и случаи междиалектного смешения.

Возможность влияния угорского языкового субстрата. Известно, что в древние времена в западном Приуралье проживали народы угорского происхождения — манси и, возможно, предки современных венгров. В связи с этим неоднократно ставилась проблема влияния угорского языкового субстрата на башкирский язык, поскольку предполагалось, что часть древних венгров вошла в состав башкирского народа.

В угорских языках действительно происходили звуковые изменения, напоминающие изменения в башкирском языке. Так, например, в истории венгерского языка был период, когда старое начальное *s* превращалось в *h* и позднее исчезало, ср. венг. *ere* 'желчь', фин. *sappi*, удм. *ser*, коми-зыр. *sör*; венг. *arany* 'золото', эрзя-морд. *sygne*, ср. авест. *zaganja*.

Палатализованная аффриката *š* в угорских языках превращалась в *s*. Интервокальное *d* в истории венгерского языка переходило, как и в башкирском языке, в межзубное *z*. Позднее оно превращалось в про-

стое *z*, ср. венг. *viz* 'вода', фин. *vesi* (*vete*-), эрзя-морд. *ved*, марийск. *wüt* в том же значении.

Любопытно, наконец, отметить, что общефинноугорское *s* в мансийском и хантыйском языках превращалось со временем, как и в башкирском, в межзубное θ^1 , которое в дальнейшем перешло в *t*, ср. также соответствия: фин. *suvi* 'лето', манс. *tuw*, южнохант. *toŋ*, фин. *sala-* 'скрывать', манс. *tulit* 'тайно', хант. *tot*-та 'скрывать', фин. *kuusi* 'ель', манс. *howt*, южнохант. *hut*.

Можно было бы прийти к заключению, что рассматриваемые нами явления в башкирском языке возникли в результате влияния субстратных угорских языков. Однако эта проблема осложняется следующими серьезными обстоятельствами:

1) словарный состав башкирского языка не обнаруживает никакого, даже самого минимального венгерского влияния. Отдельные слова угорских языков, например, *sel* 'рябчик', могли проникнуть в башкирский язык из пермских языков, ср. коми-зыр. *s'öla* 'рябчик';

2) весьма большая близость башкирского языка к татарскому, казалось бы, указывает на то, что башкиры не могли проникнуть на территорию современной Башкирии раньше X—XII веков. К этому времени предки венгров могли уже уйти из пределов западного Приуралья;

3) сходные фонетические изменения в угорских языках восходят к тому времени, когда никаких тюрков в западном Приуралье еще не было. Так, например, переход общефинноугорского *s* в θ (из которого позднее в венгерском развилось *h*) осуществился в протоугорскую эпоху. Очень сомнительно, что в это время булгары уже находились в Приуралье.

Типологические параллели. Изменение начального *s* в *h* нельзя считать достоянием исключительно башкирского языка. Это явление имело место и в истории древнегреческого языка, ср. греч. *hepta* 'семь' и лат. *septem*. Оно известно и древним иранским языкам — древнеперсидскому и авестийскому, ср. авест. *hapta* 'семь', соврем. перс. *hāftā* 'семь', лат. *septem*. Древнее уральское *s*, как уже выше указывалось, переходило в венгерском языке в *h* и затем исчезало, ср. венг. *ere* 'желчь' и фин. *sappi*.

Начальное общемонгольское *s* в бурятских диалектах также превращалось в *h*, ср. монг. *saga* 'луна', хори-бурят. *haга*. Эвенкийскому *h* в начале слова перед гласным может соответствовать *s* или $\check{s}$ в других тунгусо-маньчжурских языках². В древнеармянском языке *s* в начале слова в положении перед гласным превращалось в *h*, которое позднее обычно, за немногим исключением, исчезало, ср. др.-арм. *al* 'соль' и лат. *sal* 'соль'. Аналогичное явление имело место также в древнебретонском языке, ср. др.-брет. *haloc* 'мрачный' = ирл. *salach* 'грязный'³.

Все эти конвергентные звуковые изменения, происходившие в различных языках совершенно независимо друг от друга, свидетельствуют о тенденции начального *s* в положении перед гласным превращаться в *h*.

Спирант *s* очень подвержен влиянию соседних звуков. Он часто озвончается перед звонким согласным, легко переходит в $\check{s}$ и в *h*.

¹ B. Collinder. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsala, 1960, стр. 58.

² В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, стр. 191.

³ L. Fleuriot. Le vieux breton. Paris, 1964, стр. 150.

«Отражение индоевропейского *s*, — говорит А. Мейе, — одна из сложнейших частей индоевропейской фонетики, потому что здесь большое влияние оказывают соседние артикуляции»⁴.

Можно предполагать, что следующий за начальным *s* гласный особенно благоприятствует ослаблению *s*, преобразуя его в простое придыхание.

Параллели в якутском языке. Некоторые изменения звуков в якутском языке удивительно напоминают фонетические явления в башкирском языке, особенно в его диалектах. Так, например, в якутском, как и в некоторых башкирских диалектах, древнетюркское *s* во всех позициях переходило в *h*. В начале слова перед гласным *h* утрачивалось. Древнее *š* в якутском языке, как и в башкирском, переходило в *s*. Некоторые тюркологи (например, М. Рясянен и Н. К. Дмитриев) склонны считать сходство звуковых изменений показателем большой генетической близости языков. Но эта близость кажущаяся. Механизм образования *s* в якутском языке был иным; в нем в *s* превращалось не только *š*, но также *š*, *dž* и *z*, тогда как *š* в башкирском сохранялось, а *z* превращалось в межзубное *δ*. Кроме того, в якутском языке в *h* могло переходить интервокальное *s*, возникшее из *š* и *č*, ср. якут. *baħa* 'его голова', татар. *başu*; *bys* 'резать' из *buč*-, ср. татар. *ruşak* 'нож', но *buħar* 'он режет'. Что касается начального *dž* перед гласным типа *dž* в киргизском *džol* 'дорога', то его в башкирском никогда не было.

Изменение *s* в *h* и общее состояние консонантной системы. Перечисляя индоевропейские языки, в которых начальное *s* превращалось в *h*, А. Мейе отмечает, что переход *s* в *h* объясняется слабостью произношения и обнаруживается в тех языках, в которых артикуляция смычных не отличается твердостью⁵.

Наблюдательный французский лингвист во многом оказывается прав. Действительно, в значительной части тех языков, в которых осуществился переход начального *s* в *h* в положении перед гласным, наблюдается ярко выраженная тенденция к превращению смычных в спиранты. Так, например, в якутском языке задненёбное *k* перед гласными заднего ряда и после них превращалось в *x*, ср. якут. *xās* 'гусь' из *qāz*; древнее *č* превращалось в *s*, ср. *ās* 'голод' из *āč*; аффриката *dž* также изменялась в *s*, например, *suox* 'нет' из *džox*.

Сильная тенденция к преобразованию смычных в спиранты наблюдается в авестийском языке, в котором все глухие смычные и глухие придыхательные перешли в спиранты. Достаточно заметна она и в венгерском языке. Согласные *p* и *k* в венгерском языке превращались в *f* и *h*. Кроме того, в спиранты превращались интервокальные *p*, *t*, *k*. В бурятских диалектах происходил переход аффрикаты *č* в *š*, *s* и *dž* в *ž*. Велярное *q* в этих диалектах, как и в якутском языке, превращалось в *x*. Но особенно показательна в этом отношении консонантная система башкирского языка. Старое *č* в этом языке через промежуточную ступень *s* превратилось в *s*, спирантизировалось интервокальное *d*. Башкирский язык отличает от других тюркских языков тенденция к образованию межзубных спирантов: *z* изменяется в *δ*, *s* в *ϕ*. Очевидно, и пре-

⁴ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 121.

⁵ Там же.

вращение *s* в *h* осуществилось на этом же общем фоне. Однако можно привести и такие случаи, когда постулируемая А. Мейе корреляция не выдерживается. В новогреческом языке все древнегреческие придыхательные глухие превратились в спиранты. Древнегреческое *d* перешло в межзубное *d*, древнегреческое *b* стало звучать как *v*, но все эти превращения никак не отразились на состоянии начального *s* в положении перед гласным.

Не менее интересны были процессы спирантизации в чувашском языке, где *q* преобразовалось в *x*, интервокальное межзубное *d* перешло через ступень *ð* в *ɣ*. Однако начальное *s* и в чувашском языке осталось нетронутым, если не считать спорадически встречающихся случаев его перехода в *ʃ*.

Отсюда следует вывод, что в гипотезу А. Мейе необходимо внести коррективы. Некоторые наблюдения показывают, что неустойчивость консонантной системы языка только в том случае может быть действенным фактором, если она связана с сокращением общего объема *s*. И действительно, превращение интервокального *s* в *h* в древнегреческом языке сократило объем *s*. Превращение интервокального *s* в *h* в якутском языке также сократило первоначальный объем *s*. В тех бурятских языках, в которых начальное *s* перед гласным перешло в *h*, наблюдается переход *s* в *h* и в интервокальном положении, ср. письм. монг. *usun* 'вода', бурят. *uᠠᠩ* 'вода'⁶.

Сокращение объема *s* происходило и в индоиранском. Индоевропейский свистящий *s* с вариантом *z* дал в индоиранском после сонантов *i*, *u*, *r* и после *k* — *ʃ* с вариантом *ž*. В иранском *z*, *ʃ*, *ž* сохранились во всех позициях, а *s* — только перед глухими смычными и после *t*, *d*, *n*; в остальных случаях *s* перешло в *h* или *ʃ* (в сочетаниях с согласным)⁷. Интервокальное *s* в венгерском, как предполагают некоторые финно-угроведы, превращалось в палатализованное *s*, что также сокращало объем древневенгерского *s*.

Общие выводы. Изложенные выше соображения позволяют установить истинную причину превращения начального башкирского *s* в *h* в положении перед гласным. Начальный *s* в башкирском языке в положении перед гласным, по крайней мере в диалекте, легшем в основу башкирского литературного языка, удерживался, по-видимому, довольно долго, тогда как в других позициях *s* подвергся изменениям. Вероятной причиной изменения начального *s* в *h* в положении перед гласным является интердентализация *s* в интервокальном положении и в конце закрытого слога, ср. татар. *kisäk* 'кусок', башк. *kiðäk*; татар. *is* 'чувство', башк. *ið*.

Интердентализация, или превращение *s* в межзубное *θ*, в этих позициях сильно сократила общий объем *s* в башкирском языке. Вследствие сокращения объема *s* в башкирском языке ослабло и начало утрачивать фонематические функции, благодаря чему оказалось менее устойчивым и более восприимчивым к влиянию следующих за ним гласных.

С лингвистической точки зрения сочетание *s*+гласный малоудобно, так как здесь сонорность гласного контрастно сочетается с глухостью спиранта. Устранение этого противоречия могло осуществиться двумя

⁶ N. Poppe. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955, стр. 121.

⁷ С. Н. Соколов. Авестийский язык. М., 1961, стр. 32.

путями: либо начальный *s* в положении перед гласным должен был озвончиться, превратившись в *z*, как это имеет место в немецком языке, ср. нем. *sagen*[zagən] 'говорить', *singen*[ziŋən] 'петь' и т. д.; либо он должен был предельно ослабнуть до степени простого придыхания. Последнее и произошло при благоприятствующих этому условиях в башкирском языке.

Что касается превращения *s* в *h* в начале суффиксов, например, *allahyz* 'безбожник', *bulha* 'если будет', *atahy* 'его отец' и т. д., то это явление можно объяснить диалектным смещением. Оно, по-видимому, проникло из тех диалектов башкирского языка, в которых переход *s* в *h* совершался в любом положении.

А. П. ДУЛЬЗОН

ДИАЛЕКТЫ И ГОВОРЫ ТЮРКОВ ЧУЛЫМА

1. Язык тюрок Чулыма, правого притока Оби, называется чулымским или чулымско-тюркским. Его носители ранее проживали преимущественно по берегам Чулыма и его притоков — Яи и Кии; меньшие притоки Чулыма — Улу-юл, Чичка-юл, Четь и другие служили промысловыми угодьями и заселялись только на период промыслового сезона. В настоящее время на Чулыме уже нет населенных пунктов, в которых жили бы одни чулымцы, они расселились по деревням и поселкам от Нижнего Чулыма до города Ачинск, составляя сейчас незначительный процент их населения.

Населенные пункты с проживающими в них чулымскими тюрками, у которых в 1950—1951 гг. нами были собраны языковые материалы, следующие: Апкашево, Апсагачево, Байгалы, Байдуково, Балагачево, Белый Яр, Бергаево, Бихтулино, Будеево, Бурбино, Ежи, Изырга, Каклаево, Каштаково, Когтенеево, Кожаново, Костино, Кульбень, Кучуково, Кыца, Малая Речка, Новая деревня, Новотарлаганы, Новошумилово, Рубеж, Омачеево, Перевоз, Пуштаково, Станок, Старые Туталы, Скоблино (Верхнее, Нижнее), Танькова, Тегульде, Тургай, Туталы, Тызырачево, Тююны, Тюляпсы, Чердаты, Чуняшка.

Чулымско-тюркский язык не имеет общей нормативной письменной формы¹; он бытует в виде ряда диалектов и говоров, причем соседствующие диалекты и говоры чулымского языка мало отличаются друг от друга; вместе с тем на периферии ареала, где скапливаются дифференцирующие признаки, расхождения между ними настолько возрастают, что взаимопонимание между их носителями сильно затрудняется.

2. Можно выделить два диалекта чулымско-тюркского языка — нижнечулымский и среднечулымский; граница, разделяющая их, проходит между деревнями Перевоз и Коклаево, где скапливается довольно густой пучок изоглосс, отражающих различные фонетические, морфологические и лексические явления.

В нижнечулымском диалекте различаются следующие говоры: ежинский, ячинский, чибинский, кюэрик и кечик; в среднечулымском диалекте выделяются говоры тутальский и мелетский.

¹ Общее описание чулымско-тюркского языка приводится в следующих работах: А. П. Дульзон. Чулымско-тюркский язык. — «Языки народов СССР», т. II; О. Pritsak. Das Tschulymtürkische. — «Philologiae turcicae fundamenta», I, 1959; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 206 и сл.; А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. IX. Томск, 1952.

Любопытно, что границы всех названных говоров совпадают с границами «инородческих волостей» XVII в., а именно:

Название говора	Название волости	Чул.-тюрк. название
ежинский	Байгульская	je:zi jon
ячинский	Ячинская	jatsi jon
кюэрик	Корюковская	küärük jon
кечик	Курчикова	—
чибинский	Кызыльдеева	tš'iby d'on
тутал	Тутальская	tutał tš'onu
мелет	Мелетская	pilet tš'onu

Последнее позволяет предположить, что носители перечисленных говоров в волостях представляли собой остатки прежних родоплеменных групп, переселившихся на Чулым из различных мест. В целом же особенности среднечулымского диалекта связывают его через соседнее кызыльское наречие с хакасским языком, в то время как нижнечулымский диалект рядом своих признаков близок к старому нижнетомско-тюркскому наречию и языку барабинцев.

3. Остановимся на наиболее характерных особенностях обоих диалектов чулымско-тюркского языка.

Состав кратких гласных в обоих диалектах одинаков. Они в равной мере различают следующие фонемы: *i, e(ä), ü, ö, y, u, o, a*, например: *kel*, *käl* 'приходи', *men*, *män* 'я', *sen*, *sän* 'ты', *et*, *ät* 'мясо', *jet*, *jät* 'молодой'; *köl* 'озеро', *köbük* 'пена', *töš* 'грудь', *öts* 'сердитый', *ös* 'расти', *töžök* 'постель', *jölöp* 'опирайся'; *poł* 'будь', *top* 'шуба', *soł* 'левый', *oł* 'он', *ot* 'огонь', *qoł* 'рука'. Совпадают также и нисходящие дифтонги *ai, oi*, например: *ai* 'месяц', *ait* 'скажи', *toi* 'свадьба', *oıtaq* 'наперсток', *oıpaq* 'игрушка'. Восходящие же дифтонги нижнечулымского диалекта: *ua, aa, üö, üe, ie, io* чужды среднечулымскому диалекту, для которого характерны долгие гласные *o:, ö:, e:*, например: *quäs — qo:s* 'красивый', *süök — sō:k* 'кость', *süel — sō:l* 'бородавка', *siek — se:k* 'комар', *juaq — tšo:q* 'разговор'.

Состав согласных фонем в обоих диалектах частично совпадает, но при этом имеются существенные расхождения по диалектам дистрибуции фонем в слове.

Употребление сонорных звуков *m, n, ŋ, ł (l), r* в обоих диалектах адекватно, например: *taqa* 'лягушка', *mälyq* 'ружье', *myŋ* 'тысяча', *em* 'лекарство', *müktsük* 'горбатый', *möğü* 'волк'; *qon* 'ночуй', *tsep* 'время', *odun* 'дрова'; *taŋ* 'заря', *töŋis* 'океан', *säŋir* 'угол', *qəŋyq* 'клюв'; *qułpaq* 'жеребенок', *mał* 'скот', *quł* 'щетина', *kül* 'зола', *pel* 'спина', *öl* 'умри', *til* 'язык', *käräk* 'надо', *paqaq* 'пойдем', *täg* 'пот', *paq* 'есть', *äg* 'мужчина', *kir* 'войди', *tört* 'четыре'.

Общая особенность системы согласных обоих диалектов и их говоров проявляется в том, что свойственные им всем шумные согласные в начальной и конечной позициях встречаются только в глухих вариантах, а соответствующие звонкие варианты употребляются лишь в середине слова между гласными, например: *per* 'дай', *pudaq* 'сук', *rai* 'богатый', *päš* 'пять', *toł* 'полный', *tap* 'щепка', *sai* 'песок', *sat* 'продай', *qys* 'девица', *quš* 'зима', *paš* 'голова', *kün* 'день', *qam* 'шаман', *sawun* 'мыло', *kägwik* 'песница', *emdi* 'теперь', *andun* 'потом', *tödür* 'обратно', *özüm* 'я сам', *päžäk*, *pežik* 'люлька', *kiži* 'человек'. Из звонких согласных в конечной позиции встречается только *γ*, например: *iziγ* 'жара', *kölöγ* 'тень', *tiriγ* 'живой', *qiguγ* 'сухой', *uıγ* 'большой', *saγuγ* 'желтый'.

Одинаковое распределение в слове имеют согласные *p* (*b*, *w*), *t* (*d*), *q*, *k*, *γ*; в распределении и употреблении же согласных *s*, *z*, *š*, *ž*, *j*, *ts*, *dz*, *tš*, *dž* имеются особенности, дифференцирующие язык по говорам и диалектам. В нижнечулымском диалекте имеются согласные *j*, *ts*, *dz*, отсутствующие в среднечулымском, и, наоборот, в среднечулымском диалекте имеются согласные *tš*, *dž*, совершенно не свойственные нижнечулымскому диалекту.

Нижнечулымскому начальному звуку *j* в среднечулымском диалекте соответствует звук *tš*, например: *jai* — *tšai* 'лето'; *juɫdys* — *tšyɫtys* 'корень'; *jo:ža* — *tšo:ža* 'олень'; *jaqšy* — *tšačšy* 'хорошо'; *jurt* — *tšurt* 'жизнь'; *jaɫ* — *tšat* 'ложись'; *joɫ* — *tšoɫ* 'дорога'; *jurtsum* — *tšurtšum* 'младший брат жены'; *ji:γe joɣuɫ* — *tši:γe tšoɣuɫ* 'есть нечего'.

Нижнечулымскому звуку *ts* (*dz*) в неначальной позиции в среднечулымском диалекте соответствует звук *tš* (*dž*), например: *a:ɫzuq* — *aɫšyɣ* 'открытый'; *qats* — *qatš* 'бег'; *qadzur* — *qadžyr* 'погоняй'; *joɣadzaq* — *tšuɣadžač* 'тонкий'; *pyɫzaq* — *pyɫžač* 'нож'; *a:ɫyts* — *a:ɫyɫtš* 'зверь'; *aqtsa* — *aqɫša* 'деньги'; *tsotsqa* — *tšotšqa* 'свинья'.

Конечный звук *tš* имеет в среднечулымском диалекте парадигматическое чередование со звуком *š*, например: *aɣatš* 'дерево'; *aɣaštɣ* 'дерева'.

Среднечулымским звукам *z*, *s* в середине, а в ряде случаев и конце слова в нижнечулымском диалекте соответствует звук *j*, например: *pō:sūk* — *pūjōk* 'маленький'; *aɣaq* — *aɣaq* 'нога'; *qa:jɣ* — *qa:zyɣ* 'берега'; *qɣjurg* — *qɣzyɣ* 'хвост'; *jajaɣ* — *tšazax* 'пешком'; *jyi* 'запах' — *tšystap poɣaɣ* 'пахнуть стало'; *ij* — *ys* 'посылай'; *qoɣaɣ* — *qoɣaɣ* 'заяц'; *aɣyɣ* — *aɣyɣ* 'жеребец'.

Начальному звуку *š* среднечулымского диалекта в нижнечулымском соответствует звук *ts*, например: *šaɣ* — *tsaɣ* 'колокол'; *šyɣ* — *tsyɣ* 'пиши'; *šyɣ* — *tsyɣ* 'выходи'; *šaɣai* — *tsaɣai* 'крапива'; *šanaq* — *tsanaq* 'нарта'; *šat* — *tsat* 'татарин'; *šedān* — *tsedān* 'ограда'; *šap* — *tsap* 'коси'; *šač* — *tsač* 'высекай огонь'.

Между диалектами тюрков Чулыма имеется ряд морфологических расхождений. Отметим некоторые из них.

В нижнечулымском диалекте употребляется форма множественного числа местоимения *silār*, *slār* 'вы', а в среднечулымском — *sār*.

В нижнечулымском диалекте (кроме кюэрик) окончанием совместного падежа является аффикс *ruɫa* (*myɫa*) с его фонетическими вариантами, а в среднечулымском — *-la*, *la*, например: *joɫwyɫa paɣɣəɫ* — *tšoɫla baɣ* 'иди по дороге'; *paɣam aɣambyɫa* — *paɣam aɣamlā* 'я пошел со своим отцом'; *anyɣwyɫa kelgen* — *a:ɣla kelgen* 'он с ним пришел'; *pistiɣ tilbilā ait* — *pistiɣ tillā ait* 'скажи на нашем языке'.

Более значительны расхождения в области лично-временных форм глагола и употребления различных вспомогательных глаголов.

Личные аффиксы глагола совпадают, за исключением 1-го лица ед. числа. Здесь в нижнечулымском глаголе употребляются только усеченные формы: *-m*, *-um*, *-im*, *-em*, *-um*, *-üm*, а в среднечулымском наряду с ними встречаются и полные формы: *-men*, *-mun*, *-min*, *-bun*, *-bin*, *-ben*.

Настоящее обычное время на *-du*, *-di* в звуковом оформлении отличается незначительно, ср., например: нчул. *paɣadim* — срчул. *paɣadum* 'я иду туда, ухожу'.

Незначительны также расхождения в формах настоящего времени данного момента на *-tur*, например: нчул. *turturum* — срчул. *turturbum* 'я встаю сейчас'.

Более значительны расхождения в формах настоящего времени данного момента на -jat, например: нчул. ja:m — срчул. tšitšatəm 'я лежу', нчул. ot'ipjā: — срчул. ołurtša:ty 'он сидит', нчул. me:ŋ qəzum uq̄a: uq̄larjād'i — me:m qəsum ept ustšatə 'моя дочь в избе спит'.

Среднечулымский диалект имеет особую форму настоящего времени данного момента на -boł, -bil, которой нет в нижнечулымском диалекте, например: tugubulum 'я стою', o:ługubulum 'сижу', tšörübülüm 'хожу', äštib-lam 'слышу'; pis izie:blibis e:ŋ kitšiq pałabysqa, ol azri:k pisti ke:rendže 'мы надеемся (верим) самому младшему сыну, он нас кормить будет до старости'.

Прошедшее определенное время на -t(d)- (pardym 'я ушел'), обычное в нижнечулымском диалекте, в большинстве говоров среднечулымского диалекта не употребляется.

Прошедшее неопределенное время на -yan, -gen характерно для обоих диалектов, в которых структурно одинаковой, но фонетически различной является форма прошедшего совершенного времени, образованная посредством вспомогательного глагола нчул. ij — срчул. ys 'посылай', например: нчул. pa:gywan — срчул. pa:gəsqan 'он ушел' (из: pa:gyr iyan — pa:gyr usqan). В среднечулымском диалекте эта форма употребляется гораздо чаще, чем в нижнечулымском. В кюэрикском говоре эта форма времени совпадает с соответствующей формой в среднечулымском диалекте.

В среднечулымском диалекте (и в кюэрик) имеется особая форма времени на -tšan, -tšən, отсутствующая в нижнечулымском, например: partšanpaq 'вы уходили'.

Общим для обоих диалектов является будущее неопределенное, хотя и в двух, фонетически сильно различающихся вариантах, например: sałagut 'я положу', pa:im 'я пойду', töl: 'он заплатит'.

Общей является также форма будущего определенного на -yoq, -qoq (ср. чул. -yiq, -qiq), например: нчул. pa:yoim 'я пойду', pa:yoq 'он пойдет', käl:yoq 'он пойдет', срчул. tyŋni:kum 'я буду слушать' (из tyŋpa-yiq-bən), tyŋni:k 'он будет слушать', kim ištener džoyuł, ol tšibuq 'кто не работает, есть не будет'.

В обоих диалектах употребляется особая форма определенного будущего на -ıyq, которая не образуется только от основ на -k, -q и на гласный. Разница между этими диалектами заключается в том, что в среднечулымском диалекте аффикс времени редко подвергается фонетическим изменениям, в то время как в нижнечулымском диалекте начальный согласный аффикса всегда уподобляется согласному исходу основы, например: срчул. barıyq 'он уйдет', kelliq 'он придет', turıyq 'он встанет', ta:prıyq 'он найдет'; нчул. pa:rıyq 'он уйдет', qarıyq 'он кусать будет', surıyq 'спросит', ka:ssuk 'резать будет', tutıyq 'держаться будет', sussuq 'черпать будет'.

В среднечулымском диалекте употребляется особая форма будущего совершенного, не имеющая соответствия в нижнечулымском диалекте, образованная при помощи будущего времени на -ıyq вспомогательного глагола us-, например: ba:rəstyqam 'я уеду', tšadypstyq 'он ляжет', a:pystyq 'он возьмет'.

Образование и употребление формы условного настояще-будущего времени на -sa, -za в обоих диалектах одинаково, встречаются лишь отдельные фонетические различия, например: нчул. poza — срчул. połza 'он был бы'.

Настояще-будущее время желательное на -yai, -qai структурно в обоих диалектах одинаково, но фонетически разнится, ибо нижнечулымскому звуку *i* (*j*) в аффиксе в среднечулымском диалекте соответствует звук *tʃ*, например: нчул. *paɣai* — срчул. *paɣ:tʃ* 'он пойдет'.

В среднечулымском диалекте имеется особая форма времени намеренного действия, не отмеченная в нижнечулымском диалекте, например: *tʃurtaldyɣum* 'я жить хочу', *uɣlaɣdyɣum* 'я петь хочу'.

Отметим, наконец, что чулымско-тюркские диалекты в ряде случаев сходятся в своей лексике, например:

Нижнечулымский

<i>qa:juq</i>	'обласок'
<i>eʒik</i>	'дверь'
<i>it</i>	'собака'
<i>tünök</i>	'ловушка на рыбу'
<i>a:juɣ</i>	'медведь'
<i>tsebele</i>	'ложка'
<i>īɣ</i>	'изба'
<i>tsotswaq</i>	'щука'
<i>qyɣɣyq</i>	'клюв'
<i>joʒa</i>	'олень'

Среднечулымский

<i>keme</i>
<i>qabuq</i>
<i>adai</i>
<i>to:ɬut</i>
<i>moɣaɬaq</i>
<i>qaʒuq</i>
<i>eɣ</i>
<i>qogai</i>
<i>tumʒuq</i>
<i>aki:k, äki:k</i> (XIII в. <i>aq jik</i>) ²

У носителей среднечулымского диалекта наряду с общими названиями различных зверей, запретными во время охоты, существуют их специальные охотничьи названия, например: *moɣaɬaq* 'медведь' — *qag o:tʃqa*; *ti:ɣ* 'белка' — *säkrük*; *tʃaɬa* 'соболь' — *qara quzɣrug*; *qamnutʃ* 'выдра' — *sajaq a:ɬytʃ*; *quɬanaq* 'колонок' — *qəzyɬ a:ɬytʃ*.

Во всех чулымско-тюркских диалектах имеется большое число гидронимов кетоязычного происхождения, преимущественно из пумпокольского наречия; в среднечулымских говорах встречаются, кроме пумпокольских названий, названия, восходящие к языку ассанов (в районе Ачинска), а в нижнечулымском диалекте — к языку аринов (о них речь пойдет ниже). Здесь отметим только, что название главной реки — Чулыма — в нижнечулымском диалекте *tsö:m*, а в среднечулымском *ü:s* (как у кызылов).

4. Из приведенного материала видно, что имеется достаточно данных для выделения в языке тюрков Чулыма двух диалектов. Следует, однако, заметить, что эти различия территориально не совпадают точно с пограничной линией, указанной на карте для слов *юл* и *чул* 'небольшая река'. Тут фактически проходит пучок изоглосс. Некоторые же из перечисленных различий, а также ряд других, здесь не названных, образуют зону изоглосс, пролегающую между обоими диалектами: в одних случаях узкую, а в других, наоборот, широкую, захватывающую благодаря распространению нижнечулымских особенностей большую часть территории тугальского говора среднечулымского диалекта. Так, например, отсутствие ассимиляции звука *ɬ* в аффиксе *-ɬuq* будущего времени наблюдается только, начиная с территории деревни Пуштакова. В низовьях же Чулыма эта ассимиляция проявляется в возрастающей степени. Иногда дифференцирующая диалектная граница проходит между членами одной семьи. Так, например, в дер. Ново-Тарлаганы, в одной семье мать говорила: *pa:ɣɬuq* 'он пойдет', а ее дочь — *pa:ɣɣuq*. В данном случае имеет место развивающаяся особенность, распространяющаяся снизу вверх по Чулыму и охватывающая в первую очередь молодежь. Сравнительно легкое вытеснение

² ЦГДА, фонд 199, портфели Миллера, 513, д. 22.

старых форм новыми объясняется в этом случае тем, что первоначальная семантика структуры глагольной формы (*bag+4yq*) повсеместно забыта и замещена более отвлеченным лексико-грамматическим пониманием. Следует отметить, что почти во всех других случаях морфологического расхождения (замена полных личных аффиксов усеченными, превращение вспомогательных глаголов в аффиксы, что проявляется в их редукции и подчинении законам сингармонизма и т. д.) в нижнечулымском диалекте наблюдается дальнейшая грамматикализация этих первоначальных сложных форм, перестраивающая их в типологически новые — простые личные формы глагола. Вряд ли это объясняется одной лишь тенденцией к более отвлеченному выражению мысли. Разрушению типологических особенностей прежнего языка способствовало, вероятно, языковое взаимодействие с аринским языком на той же территории и с селькупским на соседней.

Более узкой является зона колебаний чисто фонетических различий. Диалектная граница в этих случаях только тогда является определенной, когда чередующийся звук, имеющийся в одной группе говоров, в другой группе либо совершенно отсутствует, либо в данной позиции не употребляется. Так, например, звук *tš* в нижнечулымском диалекте в начальной позиции вообще отсутствует. На границе ареала этого говора сначала звук *ts* замещается переходным звуком *tš*, который затем, выше дер. Тызырачево, в свою очередь, замещается звуком *š*, например: *tseden* — *tšeden* — *šeden* 'ограда', *tsanaq* — *tšanaq* — *šanaq* 'ручная нарта', *tsaq* — *tšaq* — *šaq* 'время', *tsyq* — *tšyq* — *šyq* 'выходи', *tsap* — *tšap* — *šap* 'коси'. Звук *z* (*s*) в середине слова замещается звуком *j* не по границе *юл/чул*, а выше по Чулыму, уже в области распространения среднечулымского диалекта, а именно, от Новой Деревни; еще выше по Чулыму, начиная со следующей деревни, звук *z* (*s*) сохраняется, например: *aĵaq* — *aĵaq* 'нога', *aĵyq* — *aĵyq* 'жеребец'.

Если чередующиеся звуки, составляющие дифференцирующий признак, свойственны обоим пограничным диалектам и возможны в тех же позициях, тогда диалектная граница проходит по отдельным словам и группам слов. Так, например, нисходящие дифтонги распространены до дер. Туталы (среднечулымский диалект), а начиная с этой деревни и выше по Чулыму, до дер. Тюзюны, они встречаются только в отдельных словах, в других же словах вместо них имеются восходящие дифтонги, например, Ново-Тарлаганы: *suaq* 'холод', *quas* 'красивый', но *sö:k* 'кость', *se:k* 'комар'; Тюзюны: *quas*, *uaq* 'мелкий', но *sö:k*, *sö:l*, *se:k* 'бородавка'; В. Скоблино: *so:q*, *quas*, *sö:k*, *se:k*. Нередко такие различия замечаются носителями соседних подговоров и воспринимаются ими как дифференцирующие признаки подговоров; местные жители указывают исследователю на эту разницу: «у нас не говорят *tšuaq* ['разговор'], так говорят ниже по Чулыму» (Тюзюны); «*se:k* — это по-скоблински, они говорят: *se:k tšiptyq* ['комар ест'], а мы говорим *sijäk*». Отмечены случаи, когда различия указанного характера встречаются в одной и той же деревне, например: *so:q* — *suaq* 'холод' (Тюзюны).

Теперь о говорах тюрков Чулыма.

5. Говоры нижнечулымского диалекта сравнительно хорошо изучены. Подговор ежинского говора — язык дер. Тургай — подробно описан нами³. Другой подговор этого же говора описал Р. А. Ураев⁴. Говор

³ А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. IX, 1952; *его же*. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. VIII. Абакан, 1960.

⁴ Р. А. Ураев. Говор чулымских тюрков дер. Ежи. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. XIII, 1955.

кюэрик изучил В. В. Радлов, опубликовавший большую сказку⁵. Кюэриксские материалы вошли в его «Опыт словаря тюркских наречий» и учтены им при написании «Фонетики северно-тюркских наречий». Поговору кецик В. В. Радловым были собраны лишь незначительные лексические материалы, также включенные им в «Опыт словаря тюркских наречий». Теперь уже нет носителей обоих этих говоров.

Единственный материал по ячинскому говору содержится в статье неизвестного автора (псевдоним Д.) «Язык чулымских инородцев», опубликованной в «Томских губернских ведомостях» за 1858 год, № 44; в ней приведено около 150 слов и 60 выражений, содержащих различные грамматические формы. Ввиду труднодоступности этого издания мы приведем некоторые данные из упомянутой статьи.

Указанные автором слова и словоформы в подавляющем большинстве случаев совпадают с ежинским говором, однако имеются и некоторые расхождения, например: яч. ер, еж. үү 'дом'; яч. šebele, еж. tsebele 'ложка'; яч. ezeḡ, еж. iḡär 'седло'; яч. kuṇaḡ, еж. küṇäk 'рубаха'; яч. qazun, еж. qajun 'береза'; яч. kugük, еж. küäḡük 'бурундук'; яч. quzguḡ, еж. qujuguḡ 'хвост'; яч. kemä, еж. qa:juḡ 'обласок'; яч. jequrḡu, еж. jā:rwä, срчул. tše:ḡirbe 'двадцать'; яч. taṇḡa, еж. taṇmuḡa 'завтра'; яч. qainar baraizen, еж. qain'i praḡain 'куда ты пойдешь'; яч. aza:ḡum aḡur turgmen, еж. аја:ḡөт аḡурḡäd'i 'у меня нога болит'. В отрицательной форме глагола в ячинском говоре полностью сохраняются составные части, например: uzujoḡmen 'я не сплю'; в ежинском говоре полные формы никогда не встречаются, например: praḡjo:m 'я не пойду' (из: praḡa+joḡ+men).

В 1950 г. автор производил записи говоров на Чулыме. Единственным носителем чибинского говора оказался житель дер. Перевоз — Д. Л. Талбанов, 1895 г. рождения, уже плохо знавший свой язык. Говор этот интересен тем, что в нем вместо начального звука *j* выступает звук *t'*, например: t'yḡ 'год', t'oḡ 'дорога', t'yḡan 'змея', t'ajaḡ 'пешком', t'at 'ложись'; uḡḡar t'ade 'он спит', t'amḡur 'дождь', t'axḡu 'хорошо', t'o:ḡuḡ 'нет', t'oḡoḡuḡ 'ясачный'; itp'ak t'e:ptur 'он хлеб ест'.

Наличие начального звука *t'* засвидетельствовано в XVIII в. Д. П. Фальком, который приводит название инородческой волости Tschi-by Djon⁶. Слово tšiby, шор. šübe 'пихта', указанное Д. Мессершмидтом (первая четверть XVIII в.) в форме schibbhy, в чулымско-тюркском языке нами не было отмечено. В некоторых случаях произношение колеблется: t'uḡ — juḡ 'речка', t'oḡ — joḡ 'нет'. Звук *t'* — полувзвонкий или глухой. Колебания наблюдаются и в других случаях: е:р или үү 'изба', turupturum или turgubḡum 'я стою'; päḡädžäk 'маленький', tsij 'пиши', tšo:tšwaḡ 'щучка', tsyḡ 'выходи', te:ḡmetš 'железная печь', piḡšen tsabaryḡa 'косить траву', idžärgä oḡtei 'пить садись', sa:ḡyuts 'горноста́й'.

Упомянем еще некоторые особенности, отличающие этот говор от предыдущих. Фонетические особенности: чиб. rö:jük — еж. rüjök 'немного, маленький'; чиб. qainar bara:dyḡ — еж. qain'i pra:d'in 'ты куда идешь', чиб. kel munaḡ — еж. kel min'i 'иди сюда', чиб. pra anai — еж. pra an'i 'иди туда'. Морфологические особенности: чиб. oḡ bilär joḡ — еж. oḡ plärroḡ 'он не знает', чиб. oḡtyj — еж. ot' 'садись'.

⁵ См.: В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. II. СПб., 1868, стр. 689—705; в немецком переводе — стр. 700—720.

⁶ D. P. Falk. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. St. Petersburg, 1786, Bd III, стр. 554.

Как видно из приведенных материалов, чибинский говор представляет собой типичный образец говора переходной зоны.

6. О говорах среднечулымского диалекта. С. Е. Малов, побывавший в 1908 г. на Чулыме в селениях Каштаково, Станок, Каклаево, Бергаево, Апкашево и Туталы, дал описание только тутальского говора. Собранные материалы были опубликованы в его отчете, напечатанном в «Известиях русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (№ 9, апрель 1909 г., стр. 1—6). Поскольку основные особенности этого говора выше уже были указаны, мы ограничимся приведением нескольких образцов предложений, записанных в дер. Пуштаково: *mynda o:ɫur mæn suɣa: pa:rkɛlwändʒe* 'ты посиди здесь, пока я схожу за водой'; *qatšan ortudün roɣaɭaqqɑ me:ŋ uirum tša:twayɑn* 'когда полночь еще не прошла, я уже выспался'; *ärtän dʒaqʃy, kün qara:ɣə rə:zük ämes* 'утро хорошее, солнце еще не высоко'; *kel mynar qaidyɣ kiʒiziŋ* 'иди сюда, что ты за человек'; *küsküdä agatʃ pürü tüštür* 'осенью листья деревьев опадают'; *körüp mæn tö:dür e:birlip paɣam* 'увидев это, я повернул обратно'; *pis kāmābɭa kälge:bis peltirne ke:dʒire* 'мы на лодке переправились через реку'; *mæn sárdä qaɭɣy e:dim qonpaɣa* 'я бы у вас остался ночевать'; *oɭ perlükbä dʒoɣwa? oɭ ma: päyep* 'даст ли он или нет? Он мне дал'; *me:ŋɭɑ qoʃti oɭurɭuysun ba* 'рядом со мной сядешь ли?'; *nönü ämde ätтыkkýbis, tšyɭyúbəs aq-sapsaq* 'что мы теперь станем делать, конь наш захромал'.

Тутальский говор от мелетского отличается рядом особенностей. Звуку *ʃ* тутальского говора в мелетском соответствует звук *s*, например: *tiš—tis* 'зуб'; *šana—sana* 'лыжа'; *paʃqə—pasqə* 'другой'; *pāš—pās* 'пять'; *tšaʃy—tšaqsy* 'хорошо'; *quš—qus* 'птица'; *paš—pas* 'голова'; *šyq—syq* 'выходи'; *quš—qys* 'зима'.

Звуку *ʒ* тутальского говора в мелетском соответствует звук *z*, например: *kiʒi—kizi* 'человек'; *myʒyq—myzyq* 'кошка'; *re:ʒik—re:zik* 'люлька'; *tumʒuq—tumzuq* 'клюв'.

В некоторых случаях, обусловленных ассимилятивным воздействием носовых согласных⁷, начальному звуку *tʃ* тутальского говора в мелетском соответствует звук *ɫ*, например: *tša:—p'a:* 'новый'. Конечный звук этого слова *ŋ* во всех тутальских подговорах сохраняется (за исключением соседних деревень Пуштаково и Рубеж): *tša:ŋ*.

Есть и другие более мелкие фонетические расхождения, например: *käl mynar* 'иди сюда'; *paɣ anar* 'иди туда'.

В мелетском говоре совместно-орудный падеж имеет аффикс *-laŋ* (*-bɭaŋ*), например: *tšoɭlaŋ bar* 'иди по дороге', *pytšaɣlaŋ käs* 'ножом отрежь', *paɭtybɭaŋ käs* 'топором переруби'.

В мелетском говоре нет мягких вариантов аффикса *-ɭyq* (*-ɭuq*) будущего времени, например: *roɭɭuqqum* 'я буду', *bärɭyq* 'он даст', то есть этот аффикс воспринимается еще как самостоятельное слово, подобно выражениям типа *qatšämäspüm=qatʃ ämäspüm* 'я неграмотный', *oɭ za: paɣaɭbi:ndər = oɭ za: paɣaɭ+bin+tur* 'он не может пойти к тебе'. Имеются и некоторые лексические расхождения, например: тут. *tšyuatʃ* 'кузов', мел. *aiwut*.

Как видно из приведенного перечня лингвистических особенностей мелетского говора, нет никаких оснований считать их носителей потомками самостоятельной народности мелетов или мелесцев, как это иногда делается в исторической и этнографической литературе. Этнографическое обособление мелетов явилось результатом большой разницы в темпах

⁷ Ср.: А. М. Щербак. Тюркский консонантизм. — «Вопросы языкознания», 1964, № 5, стр. 23.

культурного развития районов, близких к старым центрам Западной Сибири — городам Томску, Мариинску и Ачинску, с одной стороны, и мелетского района — с другой, отстававшего вплоть до первой четверти XX в. вследствие его отдаленности и труднодоступности. В XIX и начале XX в. этот район представлял собой этнографически реликтовую область. Своеобразие его объясняется сохранением старых черт быта, некогда распространенных по всему Чулыму, то есть это была обособленность не этнического, а культурно-исторического характера.

7. О характере некоторых изоглосс, объединяющих чулымско-тюркский язык и его диалекты с диалектами и говорами соседних тюркских языков (особенности, общие для всех тюркских языков Западной Сибири, нами не учитываются)⁸.

Сохранение др.-тюрк. *ä* (māp, sān) объединяет чулымско-тюркский язык (со всеми его диалектами и говорами) с алтайским, шорским и тувинским языками, с бельтирским и кызыльским наречиями хакаского языка, с барабинским, яуштинским, чатским и калмакским наречиями, в противоположность (mip, sin) наречиям хакаского языка — сагайскому, качинскому, койбальскому и говорам западносибирских татар — тобольскому, тюменскому, туринскому и тарскому.

Сохранение др.-тюрк. *o* объединяет все тюркские языки и диалекты Западной Сибири (oɫ, ɫon), за исключением говоров западносибирских татар — ишимского, туринского, тарского и тюменского (uɫ, tun).

Аналогично этому сохранение др.-тюрк. *ö* объединяет все тюркские языки и диалекты Западной Сибири (öl, kög), в противоположность говорам западносибирских татар — тобольскому, тюменскому, ишимскому, туринскому и тарскому (ül, kür).

Др.-тюрк. *tš* в начальной позиции реализуется как *ts* в нижнечулымском, барабинском, яуштинском, чатском, калмакском диалектах, тобольском, тюменском, туринском и тарском говорах (tsaq 'время'); как *tš* — в западном ареале тутальского говора, в тувинском и алтайском языках; как *š* — в восточном ареале тутальского говора; как *s* — в мелетском говоре, кызыльском, бельтирском и сагайском наречиях.

Др.-тюрк. *tš* (ütš 'три') в конечной позиции представлено тем же звуком, но в несколько ином территориальном распределении, а именно звуком *ts* — в тех же диалектах и наречиях; звуком *tš* — в алтайском языке, в среднечулымском диалекте и в ишимском говоре западносибирских татар; звуком *š* — в шорском и тувинском языках, в кызыльском, качинском и койбальском наречиях; звуком *s* — в сагайском и бельтирском наречиях.

Др.-тюрк. *tš* в срединном положении представлено звуком *ts* (*dz*) в нижнечулымском, барабинском, яуштинском, чатском, калмакском диалектах и в татарских говорах — тобольском, тюменском и туринском (pytsaq 'нож'); звуком *tš* (*dž*) в среднечулымском диалекте, в хакаском, алтайском и тувинском языках.

Вместо др.-тюрк. *š* в конечной позиции (qoš 'прибавь') выступает звук *s* — в мелетском говоре чулымско-тюркского языка, в сагайском, бельтирском и кызыльском наречиях хакаского языка; во всех остальных сохраняется звук *š*. Реализация др.-тюрк. *š* в срединном положении

⁸ При написании этого раздела использованы, кроме материалов, собранных самим автором, следующие работы: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1888—1911; Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903; Л. Ж. Жэлюй. Диалектологик сузлек. Казан, 1953; Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958; Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961; Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.

(kiši) является более пестрой. Звук *š* содержат татарские говоры, звук *z* — мелетский говор чулымско-тюркского языка и наречия хакасского языка (кроме качинского и койбальского, которые, как и все остальные тюркские языки и диалекты Западной Сибири, содержат звук *ž*).

Звонкое *b* в начальной позиции (bai 'богатый') имеют только говоры западносибирских татар и калмакский диалект нижнетомских тюрков; во всех остальных тюркских языках и диалектах Западной Сибири вместо этого звука произносится глухое (или полувзвонное) *p*.

Конечное *γ* (suγ 'вода'), в отличие от остальных тюркских языков и диалектов, сохраняется лишь в чулымско-тюркском, хакасском, тувинском и шорском языках.

Др.-тюрк. *j* в начальном положении сохранили диалекты: нижнечулымский (за исключением чибинского говора), яуштинский, чатский, калмакский, барабинский, диалект туба алтайского языка и говоры западносибирских татар; звук *tš* имеется в среднечулымском диалекте, хакасском языке, северных диалектах алтайского языка, тувинском и шорском языках; звук *t'* (*d'*) имеется в южных диалектах алтайского языка и чибинском говоре чулымско-тюркского языка; в ряде случаев *n'* встречается в северных говорах алтайского языка, мелетском говоре чулымско-тюркского языка, шорском и хакасском языках.

Др.-тюрк. конечное *t*, представленное в тувинском языке звуком *t* (yt 'посылай'), в хакасском и шорском языках, в среднечулымском диалекте и кюэрикском говоре замещено звуком *s*, а во всех остальных языках и диалектах тюрков Западной Сибири — звуком *j*. Аналогично реализуется др.-тюрк. *d* в срединном положении — этот звук сохраняется в тувинском языке (adaq 'нога') — замещается звуком *z* в среднечулымском диалекте, в кюэрикском говоре, в хакасском и шорском языках, а во всех остальных языках и диалектах представлен звуком *j*.

Сочетание *ay* сохранилось в чулымско-тюркском, шорском, хакасском и тувинском языках, а в барабинском, яуштинском, чатском, калмакском и в татарских говорах Западной Сибири представлено сочетанием *ai*, в алтайском языке стянуто в долгое *u*.

Сочетание *iγ* сохранилось в чулымско-тюркском, шорском, хакасском и тувинском языках, в яуштинском, чатском и калмакском — стянуто в *u*, в алтайском представлено звуком *ü*.

Система аффиксов множественного числа -lar — -lär, -nar — -näğ, -tar — -täğ в чулымско-тюркском языке (кроме кюэрикского говора) совпадает с соответствующими системами диалектов хакасского языка, а также диалекта туба алтайского языка, яуштинского и чатского. Кюэрикский говор имеет систему аффиксов -lar — -lär, -nar — -näğ, -dar — -där, -tar — -täğ, адекватную шорской и тувинской системам. Отметим, кстати, что система аффиксов калмакского диалекта нижнетомских тюрков -lar — -lär, -lor — -lör, -dar — -där, -dor — -dör, -tar — -täğ, -tor — -tör совпадает с той же системой алтайского языка (за исключением диалекта туба).

Притяжательный аффикс 3-го лица -su в говорах западносибирских татар имеет глухой согласный, а во всех остальных тюркских языках и диалектах Западной Сибири — звонкий (-zy).

Притяжательный аффикс 2-го лица мн. числа чулымско-тюркского языка -ηпаг по структуре совпадает с уйгурским (-ηlag), за исключением кюэрикского говора, имеющего, так же как хакасский и шорский языки, аффикс -ηаг.

Значительный интерес представляют падежные аффиксы.

Аффиксы родительного падежа -nup — -nin, -nup — -nün, -tyn — -tin, -tup — -tün в чулымско-тюркском языке (кроме кюэрик) совпадают с аффиксами качинского, койбальского, яуштинского и чатского. Система аффиксов в кюэрик, в котором, кроме указанных, имеются еще аффиксы -dyp — -din, -dup — -dün, совпадает с шорской, алтайской, бельтирской, сагайской и калмыкской системами. В барабинском и говоре западносибирских татар представлена значительно более простая система (-nup — -nin, -nup — -nün). Аналогичным является распределение системы аффиксов винительного падежа: чулымско-тюркские аффиксы -пу — -pi, -пи — -pü, -ту — -ti, -ту — -tü объединяют качинское, койбальское, чатское и яуштинское наречия. Кюэрик и здесь занимает особое место; со своими дополнительными вариантами -dy — -di, -du — -dū этот говор объединяется с шорским, тувинским, алтайским, бельтирским, кызыльским, сагайским и калмакским языками и наречиями.

Система аффиксов исходного падежа чулымско-тюркского языка -dyp — -din, -tyn — -tin, -dup — -dün, -tup — -tün (кроме кюэрик) совпадает с уйгурской. Кюэрикийский говор по огласовке аффикса и согласному исходу (η) близок к шорскому языку.

Хорошо выраженный ареал составляет личное местоимение 2-го лица мн. числа *silär*, объединяющий нижнечулымский диалект с яуштинским, чатским, калмакским, а также с шорским, тувинским, алтайским и хакасским языками, кроме сагайского наречия с его формой *sirar*, близкой к форме среднечулымского диалекта (*sär*).

8. Судя по данным Г. Ф. Миллера о чулымско-татарском языке, относящимся к первой половине XVIII в.⁹, описанные нами выше диалектные различия к тому времени уже сложились во всех своих основных чертах, в том числе звуковые соответствия *j — tš, ts — tš*, способы образования отрицательной формы глагола (нчул. *juchla-mas* — срчул. *juchli-jok-men* 'я не сплю') и др. Вместе с тем данные Г. Ф. Миллера показывают, что процесс выравнивания в пределах отдельных диалектов тогда еще не был завершен. Ср., например: срчул. *kirbedym* — нчул. *kuregjoq* 'я не вижу'. В этой нижнечулымской форме имелось сочетание звуков *ir*, которое теперь уже не встречается (нчул. *köri:joq* 'он не видит'). Г. Ф. Миллер указывает формы срчул. *saktadym* — нчул. *sakladym* 'я плачу'; теперь же в нижнечулымском диалекте употребляется только форма с аффиксом -*t* (*syqtydym* 'я плакал'). В значении «теплый» Г. Ф. Миллер приводит слово *jilu:*, то есть *jilu* и *jilu*; первая форма теперь является всеобщей, а вторая полностью вышла из употребления. Особенно интересна представленная в обоих диалектах чулымско-тюркского языка форма *sler turadisler* 'вы стоите'. Имеющаяся в этом глаголе форма аффикса 2-го лица мн. числа, свойственная только карагасскому и тувинскому языкам, ныне в чулымско-тюркских диалектах не встречается; она вытеснена аффиксом -*zuŋpaŋ* — -*syŋpaŋ*, -*ziŋpäŋ* — -*siŋpäŋ*, -*zuŋpaŋ* — -*suŋpaŋ*, *züŋpäŋ* — -*süŋpäŋ*, который является общим для барабинского, туба, яуштинского и чатского диалектов. По всей вероятности, диалектные изоглоссы для подобных языковых явлений окончательно установились только после XVIII века.

9. Судя по пучкам изоглосс, объединяющих отдельные диалекты и говоры чулымско-тюркского языка с соседними тюркскими языками и их говорами, можно предположить, что заселение бассейна реки Чулыма тюрками происходило в трех направлениях: с юго-востока — вниз по

⁹ ЦГДА, фонд 199, портфели Миллера, 513, д. 22.

Чулым, с юго-запада — вверх по Чулыму (или вниз по Яе) и с юга — вниз по Кие. Тюрки, пришедшие с юго-запада, явились носителями гидронимов на *-су*, а тюрки, пришедшие с юго-востока, — носителями гидронимов на *-юл* или *-чул*. Кия в XVIII в. носила название Кису, а по левой стороне ее на неширокой полосе встречаются гибридные названия, объединяющие в себе оба эти топоформанта, например: *Юксу-юл*, *Курлусу-юл*. Форма этих названий указывает на то, что в эти места, заселенные тюрками с юго-востока, позднее переселились и тюрки с юго-запада. Известно, что яуштинцы были на Томи уже в первой половине XVI в.¹⁰; заселение нижнего Чулыма тюрками, безусловно, предшествовало заселению нижней Томи.

В связи с этим необходимо признать, что заселение нижнего Чулыма тюрками произошло не позднее XV в. Заселение же верховьев Чулыма относится к VII—VIII вв.¹¹ Продвижение тюрков на Чулым с юга по Кие должно быть отнесено к более позднему времени, возможно, к XII—XIII вв. Исходная территория для тюрков нижнего Чулыма может быть уточнена на основании данных топонимики: нижнечулымское название р. Чулым — *tsö:m* — встречается в районе г. Новосибирска: Чём(ка) — левый приток Оби, Чем — правый приток Берди. На этой территории в языке предков нижнечулымцев сложились особенности, общие с особенностями барабинского диалекта. Таким образом, следует заключить, что население Чулыма первоначально было смешанным и состояло из пришельцев из разных мест, переселившихся сюда в различное время. В течение нескольких столетий происходило выравнивание языка в пределах отдельных районов, в местах, где население, говорившее первоначально на разных тюркских наречиях, приходило в соприкосновение. В результате этого процесса на Чулыме сложились языковые особенности, которые следовало бы рассматривать как результат хронологически последовательно сменявшихся этапов процесса дивергенции первоначальной общности. Так, например, в направлении вверх по Чулыму начальное *j* в языке замещается звуком *t'*, вслед затем звуком *tš* и, наконец, звуком *š* (*juł* — *t'juł* — *tšjuł* — *šjuł*). В той же последовательности располагаются и звуковые соответствия *ts* — *tš* — *š* (*tsaq* — *tšaq* — *šaq*). Если на выравнивание указанных небольших особенностей языка потребовалось около 200 лет, то на выравнивание более существенных различий необходимо было, очевидно, хотя бы не меньшее время. Именно на этом основывается предположение, что заселение тюрками Чулыма у устья Кии относится к XII—XIII вв.

Археологические данные¹² указывают на то, что бассейн Чулыма был заселен еще до прихода сюда тюрков. С приходом тюрков коренное население подверглось ассимиляции. Это подтверждается и тем, что в чулымско-тюркском языке имеется большое количество гидронимов, происхождение которых не поддается объяснению на основе какого-либо из тюркских языков. Изучение этих названий показывает, что они были восприняты тюрками из языка трех кетоязычных народностей — ассанов, пумпоколов и аринов. Так как слова ассанского происхождения встречаются

¹⁰ См.: А. П. Дульзон. Диалекты татар — аборигенов Томи. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. XV, 1956, стр. 298.

¹¹ См.: А. П. Дульзон. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. VI, 1950, стр. 182.

¹² А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. X, 1953, стр. 127—334; его же. Археологические памятники Томской области. — «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V, 1956, стр. 89—316; Р. А. Ураев. Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области». — Там же, стр. 317—328.

только в районе, называвшемся atšyу tšon, где проживали тюрки «Ачинской инородческой волости», остатки языка которых сохранились лишь в топонимах, мы на анализе этих слов останавливаться не будем. Гидронимы пумпокольского происхождения встречаются на всей территории расселения чулымских тюрков, аринские же — только в бассейне р. Кии. Пумпокольских гидронимов насчитывается около 100: Агуйдат, Айдат, Албатат, Алтат (2), Алчедат (3), Альбедет, Аргудат, Багайдат, Барандат, Битат, Быедат, Дудет, Идат, Итат, Ичиндат, Кабытат, Кадат (2), Кайдат (2), kăldăt, Кандат (2), Кастат, Катат, Кводат, Кильдет (2), Киндат, Кипидет, Китат (3), kô:dat, Кондат, qo:dat, Коуштат, Кочетат, Кубидат, Кубитет, Куендат, Кульбедет, Кумандат, Кундат, qyndat (2), qətat, Латат, Майндат, Медодат, Огойдат, Садат, Сургундат, Табулдат (2), Тагылдат (2), Таиндат, Тайгодат, Тегульдет, Тет, Тондат, tu:dat, Туендат (2), Туйдат (2), Тюхтет, Уладат, Шулдат (2), Чаиндат, Чедат, Чедодат, Чердат, Четь, Чиндат (2), Чулдат, tšylandat, Эдет, yqđdat. Все они оканчиваются на *tet* или *tat* (переогласовка по законам тюркского сингармонизма гласных), что означало «река»¹³. Значительная часть этих названий без труда раскрывается¹⁴. Аринских топонимов не много, но они весьма характерны и не вызывают сомнений: Куль, Берчикуль (2), Берикуль — все это названия притоков Кии. В низовье Чулыма имеется приток Сулзат с не менее типичным аринским оформлением.

Наличие субстрата, несомненно, сказалось на возникновении фонетических особенностей различных диалектов и говоров чулымско-тюркского языка.

Так, например, для нижнечулымского диалекта характерны начальное *j* и восходящие дифтонги, свойственные языку субстрата (аринскому). В языке некоторой части тюрков, пришедших на Чулым, также был представлен звук *j*; вытеснению звука *tš* в этой позиции способствовал и язык аринского населения. Что же касается восходящих дифтонгов, то их возникновение из долгих гласных и распространение на данной территории должно быть, скорее всего, целиком отнесено за счет воздействия языка аринского субстрата, поддержанного той же особенностью соседнего чулымско-селькупского говора; факультативное чередование долгих гласных с дифтонгами является характерным и для современных кетских диалектов¹⁵. В кетских наречиях XVIII в. имело место то же самое чередование звуков: *ts* — *tš* — *š* — *s*¹⁶, которое, как мы видели, дифференцирует различные диалекты и говоры чулымско-тюркского языка. Для пумпокольского наречия характерно наличие аффрикаты *ts*, однако эта фонема сохранилась только в нижнечулымском диалекте, распространенном на периферии тюркского района, для которого был характерен звук *tš*. Между чулымско-тюркским языком и аринским и пумпокольским наречиями нет морфологической общности. Однако между ними существует некоторая типологическая общность. К проявлению этой общности можно отнести употребление личных глагольных форм с окончаниями местных падежей в значении придаточных предложений времени, например: срчул. oɭar orta dʒoɭga: tšetkăle:kke suу tša:p paуan, шор.

¹³ См.: А. П. Дульзон. Общее название реки у кетоязычных народов. — «Ученые записки Дальневосточного государственного университета», вып. V. Владивосток, 1962.

¹⁴ См.: А. П. Дульзон. Кетские топонимы Западной Сибири. — «Ученые записки Томского государственного университета», т. XVIII, 1959.

¹⁵ См.: А. П. Дульзон. Очерки по грамматике кетского языка, ч. I. Томск, 1964.

¹⁶ См.: А. П. Дульзон. Кетские наречия первой половины XVIII в. — «Труды Томского областного краеведческого музея», вып. 2. Томск, 1963.

*орта чолға четкелекте нағбур чаап шыкты*¹⁷ 'они не успели еще пройти половину пути, когда пошел дождь'. Сравним аналогичный оборот из енисейско-кетского языка: *kun̄ga di:mesinka ta?p du? aŋgoɣon* 'когда они подошли к чумам, собаки залаяли', буквально: *kun̄g* 'к чумам', *di:mesin* 'они подошли' + *ka* — окончание местно-временного падежа, *ta?p* 'собаки', *du?* 'лай', *aŋgoɣon* 'начали'.

Дальнейшее углубленное исследование кетских наречий XVIII в. может уточнить субстратные связи чулымско-тюркских диалектов и говоров.

¹⁷ См.: Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М., 1941, стр. 136.

Н. З. ГАДЖИЕВА

О ДВУХ ИСТОЧНИКАХ РАЗВИТИЯ СОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Сложные предложения союзного типа возникли в тюркских языках не случайно. Их возникновение нельзя объяснить только влиянием структуры контактирующих языков других систем (русского, арабского, иранских). Уже в недрах структуры тюркских языков были заложены условия для развития союзного сложного предложения.

Исходным материалом для образования сложного предложения в тюркских языках, как и в индоевропейских, было простое предложение. Таким образом, с точки зрения исходного материала путь развития сложного предложения для языков различных систем первоначально был одинаков: происходило сцепление простых предложений, господством которых характеризуется наидревнейшая ступень синтаксического развития языка.

В тюркских языках на их собственной почве самостоятельно зародились две синтаксические тенденции: 1) трансформация¹, которая не могла охватить все разнообразные виды сложного предложения, и 2) союзный способ, внутренним импульсом к развитию которого, как известно, явилась союзная функция усилительных частиц. Следует отметить, что способ примыкания поддерживался системой частиц, хронологически относимых к довольно раннему периоду тюркской общности. Материал современных тюркских языков, диалектов и памятников свидетельствует о значительном месте, занимаемом в их синтаксической структуре частицами. Постпозитивная частица, присоединяющаяся к любой части речи, имеет усилительно-выделительное значение и используется в случаях эмпазы. Широкий круг таких исконно тюркских частиц, особенно часто употребляющихся в живой разговорной речи. Приведем наиболее характерные из них.

Частица **а:** узб. *Шуни айтинг-а* (Яш., 7) 'Скажи-ка это!'

Частицы **аи, ак:** каз. *Мен ертерек-ак билдiм-ау* (Ақт. Қаһарлы, 10) 'Я же заранее знал'.

¹ При соединении двух самостоятельных простых предложений в целях подчинения одного другому сказуемое-глагол присоединяемого предложения грамматически трансформируется, стремясь утратить глагольность и обрести именную форму (ср. причастные, деепричастные, глагольно-именные конструкции со своим подлежащим). Процесс трансформации происходит по действующим законам структуры тюркского предложения: закону твердого порядка слов (определение+определяемое) и закону, согласно которому структура тюркских языков стремится избежать двух самостоятельных форм *verbum finitum*. См. об этом подробнее: Н. З. Гаджиева. Трансформация как способ выражения подчинительных отношений в тюркских языках. — «Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института», вып. XXXIV. Филология. Чебоксары, 1967.

Частице ак, очевидно, этимологически родственна широко распространенная в тюркских памятниках частица *ök*, *oq*, ср. Памятник в честь Тоньюкука: *tün udymaty, күntüz olurmaty qyzyl qanym tökti, qaqa tärim jügürti, isig küčig birtim oq* (71) 'Не спал ночью и днем, не имея покоя, проливая красную кровь и заставляя бежать свой грязный (черный) пот, я давал работу и силу (т. е. работал)' (Мал. Пам., 72); Кутадгу билиг: *kiši sözlär ök, kör, kišiniñ sözi* (252) 'Смотрит, говорит человек слова людей' (Мал. Пам., 276).

Частица *či*: кум. *Айтдым чы сагъа* (Я. Къонакълар, 12) 'Я ведь сказал тебе' и т. д.

На базе усилительно-выделительной функции при однородных именах и глаголах у частиц развивается соединительное значение, ср. Памятник в честь Тоньюкука: *...isig küčig birtim ök, bân özüm uzun jalmäg jämä yt(t)-um oq* (64) '...Я отдавал народу (свои) работу и силу, и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги' (Мал. Пам., 69).

Эмфаза дает почву и для развития союзного значения противопоставленности действий, ср. узб. *Мен яхшилик қилиб сени ўлимдан қутқардим-ку, сенга яхшилик қилган одамни чақасанми?* (Ўзб. Эртақ I, 38) 'Я ведь сделал добро и спас тебя от смерти, а ты жалишь человека, который тебе сделал добро'.

На основе усилительно-выделительной функции частиц развиваются не только значения соединительных союзов, но и значения противопоставленности двух действий, их обусловленного характера, временного соотношения, то есть не только сочинительные, но и подчинительные отношения. Целый ряд тюркских сочинительных и подчинительных союзов ведет свое происхождение от усилительных частиц.

Союз *da, dā*² представляет собой яркий пример развития союзной функции на базе усилительной частицы *da*. В процессе образования постпозитивных союзов из усилительных частиц можно условно выделить три этапа: 1) постпозитивная частица, присоединяясь к глаголу или к имени, сохраняет усилительное значение, не имея еще союзного значения; 2) развивается союзное значение при сохранении еще усилительного значения; 3) союзное значение, приобретая разнообразные оттенки, становится ведущим.

В существующих грамматиках тюркских языков различные случаи употребления *da* часто не дифференцируются, в то время как сам материал тюркских языков подсказывает необходимость такой дифференциации.

1. Частица-союз *da* имеет усилительное значение в постпозиции к имени, ср. кирг. *Законду биз да билебиз* (Каимов, 7) 'Закон и мы знаем'; чув. *Унган вара хёрсем те клуба пухъаңсё* (Талв., 5) 'Потом и девушки в клубе собираются'.

Усилительная функция прослеживается и в постпозиционном употреблении *da* при глаголе, ср. каз. *Маган ұқсаса тапал қара болды да* (Сералиев Ақ., 35) 'Если похож на меня, то он должен быть черным и коренастым'; уйг. *Оқалмай қалдим дә* (Б. Қайнам, 9) 'Остался ведь я необученным'.

2. При усилительно-выделительном значении у *da* развиваются и союзные значения:

² В существующих грамматиках тюркских языков *da, dā* обычно рассматривается как соединительный союз «и, также, тоже» (см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 328). Этимологически его обычно связывают с тюркским энклитическим аффиксом *-da* (см.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 264).

а) значение сочинительного союза «и» развивается в случае эмфазы при однородных именах, ср. гагауз. *Гагарин дă, Титов да — совет космонавтары* 'И Гагарин, и Титов — советские космонавты'; тат. *Якындагы промтовар кибете дă, ашханă дă ябык иде* (Фэттах Бала күңеле, 8) 'И промтоварная лавка, и столовая, находящиеся поблизости, были закрыты'.

В том же значении сочинительного союза «и» да употребляется в постпозиции и при однородных глаголах. Частица-союз да, усиливая, выделяя, а затем уже и связывая один из однородных членов, в частности сказуемое, тем самым предохраняет его от трансформации в деепричастие. Нарушается обычная структура слитного предложения, состоящего из однородных сказуемых, из которых обычно лишь последнее оформлено как *verbum finitum*, остальные имеют форму деепричастия на *yb*.

При частице-союзе да оба однородных сказуемых часто сохраняют оформление *verbum finitum*, ср. каз. *Баладан қорыққанына Жұмабай ұялды да, ыза болды* (Абай, I, 5) 'Джумабай устыдился за свой страх перед мальчишкой, и его взяла досада'.

Переход частицы да в союз осуществлялся постепенно. И некоторое время да не могла переместиться с занимаемого ею места частицы, то есть, приобретая новые качества, она продолжала примыкать к концу предложения. Этим и объясняются случаи трансформации однородного сказуемого при связующем да, занимающем позицию в конце предложения, ср. азерб. *Отуруб, узаглашан бајаты сәсинə гулаг асараг кулүмсəди дə* (Ибр., I, 8) 'Он сидел, прислушиваясь к звукам удаляющейся песни, и улыбался'.

Двойная связь наглядно проявляется, когда частица-союз да бывает одновременно связана с обеими частями сложносочиненного предложения, а именно: выполняя новую для себя функцию присоединения последующего предложения, да одновременно тяготеет к составным частям первого предложения, подчеркивая те или иные его члены, ср. туркм. *Бирден шемал турды-да агачларың, башлары ыранмага башлады* 'Вдруг поднялся ветерок, и стали колыхаться верхушки деревьев' (АН ВС, 73);

б) да наряду с усилительной функцией может иметь также значение противительного союза «а, но», ср. каз. *Мен орасан тентек едім де, ол жуас еді* (Қайс. Жау, 17) 'Я был большим шалуном, а он был тихим';

в) да наряду с усилительной функцией имеет значение подчинительного союза, вводящего подлежащие придаточные предложения цели, ср. тур. *Nasıl oldu da sen bu yollara düştün be kızım?* (Sab. Eser., 105) 'Как же случилось, что ты встала на этот путь, а, моя девочка?'

3. Союзное значение у частицы да становится главным, и при этом интенсивно развиваются многообразные оттенки этого значения, в том числе и подчинительные:

а) да — соединительный союз «и», ср. каз. *Ол менімен сегізінші класқа дейін консерваторияға түсуге уәделесіп жүрді де бір күні сабындай бұзылды* (Серәлиев Ақ, 6) 'Он до восьмого класса обнадёживал меня, что вместе поступим в консерваторию, и в один (прекрасный) день все лопнуло, как мыльный пузырь';

б) да — противительный союз «а, но», ср. карач.-балк. *Сора о кече ала зукълаб болгъандыла, ол'а баргъанды ды, аладан ючеуленни кесгенди* (65) 'И в эту ночь князя (они) спали, а он пошел трех из них зарезал' (Балк. диал., 66);

в) да — временной, условно-уступительный союз, ср. тур. *Iş var da, biz mi yapıyoruz* (Nesip Deli., 19) 'Когда (если) есть работа, разве мы не делаем'.

Тюркские языки располагают немалым количеством союзов, ведущих свое происхождение от усилительных частиц, ср. еще *dagy, ja, jätä* и др. Однако по многообразию передаваемых сочинительных и подчинительных значений вряд ли какой-нибудь из вышеназванных союзов может сравниться с союзом *k'i*, по своему происхождению также связанным с усилительно-выделительной частицей. Вместе с тем следует заметить, что происхождение союза *k'i* гораздо сложнее. Этимологически родственные частицы *go, ku, ok, ök* имеют, очевидно, в своей основе элемент *-k*. С последним, вероятно, находится в родстве и союз *k'i*. Однако ответить на вопрос, почему союзная функция не развилась в достаточной степени у фонетических вариантов *go, ku* и т. д., можно только при учете внешних факторов развития языка.

Прежде всего проанализируем развитие союза *k'i* на почве самих тюркских языков. Материал отдельных тюркских языков, не только огузских, но и кыпчакских, обнаруживает достаточно прочное бытование в них усилительно-выделительной частицы *k'i*, ср. азерб. *Ай гыз, нә олуб, нија тәләсирсән, бизи гован йохдур ки?* (Мех. I, 17) 'Дочка, что случилось, почему ты торопишься, нас ведь не выгоняют'; узб. *Унинг эғнида яшнаб турган никоҳ либослари ўзига бирам ярашибди* (С. Аҳмад, 60) 'Пышные брачные одежды на ней были так ей к лицу!'.³

На базе усилительно-выделительной функции у частицы *k'i* развивается значение противопоставления, следы которого сохранились в ряде тюркских языков, ср. туркм. *Зөхре жан шах-и җаҳандыр, мен-ки шахың бир гулы* 'Зехре-джан — царица мира, а я раб этой царицы' (Поцел., 87).

Возраст тюркского союза *k'i* значителен. В тех тюркских языках, в которых встречается этот союз, наблюдается и его этимологически более ранний вариант — усилительно-выделительная частица *k'i*. В «Золотом блеске», одном из ранних памятников уйгурского письма, уже прослеживается эта усилительно-выделительная частица *k'i*. С. Е. Малов дает ее в указателе грамматических форм с пометой «сослагательная»³: *ät özin tidti ärkimu?* 'Не пожертвовал ли он свое тело?'; *Qatun uqa jrlyqady mu ärgi* 'Не соизволила ли (не соизволит ли) услышать это госпожа' (Мал. Пам., 191).

Возможное у частицы *k'i* противительно-сослагательное значение явилось основой для выражения условно-уступительных отношений, ср. тат. *Йел булмады ки, бик йылы* 'Если ветра нет, очень тепло' (Зак., 323).

Не случайно в фольклорном жанре встречается условная форма глагола в сочетании с усилительным *k'i*. Такая конструкция передает условно-временные отношения, ср. узб. *Бўри пичоқни олиб келса ки, хўроз йўқ эмиш* (Ўзб. Эртас I, 36) 'Когда волк принес нож, петуха не оказалось'.

Тюркская усилительно-выделительная частица *k'i* с развившимся у нее противительно-условным значением могла встретиться с иранским союзом *k'i* и расширить свою семантику. Этим и объясняется то обстоятельство, что такое широкое развитие получила именно форма *k'i*, а не ее родственные варианты *ge, ku* и пр. Таким образом, причины этого явления коренятся во внешних факторах развития тюркских языков.

Некоторые тюркские языки испытывали в течение ряда столетий сильное персидское влияние. Примером тому может служить азербайджанский язык, которому во времена сефевидского государства, создан-

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 191.

ного в начале XVI века, иранские ученые уделяли большое внимание. Сами сефевидские шахи часто пользовались, помимо государственного персидского, и азербайджанским языком. Развитие азербайджанского литературного языка проходило в тесном взаимодействии с персидским. Это взаимодействие было двусторонним. Поэтому анализ типов подчинительной связи в азербайджанских памятниках указывает на наличие ряда общих союзов для персидского и азербайджанского (особенно старо-азербайджанского) языков, в частности, таким общим союзом является *k'i*. Именно влияние персидского языка послужило толчком для широкого развития в южных тюркских языках (азербайджанском, турецком) этого союза *k'i* в кыпчакском ареале тюркских языков, то объясняется это тем. По этой же причине южными тюркскими языками была хорошо усвоена индоевропейская структура союзной связи с широко развитой системой соотносительных слов и анафорических местоимений. Материал персидского языка обнаруживает аналогичную тюркскую структуру построения отдельных типов придаточных предложений, вводимых союзом *k'i*, ср. *دختری که تازه اورا بشوهر داده بودند* 'Девушка, которую (букв. что ее) недавно выдали замуж' (Арендс). Что же касается слабого развития союза *k'i* в кыпчакском ареале тюркских языков, то объясняется это тем, что хотя здесь и существовали для этого предпосылки, однако отсутствовал соответствующий внешний импульс.

Переход тюркской частицы *k'i* в союз, его контаминация с иранским *k'i* осуществились не сразу. В тюркских языках известны случаи, когда этот союз сохраняет и древнее значение частицы, и приобретенное союзное значение, ср. узб. *Бирам экин бўлди-ки ҳавасингиз келади* 'Ну и урожай получился, любо-дорого смотреть' (Узб., 74).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что союзный способ выражения подчинения (особенно распространенный в индоевропейских языках) не является для тюркских языков абсолютно привнесенным извне. Условия для развития союзного способа подчинения были заложены в самой структуре тюркских языков — в недрах простого предложения как одной из наиболее ранних синтаксических единиц, этому способствовала также развитая система разного рода частиц. Поэтому нельзя полностью согласиться с предположением о чисто иранском происхождении союза *k'i*⁴. В тюркологической литературе иногда делались попытки разграничения тюркского и иранского *k'i*. Так, например, Э. А. Грунина считает, что союз *k'i*, по-видимому, является омонимичной формой двух союзов — персидского и узбекского, развившегося из вопросительного местоимения *k'im*⁵. Бесспорным следует признать тот факт, что встретившись с иранским *k'i*, тюркский союз значительно расширил свою семантику. Рассматривая самые разнообразные типы придаточных предложений, вводимых союзом *k'i*, трудно провести четкую грань между «тюркским» и «иранским» его вариантами. Известно, что развитие союзов на базе частиц происходит в языках различного типологического строя. Ср. русскую диалектную частицу *дак*: *Садись, пришел дак* (= *сидись, раз пришел*) и др. Не случайно и то, что в татарский язык из русского сейчас проникают подобные кальки — этому способствует тюрк-

⁴ См.: Т. И. Грунин. Предложения с *ki* в турецком языке. — «Учебно-методический бюллетень», № 2, М., 1951; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 544 и др.

⁵ Э. А. Грунина. Синтаксис сложноподчиненного предложения в узбекском языке. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис. М., 1961, стр. 155.

ская почва, структура тюркских языков, не противоречащая такого рода конструкциям, ср. тат. *Бармыйсың тык, ялынмыйм* (Оренбург) 'Не пой-дешь, не буду кланяться'⁶.

В тюркских языках нередко встречаются сложные союзные образования, этимологически представляющие собой усилительно-выделительные частицы. Ср. *jada* 'или' (азербайджанский, гагаузский, ногайский, туркменский), *jada k'i* 'или же' (азербайджанский), *jama* 'и' (ранние тюркские памятники: Кюль-Тегину, манихейского содержания V в., уйгурские христианского содержания XIII в.), *jak'i* 'или же' (каракалпакский, татарский, узбекский, уйгурский) и т. д.

Помимо развитой системы усилительно-выделительных частиц тюркские языки располагали и другими собственными источниками развития союзной связи. Продуктивным средством связи довольно раннего происхождения является, например, относительное использование местоимений и наречных слов, что не противоречит структуре тюркских языков. Если при примыкании ранее самостоятельных простых предложений одно из них начиналось местоименным или наречным словом, то последнее при объединении двух простых предложений в одно сложное приобретало союзные функции. Этот способ в силу своего удобства получил широкое развитие в тюркских языках. Ср. *kajsy* (татарский, киргизский), *hansy* (азербайджанский), *kandaj*, *kandak* (киргизский, узбекский, уйгурский), *kaşap* (алтайский, татарский, староосманский, узбекский, Мухаббатнаме, Codex Cumanicus, Среднеазиатский коран XIV—XV в.), *k'im*, *pä* (большинство тюркских языков) и т. д. Местоименные и наречные слова, приобретая союзные функции в целях эмпазы, принимают усилительно-выделительные частицы, ср. *anik'i* (гагаузский), *pädä* (азербайджанский, турецкий), *şulaj uk* (татарский) и пр.

Одним из собственных источников развития союзной связи являются слова с временным значением, подвергающиеся процессу лексической изоляции, ср. *aga...* *aga* 'то...то' (Кутадгу билиг), *sebebi* 'так как' (казахский, каракалпакский, киргизский) и др. Лексическая изоляция может сопровождаться и морфологической, ср. *jogsa* 'а то; же' (азербайджанский, крымскотатарский, турецкий), *žokälde* 'или' (казахский), *birdän... birdän* 'то...то' (туркменский) и пр.

В тюркских языках значителен пласт союзных слов, представляющих собой морфологически изолированные глагольные образования. Морфологическому перерождению легко поддаются условные формы различных глагольных корней, ср. союзы *dese* 'а; что касается' (алтайский, киргизский, хакасский, шорский), *tese* 'чтобы' (чувакский), *äjtpeşe* 'а, но' (казахский), *bolşa* 'а; но' (ареал кыпчакских языков) и т. д.

Морфологически изолированные образования, связанные с формой условного наклонения, получили союзную функцию на почве эмпазы, ср. азерб. *män isä...* 'а я...' и пр. Нередки случаи, когда *ise* выполняет роль усилительно-выделительной частицы, ср. азерб. *Һара исә узаглара бахырды* (Ибр. I, 580) 'Он смотрел куда-то вдаль'.

В качестве союзов используются и другие морфологически изолированные глагольные формы, ср. гагауз. *bolaj* 'чтобы', тув. *bolgaš* 'и'. Широко бытуют во многих тюркских языках *dejä*, *dijä*, *tejü*, *tijin*, *deb*, *dejib*, *teb*, вводящие различные типы придаточных предложений. Слово *dejä||deb* уже в самый ранний период развития тюркских языков имело тенденцию к грамматикализации, выполняя чисто служебную функцию. Оно служит одним из основных средств выражения подчинительных значений

⁶ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 321.

при передаче прямой чужой речи⁷, ср. узб. *Кампир шаҳарда нима қилади деб қўни-қўшнилари ҳайрон бўлишди* (С. Аҳмад, 94) 'Соседи удивлялись, думая, что это старуха делает в городе'.

Из других изолированных глагольных форм можно назвать кирг., к.-калп. *ejtkeni* 'так как'⁸, каз. *ütkeni*, азерб. *sanasyn ~ gaгауз. sapsyn* 'словно'⁹. Для союзной связи в тюркских языках используются послелог, ср., например, *bile, bilen, menen, men, le, li* 'и'. Соединительная функция у этого послелога развилась довольно рано. Не случайно он широко распространен в древнетюркских памятниках. Впоследствии в современных тюркских языках конкуренцию ему составил арабский союз *wa* 'и'.

В тюркских языках встречаются и союзные предложения, представляющие собой морфологически изолированные образования, ср. якут. *iti kurduk* (временное значение), *iti bary* (причинное значение), карач.-балк. *pe ücün deseñ* (причинное значение), алт. *neniñ ucuñ deze* (причинное значение), башк. *ni tiklem* (уступительное значение), тат. *ni xätlä* (значение меры и степени), тув. *çok bolza* (противительное значение), *çüge deer-ge||çüge dize* (причинное значение), кирг. *birok oşentee da* (противительное значение) и т. д. Отсутствие единообразия союзных предложений в отдельных тюркских языках указывает на то, что этот способ связи развился относительно поздно.

Вторым источником образования союзов в тюркских языках являются иноязычные союзы. Заимствование союзов имеет культурно-исторические причины. Выше упоминался факт взаимодействия тюркских языков с персидским, что привело, в частности, к общности сочинительных союзов: *balki* 'но' (каракалпакский, татарский, узбекский), *gä... gä* 'то... то' (каракалпакский, кумыкский), *gox... gox ~ g'ah... g'ah* (узбекский, азербайджанский), *gej... gej* 'либо... либо' (каракалпакский, лобнорский), *xet... xet* 'и... и' (азербайджанский, гагаузский, каракалпакский, ногайский, татарский), а также подчинительных *ziga* 'потому что' (азербайджанский, гагаузский, турецкий), *g'ucja* 'будто, словно' (азербайджанский, татарский, туркменский, узбекский), *ta* — временное значение (памятники азербайджанского, турецкого, туркменского языков, среднеазиатский тефсир XII—XIII вв. и др.), *çu, çü* — временное, причинное, сравнительное значения (азербайджанский, памятники азербайджанского, турецкого, узбекского языков), *cuñ* — временное, причинное, условное значения (памятники азербайджанского, турецкого, туркменского языков, среднеазиатский тефсир).

Ряд особенностей синтаксиса тюркских языков был бы непонятен без учета тюрко-арабских исторических связей. Формирование литературных языков тюркских народов, входивших в свое время в состав халифата, испытало, как известно, заметное влияние арабского языка. Следы влияния арабского языка отчетливо прослеживаются в памятниках азербайджанского, турецкого, узбекского языков. (Ср. использование в памятниках азербайджанского языка начального соединительного союза в полной аналогии с арабским языком и др.).

⁷ Мы присоединяемся к мнению А. Н. Кононова, считающего, что «процессу грамматикализации слова *tāb* способствовало его постоянное местоположение на грани 2-х предложений» и что «процесс прямой передачи чужой речи заключает (логически и формально) в себе все необходимое для развития сложноподчиненного предложения» (см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 173).

⁸ Н. А. Баскаков возводит этот союз к изолированной глагольной форме *olaj etkeni* букв. 'так сделано им' (см.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. II. М., 1952, стр. 522).

⁹ От *saп-tak* 'думать, полагать' (см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 354).

Во многие тюркские языки прочно вошли следующие союзы: *атта*, *атта* 'а, но, однако' (азербайджанский, гагаузский, крымскотатарский, кумыкский, ногайский, татарский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский), *ba'zap... ba'zap* 'то... то' (узбекский), *birok* 'но' (казахский, каракалпакский, киргизский, узбекский), *va* 'и, а' (имеет значительный ареал в огузских и кыпчакских языках), *veli* 'а, но' (туркменский, Бабурнаме), *lekin* 'а, но' (азербайджанский, крымскотатарский, турецкий, узбекский, уйгурский, хорезмские памятники XIV в.), *turku* 'словно' (гагаузский), *fakat* 'а, но' (азербайджанский, татарский, турецкий, уйгурский) и т. д. Встречаются также сложные арабские союзы, ср. *атта va* 'а, и' (кумыкский), *va lekin* 'но, однако' (среднеазиатский тefsир XII—XIII вв., Кутадгу билиг) и др.

Арабо-персидские союзы в тюркских языках могут подвергаться морфологическим изменениям, ср. лобнор. *emese, ämisä*, имеющий условно-противительное значение. Довольно часто иноязычные союзы в целях эмпазы принимают тюркские усилительно-выделительные частицы, ср. *аттап да* 'а, но' (ногайский), *атта k'i* 'а, но' (диалекты азербайджанского, турецкого языков), *madam k'i* 'поскольку' (азербайджанский, турецкий, узбекский), *ta k'i* — временное, причинно-следственное, условное значения (азербайджанский, башкирский, гагаузский, крымскотатарский, туркменский, узбекский, уйгурский, половецкие документы и др.), *çip-k'im* (хорезмские памятники XIV в. и др.).

Арабо-персидские союзы, довольно прочно вошедшие в синтаксическую структуру тюркских языков, могут на почве последних получить вторичную функцию усилительных частиц, являя собой пример взаимодействия внешних и внутренних факторов развития языка. В этом отношении очень показательное употребление сочинительного союза *veli*, *velin* в туркменском языке.

Союз *vili*, *velin* в туркменском языке может использоваться в противительном значении (аналогично он употребляется и в арабском языке): *Улы геплемэин велин, шу ерде ишлэп башлаып бэри, мени ярамазчылыгың гырасында гөрэн дәл болсаңыз герек* (Мәммедов, 79) 'Не буду я говорить высокомерно, но мне кажется, с тех пор как я работаю в том месте, вы меня не должны видеть за дурным делом'.

В постпозиции к глаголу у союза *velin* параллельно с его усилительно-выделительной функцией развиваются подчинительные значения, и он передает временное соотношение действий: *Адамлар гелип-тир вели, ол оғлон гачып гәвәрә гүрди* (67) 'Когда люди пришли, тот мальчик, спасаясь, ушел в могилу' (Туркм. сказки, 115).

Вместе с тем наблюдаются и случаи, когда усилительно-выделительная функция у союза *veli* становится основной: *Болмаса, гурруң эдейин, ёгсам-а шу гүне ченли дүлдегшир отуран гоңшыларымыза-да айдан дәл-дирис вели* (Сарыханов Эсер., 12) 'Не то поговорим, вообще-то до сегодняшнего дня мы ведь не говорили даже самым близким соседям'.

В туркменском языке *veli* встречается в постпозиции к имени и по своей выделительной функции синонимичен *ise*, *bolsa*: *Губа дүйәниң вели, оның гәзләриниң өңинден гитмәйәнлигини дуйярын* (Сарыханов Эсер., 15) 'Что же касается темной верблюдицы, то я чувствую, что она не уходит от ее взора'.

Усилительно-выделительная функция прослеживается и у союза *хат* в узбекском и туркменском языках, ср. узб. *Бир неча йилдан буён илмлардан кўнгли совиб, дарсларга кўпинча қатнашмайди ҳам* (Ойбек Навоий, 5) 'За несколько лет он остыл к наукам и часто даже не посещал занятий'; туркм. *Шоның себабиниһем сбра°* (69) 'Спроси о причине этого' (Туркм. сказки, 116).

В функции усилительно-выделительной частицы *хам* употребляется при форме условного наклонения, ср. узб. *Бошингга қилич келса ҳам ки...* (Яш., 13) 'Хотя и меч упадет на твою голову...'

Характеризуя арабо-персидский пласт в синтаксической структуре тюркских языков, следует учитывать, что он является результатом культурно-исторических взаимодействий. В настоящее время арабо-персидские элементы в тюркских языках не развиваются, а, скорее, сокращаются. Целый ряд арабо-персидских союзов постепенно выходит из употребления, ср. перс. *çu, çün*, араб. *allazī (allatī) illā* и др. Тюркские языки стараются освободиться от чуждых их структуре особенностей, обусловленных арабо-персидской традицией. Значительно уменьшается использование арабского начального соединительного союза *vā*, а также арабского указательного местоимения *ap*, соотносительного с *k'ī*¹⁰. Сокращается употребление в начальной позиции союзов, вводящих придаточные предложения, находящиеся в препозиции перед главным. Суживается круг значений арабо-персидских союзов (ср. союзы *ta, çünk'ī* и др.); они вытесняются тюркскими грамматическими аналогами. В процессе развития литературных языков все шире используются собственные грамматические средства.

Тюркские языки народов СССР развиваются в тесном контакте с русским языком, причем синтаксис является тем уровнем языка, который оказывается легко проницаемым, ср. союзы, заимствованные из русского: *а* — в татарском языке, *атту* — в чувашском, *да* — в гагаузском и карачаево-балкарском, *но* — в татарском и чувашском, *так что* — в татарском, *такки* — в чувашском и т. д.

Заимствуются также и русские частицы. Так, например, в верховом диалекте чувашского языка встречается частица *иш* (русс. *уж*), употребляющаяся в сочетании с чувашской усилительной частицей *-ах/-ех*, ср. *Кайах иш, эп тытса чарийаҫ ҫок сана* 'Иди уж, я не в состоянии удержать тебя' (Канюкова, 104).

Говоря об иноязычных элементах в синтаксической структуре тюркских языков, следует указать и на возможность существования тюрко-монгольских параллелей. Авторы тувинской грамматики связывают, например, соединительный союз *база* 'и' с монгольским *bas*, употребляемым в значениях «еще, также, опять»¹¹. Однако вопрос о первоисточнике монгольских элементов в тюркских языках пока не разрешен. Эта сложная проблема тюрко-монгольских языковых отношений требует специального рассмотрения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абай* — Мұхтар Әуезов. Абай. Алматы, 1953.
АН ВС — А. Аннануров. Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский язык. Ашхабад, 1956.
Арендс — А. Арендс. Синтаксис персидского языка. М.—Л., 1941.
Ақт. Қаһарлы — Тахауи Ақтанов. Қаһарлы күндер. Алматы, 1967.
С. Аҳмад — Саид Аҳмад. Ҳикоялар. Тошкент, 1966.
Балк. диал. — Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике, фольклору. Нальчик, 1962.
Зак. — М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
Ибр. I — Мирза Ибраһимов. Сечилмиш әсәрләри, I чилд. Баки, 1966.
Каимов — Касым Каимов. Адашуу. Фрунзе, 1957.

¹⁰ Ср. памятники азербайджанского языка, в частности произведения Насими, в которых *ap* встречается часто.

¹¹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 452.

- Б. Қайнам* — Ж. Босақов. Қайнам. Алматы, 1964.
Канюкова — А. С. Канюкова. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965.
Қайс. Жау — Қасым Қайсенов. Жау тылында. Алматы, 1967.
Я. Қонақтар — М. С. Ягъияев. Чакъырылмагъан къонакътар. Махачкала, 1959.
Мал. Пам. — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
Мәммедов — Ашгабат Мәммедов. Тәзе йылдызлар. Ашгабат, 1960.
Мех. I — Нүсрәт Мехди. Сечилмиш әсәрләри, I чилд. Бақы, 1954.
Nesin Deli. — Aziz Nesin. Deliler boşandı. İstanbul, 1958.
Ойбек Навоий — Ойбек. Навоий. Тошкент, 1948.
Поцел. — А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943.
Sab. Eser. — Sabahattin Ali. Bütün eserleri. Narodna Prosveta, 1966.
Сарыханов Эсер. — Н. Сарыханов. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1951.
Серәлиев Ақ. — Нәсіреддин Серәлиев. Ақ қайың. Алматы, 1967.
Талв. — А. Талвир. Пәва сүлө сінче. Чебоксары, 1954.
Туркм. сказки — Туркменские народные сказки Марыйского района. М.—Л., 1954.
Ўзб. — Узбекско-русский словарь (под редакцией А. К. Боровкова). М., 1959.
Ўзб. Эртақ I — Ўзбек халқ эртақлари, I том. Тошкент, 1963.
Фәттаҳ Бала күнеле — Нурихан Фәттаҳ. Бала күнеле далада. Казань, 1966.
Яш. — Яшин. Пьесалар. Тошкент, 1954.
-

Э. Р. ТЕНИШЕВ

СМЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ЯЗЫКЕ ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Принято считать, что для группы смычных согласных в фонологической системе тюркских рунических памятников характерно противопоставление по звонкости — глухости. Так полагают, например, А. фон Габэн¹ и Т. Текин². Данное мнение недавно подтвердил путем нахождения минимальных пар И. Н. Кобешавидзе³. Казалось бы, применение строгого фонологического метода должно было с полной очевидностью доказать наличие системы звонкий — глухой у орхоно-енисейских смычных.

Так оно и было бы, если бы исследователи принимали во внимание полную картину дистрибуции смычных согласных — поведение последних в интервокальной позиции и в соседстве с другими согласными. В данном отношении смычные рунических памятников резко отличаются от смычных большинства тюркских языков.

В подтверждение этого ниже приводятся звукосочетания, в которых глухие *p, t, k, q* встречаются там, где, согласно нормам современных тюркских языков, они находиться не должны.

1. В интервокальной позиции

а) **yqa:** jazyuqa 'до степи' (КТм 3, КТб 17), amtyqa 'до настоящего времени' (КТм 13), jaŋyqa 'врагу' (КЧ 23), aŋy jaŋyqa 'шестого числа начала месяца' (МЧ 9).

б) **uqa:** Boŋcuqa 'в Болчу' (Тон 35).

в) **äkä:** näkä 'зачем, почему' (Тон 38, 39), Sälänäkä 'до Селенги' (МЧ 16).

г) **ikä:** tört jigirmikä 'четырнадцатого' (МЧ 19), aŋy jigirmikä 'шестнадцатого' (МЧ 46).

д) **aty:** joŋlaty 'погребли' (КЧ 24).

е) **äti:** sulätim 'я воевал' (ОХ).

2. После сонантов

а) **jq:** jujqqa 'тонкий' (Тон 13), ajqqa 'месяцу' (МЧ 21), taŋujqqa 'до моря' (КТм 3).

¹ А. v. Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1951, стр. 51.

² Т. Tekin. A Grammar of Orkhon turkic. Bloomington, 1968, стр. 75.

³ И. Н. Кобешавидзе. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей. — «Советская тюркология», 1972, № 2, стр. 45.

б) **lt**: Ältäris имя соб. муж. (О 4), iltä 'в государстве' (КТм 3), költä 'у озера' (КТб 34, МЧ 18, 26, 27), köñültä 'от сердца' (КТб 51), kälti 'он пришел' (КТб 28, Тон 8, Оа 1, М 25), tirilti 'ожил' (М 31).

в) **lt**: jołta 'на дороге' (КТб 49, Тон 16), qyłtım 'я сделал' (КТм 10, МЧ 16), ałtım 'я взял, захватил' (МЧ 10, М 24, Оа 1), ałtımuz 'мы взяли' (КТб 36), bołtu 'стал' (КТб 24, М 26), adyrułtu 'отделился' (Тон 2).

г) **rt**: ortu 'середина' (КТм 2), jirtä 'на земле' (КТм 13), ołurtım 'я сел (на трон)' (КТм 1, М 2), kälürtim 'я привел' (КТм 11, М 25), urtım 'я выбил (на камне)' (КТм 10, 11), bärting 'ты дал' (О 6), körtig 'ты видел' (О 7), kirti 'вошел' (М 38, МЧ 11), ołurtdy 'посадил (на престол)' (КТм 26).

д) **mt**: amty 'теперь' (О 7).

е) **nt**: Santuñ [*<*кит. Šan-ton (Шаньдун)] геогр. назв. (Тон 18, 19), başynta 'у вершины' (КТб 46), qaγanta 'от кагана' (КТм 11), äkinti 'второй' (КТб 33, М 30, МЧ 46), anta 'там' (КТм 2, О 5, М 24, 25, МЧ 1, 4, 7, КЧ 4), bunta 'здесь' (КТм 10, 11), kántü 'сам' (КТб 23, МЧ 14, 32), qantañ 'откуда' (КТб 23), küntüz 'днем' (КТб 27), saγyntım 'я подумал' (КТб 50, 51, Оа 2), qazγantım 'я приобрел' (КТб 27, Оа 4), qontu 'он расположился (на ночлег)' (М 40), qonturmys 'поселили' (КТб 2), qazγantu 'он приобрел' (КЧ 25).

ж) **lk**: ilki 'ранний, прежний' (М 30).

з) **rk**: arquš-tirkiš 'караван' (КТм 8), järkä 'земле' (Тон 17, 47), ügküř 'вздвогнул' (МЧ 31).

и) **nk**: tünkä 'к ночи' (Тон 26), täñrikänkä 'августейшему' (О 6).

к) **lq**: qułqaq 'ухо' (МХа 12), jułqa 'году' (КТб 36, Оа 4, МЧ 9, 10, 11, М 27).

л) **rq**: qurquz этн. (КТб 4, МЧ 22, 23, М 26).

м) **mq**: Tačamqa 'Тачаму' (Ов 1).

н) **pq**: boduñqa 'народу' (КТб 7, МЧ 19, КЧ 4), qaγañqa 'кагану' (КТб 7, 8, Тон 28, Оа 2).

о) **ñq**: qytañqa 'киданиям' (Тон 49).

3. После звонкого смычного

а) **bk**: äbkä 'дому' (Оа 2).

б) **dt**: toqydtım 'я водрузил' (Оа 1).

в) **dk**: bödkä 'престолу' (КТб 11, М 2), ödkä 'времени' (КТм 1).

г) **gt**: isigti 'спирт' (КТм 5).

д) **γq**: taγqa 'горé' (Тон 47), qaruγqa 'до ворот' (КТм 4, КТб 2, Тон 45, 46, КЧ 16).

4. Перед звонким смычным

а) **td**: jurtda 'на родине' (Тон 19), ułγartdım 'я возвысил' (Тон 53), sülätdim 'я заставил вести войско' (Тон 18), bititdim 'я повелел написать' (Тон 58), tutdy 'он схватил' (КТб 32, КЧ 6, 12), ältidi 'он утащил' (КТб 23).

б) **tg**: itgüci 'делающий' (КТб 53).

в) **kd**: Bükägükdä 'у Бюкягю' (МЧ 13), tikdim 'я водрузил' (КТб 25), tökdi 'он разлил' (КЧ 17), ičikdi 'он подчинился' (КТб 38, Тон 2, 28, МЧ 19, 20, М 37).

г) **qd**: Bäs baγqda 'у Бешбалыка' (КЧ 11), jołuqdy 'я встретился' (МЧ 25), tasuqdy 'он выступил в поход' (Тон 33), bołtuqda 'когда стал' (О 1, 6), qontuqda 'когда поселился' (КТм 5).

д) **qγ**: uqγaγu 'чтобы внимать' (М 28).

5. После звонкого щелевого

а) **zt**: *udyztym* 'я вел (войско)' (Тон 15), *bădiztim* 'я украсил' (КТм 11, МХ 1).

б) **zk**: *ügüzkä* 'реке' (Тон 18, 19).

в) **zq**: *oğuzqa* 'огузам' (Тон 49, КЧ 16), *otuzqa* 'тридцати' (КТб 53, МХа 10, МЧ 16), *bozqupča* 'до разрушения' (Оа 1), *azquña* 'немного' (Тон 9).

Явной аномалией следует считать также сочетание глухих щелевых и аффрикат со звонкими смычными *b*, *d*, *g*. Последние могут находиться в таких позициях:

1. После глухих щелевых

а) **sd**: *sühüsdä* 'в сражении' (МЧ 16), *basdym* 'я подавил' (Оа 1, М 27), *qysdym* 'я вынудил' (Тон 6), *asdymyz* 'мы перевалили вершину' (Тон 26), *sühüsdimiz* 'мы сразились' (Тон 15).

б) **sy**: *qysya* 'короткий' (КЧ 23), *tabysyan* 'заяц' (Тон 8), *jysyagu* 'черни' (Тон 15).

в) **šd**: *bašda* 'у вершины' (КТб 41, М 25), *tašda* 'на камне' (Тон 4), *jyšda* 'в черни' (КТм 4, М 27), *jaryšda* 'у равнины' (МЧ 31), *sözläšdimiz* 'мы говорили' (КТб 26), *tüşdi* 'он спустился' (МЧ 5).

г) **šg**: *söhüšgäli* 'чтобы сразиться' (М 32).

2. После глухой аффрикаты

а) **čd**: *tabyačda* 'у табгачей или от табгачей' (М 36, Тон 2), *sančdym* 'я поразил (врагов)' (МЧ 12, 13, М 26, 30), *käčdim* 'я переправился' (МХ II).

б) **čg**: *jipčgä* 'тонкий' (Тон 13).

в) **čy**: *tabyačyagu* 'табгачам' (Тон 9).

В рунических памятниках, разумеется, встречаются и соответствующие нормам современных тюркских языков сочетания смычных звонких с гласными, сонантами, смычными и щелевыми.

1. В интервокальной позиции

а) **ada**: *arqada* 'за спиной' (Тон 5), *jazyda* 'в степи' (Тон 33, 36), *Toğlada* 'по р. Тогле' (Тон 15).

б) **uda**: *Bołçuda* 'у Болчу' (КТб 37, М 28), *Ağuda* 'при Агу' (М 34), *Burğuda* 'при Бургу' (МЧ 15).

в) **ädä**: *Käjrädä* 'у Кэйрэ' (МЧ 6), *Sälänädä* 'у Селенги' (МЧ 44).

г) **idä**: *tänridä* 'на небе' (КТм 1, МЧ 1).

д) **üdä**: *tögrüdä üzä* 'над властью' (КТб 16), *Birküdä* 'у Биркю' (МЧ 7).

е) **ady**: *atady* 'наименовал' (МЧ 12), *sytaady* 'не сломал, не исказил (о речи)' (МХв 14), *joğady* 'погребли' (КЧ 28). Любопытно, что в прошедшем времени от *joğla*- колебание *t ~ d* происходит в одном и том же памятнике (Кули-Чур).

ж) **udy**: *jorydym* 'я ходил' (МЧ 7, 16).

з) **ädi**: *ötlädim* 'я поучал' (Оа 3), *sülädim* 'я воевал' (МХа 2, М 24, 25, 26, 32), *kälmädi* 'не пришел' (М 41).

и) **idi**: *bitidim* 'я написал' (КТм 13, МХв 15, МХ 1, КЧ 28), *tidi* 'сказал' (Тон 5).

2. После сонантов

- а) **jd**: *ajdy* 'он сказал' (Тон 31).
 б) **lg**: *bilgä* 'мудрый' (КТм 1, О 4), *ilgärü* 'на восток' (КТм 2, 3).
 в) **lb**: *balbal* 'балбал, памятник' (О 3).
 г) **ly**: *bulıanč* 'смятение' (Тон 32), *alıaıy* 'чтобы взять' (М 32).
 д) **rd**: *ärdäm* 'доблесть' (КЧ 4, 7, 12), *järdä* 'на земле' (М 35, 36, МЧ 16), *bardumyz* 'мы отправились' (Тон 26, 27).
 е) **rg**: *türgäs этн.* 'тюргеши' (Тон 21), *kärgäk* 'необходимый', *jirgärü* 'до земли' (КТм 8).
 ж) **ry**: *qoıy* 'устрашась' (М 41), *jıyıaıy* 'на север' (КТм 2), *oııyıaıy* 'чтобы поселиться' (Тон 18).
 з) **md**: *Kämdä* 'у реки Кем' (МЧ 19), *sabymda* 'в моей речи' (КТм 10).
 и) **my**: *jumıyıy* 'собранный' (О 4).
 к) **nd**: *Käčindä* 'при Кечине' (КЧ 10), *qazıandy* 'он приобрел' (КЧ 16). Следует отметить, что колебание $t \sim d$ происходит в прошедшем времени от *qazıan-* в одном и том же памятнике (Кули-Чура).
 л) **ny**: *qayayıaıy* 'к кагану' (Тон 20).
 м) **ñd**: *qytañda* 'у киданей' (МХа 7), *jañdum* 'я разорнал' (М 33).
 н) **ñd**: *subyñda* 'на твоей воде' (МХв 13), *qayayıñda* 'у твоего кагана' (МХв 13), *järiñdä* 'на твоей земле' (МХв 13).

3. После смычных

- а) **bd**: *äbdä* 'дома' (М 32).
 б) **bg**: *äbgärü* 'домой' (Тон 30).
 в) **by**: *jabyıy титул* (МЧ 12, 18), *tadyaç этн.* (О 2).
 г) **dg**: *ädgü* 'хороший' (Ов 6), *äsidgil!* 'выслушай!' (КТм 1).
 д) **dy**: *adyıy* 'жеребец' (МХв 11).
 е) **gd**: *tägdım* 'я достиг' (Оа 1).
 ж) **yd**: *soıdaq этн.* 'согдийцы' (МЧ 44, М 24), *taıda* 'на горé' (МХа 8, МХс 5, МЧ 8), *qatyıdy* 'крепко' (КТм 2), *jyıdum* 'я повалил' (Оа 1), *aydy* 'он поднялся' (М 37).

4. После щелевого

- а) **zd**: *közdä* 'из глаз' (КТб 51), *ügüzdä* 'у реки' (МЧ 8), *ozdy* 'миновало, спаялся' (М 28).
 б) **zg**: *üzgäli* 'чтобы разорвать' (Тон 13).
 в) **zy**: *qazıantym* 'я приобрел' (Оа 4).

Как можно видеть, из двух групп приведенных сочетаний преобладают звукосочетания с глухими смычными *p, t, k, q*. Это дает основание полагать, что консонантизм рунических памятников имеет в общем глухой характер.

Является ли это результатом отражения живого произношения или особенностей древней орфографии?

В. Томсен был склонен видеть в этом скорее отражение условности письма, нежели особенностей речи⁴.

В. В. Радлов не относил к фонетическим явлениям сочетания сонантов с глухими смычными и глухих смычных со звонкими. Появление же глухих смычных после гласных он объяснял их полувзвонкостью, а сочета-

⁴ V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors, 1896, стр. 18.

ния звонких щелевых с глухими смычными считал ошибочным написанием⁵. Т. Текин возникновение подобных сочетаний объясняет фонетической природой и относит их к диссимилятивным сочетаниям⁶.

Колебания смычных согласных могут создать впечатление, что в рунических памятниках ассимиляция согласных по глухости — звонкости не развита. Такого мнения придерживается Э. В. Севортян⁷, и с этим можно было бы согласиться, если бы не слишком малый срок, отведенный для сложения такой важной конститутивной особенности тюркских языков, как ассимиляции согласных. Она возникла, должно быть, вместе с гармонией гласных и задолго до орхоно-енисейского периода.

Отсутствие прогрессивной ассимиляции по глухости и звонкости В. Г. Кондратьев объясняет тем, что в рунических памятниках звонкие имели полувзвонкий характер (как, например, в чувашском языке)⁸.

По нашему мнению, и В. В. Радлов, и В. Г. Кондратьев весьма близки к истине в объяснении природы консонантизма языка рунических памятников.

В поисках ответа на поставленный вопрос обратимся к саларскому и сарыгюгурскому языкам. В саларском языке, как и в языке рунических памятников, допустимы те же сочетания согласных:

а) сонант и глухой смычный, то есть *rt*, *nt* и т. д.: *selerten* 'от вас', *mynta* 'здесь', *i jinta* 'внутри';

б) звонкий согласный и глухой смычный, то есть *ɣt*, *zt* и т. д.: *paytigj* 'находящийся в саду', *jüzten* 'из ста'.

Ассимилятивные сочетания типа звонкий—звонкий или сонант—звонкий встречаются также в саларском языке, где они, однако, малоустойчивы, так как здесь нет четких границ между глухими и звонкими. В речи одного и того же лица⁹ непрерывно возникают самые разнообразные комбинации глухих, звонких, сонантов.

Причина данного явления в саларском языке кроется в системе смычных, которые различаются как слабые и сильные, точнее — глухие слабые и глухие сильные с придыханием.

Такая же картина наблюдается и в сарыгюгурском языке — глухие смычные могут находиться и между гласными и после сонантов: *arata* 'в промежутке', *kysete* 'у человека', *hasarta* 'в деревне', *jyŋta* 'в году', *jaŋaŋa* 'слону' и т. д. Указанная особенность сарыгюгурского языка, очевидно, также связана с системой согласных, противопоставляющихся по признаку слабый—сильный, точнее — слабый глухой—сильный глухой с придыханием¹⁰.

Обе системы согласных, совершенно идентичные в двух родственных, но разных языках, представляют собой инновацию, развившуюся в результате тюрко-китайского (тибетского) двуязычия.

Сходство дистрибуции смычных согласных в саларском, сарыгюгурском языках и памятниках рунического письма позволяет сделать следующие выводы:

1) сочетания согласных в орхоно-енисейских памятниках отражают живое произношение, а не правописание, последнее имеет свой набор признаков;

2) для языка памятников следует допустить систему смычных, аналогичную саларской и сарыгюгурской, являющейся инновацией.

⁵ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F. СПб., 1897, стр. 34—35.

⁶ Т. Текин. Указ. раб., стр. 100.

⁷ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 15.

⁸ См.: В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 5—6.

⁹ См.: Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 17.

¹⁰ Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 16.

Можно полагать, что такая система также явилась результатом существовавшего в древности тюрко-китайского двуязычия, которое, по-видимому, было сильнее развито в центре, нежели на периферии.

Так, в енисейских памятниках комбинаций сонантов со звонкими смычными больше, чем в орхонских. В первых часто встречаются, например, звуко сочетания *тү, нү, bd*, не свойственные орхонским надписям.

Тем не менее систему смычных по признаку слабый — сильный нельзя считать полностью усвоенной языком орхоно-енисейских памятников. Это — скорее ясно наметившаяся, но до конца не проявившая себя тенденция. В пользу этого предположения свидетельствует следующий аргумент. Из смычных согласных в начале слов встречаются *b, t, k, q*. Положение их устойчиво, они не подменяются никакими другими согласными. Если бы в начале слов наблюдались колебания согласных *b ~ p, t ~ d, k ~ g, q ~ γ*, то только при этом условии можно было бы считать новую систему целиком и полностью внедрившейся. Поэтому несомненно одно: она проявляет себя как тенденция, существующая наряду с другими трансформациями типа перебоя *s/š*. Оба явления развились, как и предполагалось ранее, под одним и тем же иноязычным воздействием¹¹.

¹¹ Э. Р. Тенишев. Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 289—295.

М. С. САДЫКОВА

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АСПЕКТА ОТРИЦАНИЯ УЗБЕКСКОГО ГЛАГОЛА

Грамматическая оппозиция положительности (наличия) — отрицательности (отсутствия), утверждения — отрицания представляет собой очень сложное лингвистическое явление, тесно связанное с лексико-грамматическими категориями и синтаксической структурой (утвердительные и отрицательные предложения).

Хотя данной категории в тюркологии посвящен ряд работ¹, однако грамматические, семантические и стилистические особенности этой обширной области аспекта отрицания требуют дальнейшего исследования в научно-теоретическом плане. В связи с этим нам хотелось бы изложить некоторые свои наблюдения.

Наиболее активными средствами выражения отрицания в узбекском языке являются глагольные формы на -mä, -mä+j, -mä+s, а также слово *emas*. Для передачи значения отрицания употребляются также частица *nä* (*nä... nä*) и слово *jok**.

I. Аффикс -mä. Данный аффикс, выражающий отрицание, присоединяется непосредственно к корню (основе) глагола, например: *u avkat jemadi* 'он не поел'.

Словоизменительные показатели следуют за аффиксом -mä, например: *bor-mä-gän-lär-i-dä-mi*; *ajt-mä-gän-ingiz-ni-či*; *jür-mä-sä-lär-ing*; *ket-mä-sin-lär* и др.²

Присоединение аффикса -mä к сложным и вспомогательным глаголам имеет свои особенности и требует специального исследования.

Если к отрицательной форме глагола с аффиксом -mä присоединяются показатели категорий времени, наклонения, лица, числа, то при этом имеет место спокойное повествование с отрицательным значением, например: *mažlis bolmädi* 'собрание не состоялось', *ručkä jozmäjäpti* 'ручка не пишет'.

Однако в зависимости от эмоционально-психологического состояния субъекта, от интонации предложения эти значения могут видоизменять-

* *Примечание:* в транскрипции примеров не отражена особенность произношения узбекского *й*.

¹ См.: W. Bang. *Das negative Verbum der Türksprachen* (1923); Т. Р. Рустамов. Категория отрицания в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1959; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960; А. Ф. Фулов, М. А. Аскарова. *Ҳозирги замон ўзбек тили*. Тошкент, 1965; С. Н. Иванов. *Ўзбек тили перфектининг инкор формаси*. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1967, № 5, стр. 35 и др.

² Данный аффикс не является словообразующей морфемой, даже если предшествует словоизменительным формам. Он стоит после словообразующих, а также залоговых показателей глагола. Это свойство аффикса было отмечено еще В. В. Радловым. См.: W. Radloff. *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen*. СПб., 1906 — «Записки Академии наук», серия VIII, т. VII, № 7, стр. 38.

ся, окрашиваясь экспрессией, например: Ammo peşuk' bizgä ma'lum etmäding? (А. Мухтор) 'Но почему же ты нас не известил?'.
 Подобные эмоционально-экспрессивные, или модальные, значения конкретизируются в контексте, самом предложении, например: Kizim, zolim kizim, sen k'or ortänmä (Ойбек) 'Доченька, моя дорогая, ты не убивайся'; Jiylämä, Turғуnoj, jiylämä... (А. Қаҳҳор) 'Не плачь, Турғуной, не плачь...'; ср. также хäfa bolmä 'не печалься', k'or uginmä 'не суетись', ovorä bolmä 'не беспокойся', pärvo kilmä 'не обращай внимания', k'orkmä 'не бойся' и др.

Форма käm bolmä 'благодарю' употребляется для выражения благодарности, чувства удовлетворенности; со словами hortäng 'бог в помощи', обращаются к работающему человеку для поднятия его духа, для моральной поддержки.

При повторном употреблении отрицательной формы глагола выражаемое значение усиливается, дополняется, например: Bormä dedimmi, bormä! 'Сказала я тебе, не ходи, — значит, не ходи!'; Gäpirmä, gäpirmä, kiz boläsän-a! — dedi, xolaning kajfi učib (А. Мухитдин) 'Замолчи, замолчи, ведь ты же девушка! — испуганно сказала тетка'. Повторное употребление отрицательной формы глагола может выражать сильное недовольство, ненависть или запрещение, а также ироническое отношение говорящего к слушателю.

Словоизменительный аффикс -gin может употребляться с отрицательной формой глагола, придавая высказыванию модально-экспрессивные значения: просьбу, мольбу, предупреждение и т. п., например: Men ungä, ojläb iš tutiš k'eräk', k'ejin puşäjmon jeb otirmägin, — dedim (Х. Назир) 'Я сказал ему, чтобы действовал он обдуманно, дабы потом не каяться'.

В современном узбекском языке аффикс -mä не образует отрицательной формы инфинитива, тогда как в большинстве тюркских языков в настоящее время подобные формы являются обычными³.

Отрицательное значение имени действия на -mok и -iš передается присоединением окончания -mäslük' (išlämok — išlämäslük', biliş — bilmäslük'⁴, например: Kiskäsi — ertädän k'eğgäcä tinimsiz kimirläş, ämmo tek' turmäslük' mening väzifäm edi (П. Турсун) 'Одним словом, бегать без усталости и не бездействовать — входило в мои обязанности'; Här peşuk dädäsining jokligini bildirmäslük'k'ä häräk'ät kiläjäpti (О. Ёкубов) 'Она стремилась скрыть, что у нее нет отца'.

Имена действия, образованные посредством аффикса -v (işlov, boşlov, boruv, k'eluv), также не могут образовывать отрицательную форму с помощью -mä⁵. Следует заметить, что только существительные, оканчивающиеся на сложный аффикс -v+čilik' (kelişuvčilik'), принимают отрицательный аффикс -mä: k'elişmovčilik' (-mov < -mä+v).

Причастия, образованные при помощи аффиксов miş и (ä)žäk' и синонимических вариантов последнего -guvsi, -yuvsi; -asi в современном узбекском языке с отрицательным аффиксом -mä, также не употребляются.

Однако в исторических памятниках и в произведениях узбекской классической литературы отрицательная форма на -miş встречается часто⁶.

³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 153.

⁴ Подобно тому как аффиксы -mok, -iš образуют имя действия, так и придающая отрицательный смысл форма -mäslük' образует имя действия.

⁵ См.: «Ҳозирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1957, стр. 312.

⁶ См.: «Ҳозирги ўзбек адабий тили», I. Тошкент, 1966, стр. 325.

Употребление сложных глагольных форм в отрицательном аспекте характеризуется большим разнообразием. Так, например, аффикс отрицания *-mā* может присоединяться как к основному, так и к вспомогательному глаголу, а также к обоим компонентам одновременно⁷. При этом широко варьируются смысловые оттенки: *bilmāj koldi*, *bilib kolmädi*, *bilmāj kolmädi*; *ajtmāj tür*, *ajtib turmä*, *ajtmāj turmädi*⁸. Так, в последнем примере выражается значение возможности, а не отрицания. Данная форма употребляется, если необходимо усилить экспрессивность. Употребление аффикса *-mā* в парных глаголах также имеет свои особенности.

2. Аффикс *-māj (mä+j)*. Форманты деепричастий *-j*, *-gāč*, *-b*, *-gāni*, *-guncā*, присоединяясь к аффиксу отрицания *-mā*, образуют отрицательные формы деепричастий, причем наибольшей активностью отличается аффикс *-j* (как в положительной, так и отрицательной форме).

К аффиксу отрицания *-māj* могут присоединяться аффиксы других глагольных категорий, например: *Koronilik tugāmajdigängä oxšajdi* (А. Мухтар) 'Кажется, не будет конца темноте'; *Sunākä gäplärni oʻzingizgä olgāni ujalmäjsizmi...* (А. Қаҳҳор) 'Разве не стыдно вам говорить такие вещи...'

Отрицательная форма *-māj* (в основном в разговорной речи) употребляется как вариант сложного аффикса *-mäs+dän* (*korkmāj — korkmäsdän*), например: *Toj ojnoklämäsdän, surišgä intilmäsdän bir kijomdä joḡälädi* (А. Қаҳҳор) 'Жеребец шел иноходью, не стремясь резвиться'.

В современном узбекском языке (в прозе) предложения обычно не заканчиваются формой на *-māj*, то есть без аффиксов времени, лица, числа сказуемые на *-māj* не употребляются: *ajtmajdilär* 'не скажут'. Глаголы на *-māj* употребляются в составе компонентов сложных глаголов: *kelmāj koldi* 'не пришел'.

В староузбекском языке аффикс *-mäs* выполнял функцию аффикса *-mājdi* в глаголах 3-го лица настоящего-будущего времени, например: *biz bormäsmiz — biz bormäjimiz*, тогда как в современном узбекском языке форма на *-mäs* (*bormäs*, *kelmäs*) выражает предположение.

Отметим также, что все прочие формы деепричастия в сочетании с аффиксом *-mā* выражают отрицательное значение. Отрицательная форма с аффиксом *-māj* широко употребляется в лексике узбекского языка. Достаточно часто встречаются фразеологические единицы, служебные слова с формантом *-māj*.

3. Аффикс *-mäs (mä+s)*⁹. Эта форма образует отрицательное причастие.

Такие слова на *-mäs*, как *ärzimäs* (*sovʻä*) 'нестоящий (подарок)', *järämäs* (*odäm*) 'негодный (человек)', *bilinar-bilinmäs* (*pärdoz*) 'еле заметная (косметика)' и другие, перешли из разряда причастий в разряд прилагательных. Причастия с аффиксом *-mäs* очень часто встречаются в составе словосочетаний и идиоматических выражений, например: *čikäveringči täräng kilmäsdän, gäp bor* (Х. Назир) 'Идите, не ломайтесь, есть разговор'; *Aväz äkäsining pičoyini kiši bilmäs topib čikdi* (П. Қодиров) 'Аваз разыскал нож брата и незаметно вынес'.

Аффикс *-mäs* в сочетании с аффиксом *-lik* образует имена существительные: *ajtmäslük*, *bilmäslük*.

⁷ См.: А. Ҳожиєв. Инкор ифодаловчи воситалар ва феълнинг бўлишсиз формаси. — «Узбек тили ва адабиёти», 1970, № 4, стр. 49.

⁸ Первый компонент, оканчивающийся на аффикс *-mā*, не встречается, а употребляется с аффиксами *-mädi*, *-mägän*, *-māj* (*-mājdi*), *-mäbdi*, *-mäsä* и т. д.

⁹ Известно, что аффикс отрицания *-mäs* выступает как антоним положительного аффикса *-äg* (*bilinmäs*, *körimäs*) и как краткая форма слова *emäs*, присоединяясь к причастиям, образованным аффиксами *-gän*, *-digän*.

II. 1. **Emäs (ermäs).** С помощью этого недостаточного глагола передается не только отрицательное действие (например, *borgān emäs*), но и выражаются некоторые противоположные понятия и мнения, например: *Bu benzin emäs, kerosin* 'Это не бензин, а керосин' и т. д. *Emäs* употребляется в основном с глаголами, оканчивающимися на *-gān, -k'ān, -digān*, выражая отрицательное действие¹⁰, например: *Tāvā, bundāj ustomonni k'orgān emāsmān* (Ойбек) 'Прости меня, господи, но такого ловкача я еще не видывал'.

Значение формы *-gān emäs* почти соответствует значению глаголов (сказуемых) с формой *-māgān*: *borgān emäs — bormāgān*.

Для выражения отрицания глагольная форма на *-gān* употребляется в основном со словом *jok*. Если же она употребляется со словом *emäs*, то выражает отрицание в главном компоненте сложноподчиненного предложения с придаточным цели, например: *Men bu jergā xāto topib māsālā kojgāni emäs, kolхозgā jordam bergāni kelgānmān* (А. Қаҳҳор) 'Я приехал сюда не для того, чтобы обнаружить ошибку и разобрать ее, а для того, чтобы помочь колхозу'. В данном случае вместо аффикса *-gān* можно употребить аффиксы *-iš, -mok* и служебное слово *uqin*.

Форма *-lik' (-ligi) -emäs, -gānligi emäs* выражает отрицательное отношение субъекта к определенной мысли, например: *Uni (Käländärovni) bu gāplār hāk ek'ānligi emäs, Säidādān čikkānligi k'oprok band kildi* (А. Қаҳҳор) 'Его (Каландарова) занимало не то, что эти слова были верны, а то, что они исходили от Саиды'.

Форма *-digān emäs* является модальной и выражает убежденность субъекта в нереальности выполнения действия, в неизменности данной ситуации, например: *Trāmvāj hāli-veri jurādīgān emäs* 'Видимо, трамвай не скоро тронется'. Значение, выражаемое формой *-digān emäs*, можно передать и с помощью глагольной формы *-mājdīgān*, например: *k'elādīgān emäs — k'elmājdīgān*. Однако здесь уже экспрессивность выражается слабее.

Форма *emäs* в сочетании со словами *k'eräk', mumkin, šärt* передает модальные оттенки: *mumkin emäs* 'нельзя', *k'eräk' emäs* 'не надо', *šärt emäs* 'не обязательно'. В разговорной речи оно имеет форму *-āmās (mumkināmās, k'erāgāmās, šärtāmās)* или сокращенную — *-mās*: *E-e, pul k'eräk'mās mengā, kupimiz otār* (А. Мухтор) 'Э-э, деньги мне не нужны, как-нибудь проживем'.

Слово *emäs* может употребляться с недостаточными глаголами *edi, ekān, emiš*.

В литературном языке вместо полной формы *emāsmi ekān* используется сокращенная — *emāsmikin, emāsmikān*. Однако ее употребление ограничено рамками разговорной речи, например: *Rāis... vāhimāgā tušib kolgān emāsmikin* (А. Қаҳҳор) 'А не впал ли председатель в панику?'

В произведениях современной узбекской литературы форма *emāsmi edi* встречается тоже в усеченном виде — *emāsmidi*. Вообще в живой разговорной речи *emās, ekān, edi, emiš* никогда не употребляются в полной форме. Усеченные формы этих глаголов — *-mās, -miš, -kān (kin), -di* — произносятся слитно с предыдущим словом.

2. **Jok.** Это слово чаще всего используется для выражения отрицания существительных и глаголов, а также передает экспрессивно-эмоциональные значения, но не употребляется для выражения противоположного и отрицательного значений имен прилагательных. В этом последнем слу-

¹⁰ Этот вопрос затрагивается в статье: М. Шахназарова. Сифатдош кесимларда инкорнинг ифодаланини доир. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1970, № 4, стр. 74.

чае, как правило, употребляются формы -mäs, -emäs (kättä emäs 'небольшой', k'učli emäs 'несильный').

Глаголы, сочетающиеся со словом jok, в подавляющем большинстве случаев имеют форму -gän, -gäni, например: Men okitgän žuvonlärning hämmäsi häm käm bolgäni jok (А. Қахқор) 'Женщины, которых я обучал, не жалуются на свою судьбу'.

Форма же -digäni jok употребляется для передачи значений усиления, экспрессивности, модальности, например: Bundän tort-beš jil burun uning oldigä tušädigäni jok edi (Хайруллаев) 'Четыре-пять лет тому назад не было человека, который мог бы опередить его'.

Слово jok в сочетании с деепричастной формой -gäničä¹¹ выражает экспрессивно-психологическое состояние, например: Bu afsonäläru, bu vokeälär-bärčäsi oziniki ekänini häli äklige siydirolgäniča jok (А. Мухтор) 'Он все еще не может постичь, что вся эта молва и события относятся к нему'.

Для передачи экспрессии и для усиления значения отрицания jok употребляется как вводное слово в начале предложения, например: Jok, sekretär bu häkdä gäpirmädi (А. Мухтор) 'Нет, секретарь об этом не обмолвился'. В таких случаях сказуемое, как правило, имеет отрицательную форму.

Jok может встречаться как в начале, так и в конце предложения. Если jok стоит в конце, сказуемое принимает форму -gäni jok. Для придания предложению сильного эмоционального оттенка слово jok может повторяться до трех раз. В диалогах, когда говорящий стремится получить от слушателя более точный ответ, либо когда обращение носит иронический характер, вспомогательная частица -mi одновременно присоединяется как к положительной, так и к отрицательной форме глагола, например: Ertägä k'eläsänmi, k'elmäjsänmi. Иногда же вместо вопросительного глагола с отрицательным значением можно употребить слово jok. В таком случае экспрессивность предложения усиливается, а объем его уменьшается, например: Sening turkänä doringdän bir iš čikädimi jokmi? (А. Қахқор) 'Интересно, получится ли что-нибудь из твоего народного лекарства'.

3. **Nä (nä...nä).** Это служебное слово употребляется главным образом с однородными членами предложения. С функциональной точки зрения ему соответствует частица häm. Nä предшествует в предложении существительному и глаголу и, подобно словам jok, emäs, служит для передачи отрицательного значения действия и усиления эмоциональности, например: Ammo bungä nä ozi, nä Elmurod pärvo kildi (Шухрат) 'Но ни Элмурад, ни она сама не обратили на это внимания'. В этом предложении употребление элемента nä перед словами, обозначающими субъект действия, подчеркивает единообразие выполняемого каждым субъектом отрицательного действия. Порядок слов в приведенном предложении может быть изменен, например: Ammo bungä nä ozi pärvo kildi, nä Elmurod. Возможно также повторение сказуемого pärvo kildi после каждого действующего лица. Подобное двойное употребление сказуемого характерно для живой разговорной речи. Служебное слово nä употребляется и тогда, когда действия, выражаемые сказуемыми, — различны, но их исполнителем является одно лицо: nä okidi, nä išlädi 'и не учился, и не работал'.

¹¹ Ср.: С. Н. Иванов. Ўзбек тили перфектининг инкор формаси. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1967, № 5, стр. 35.

В предложениях со служебным словом *pā* сказуемое в основном употребляется в положительной форме¹². Использование же глагола в аналогичной ситуации в отрицательной форме свойственно разговорной речи. Так как частица *pā* логически выражает отрицание, то под воздействием этого фактора слово, обозначающее действие, также механически употребляется в отрицательной форме. Если же в функции сказуемого выступает слово *boq*, то оно заменяется словом *jok*. В этих случаях выражение экспрессивности несколько ослабевает.

Только в нижеследующих случаях глаголы, связанные с *pā*, могут иметь отрицательную форму:

а) когда сказуемое выражено формой повелительного наклонения: *Nā joʻoʻ isrof kilinmāsin, pā ʻišt* 'Не следует допускать перерасхода ни леса, ни кирпича';

б) когда *pā* ставится перед неоднократно употребляемыми отрицательными деепричастиями: *Odāmlār beʻ kʻundān berī pā iʻšgā ʻikolmāj, pā uxlājolmāj dengiz jokāsīdā ujmālašādi* (А. Мухтор) 'Люди в течение пяти дней возились у берега моря, не имея возможности ни выйти на работу, ни выспаться'. Но и в данном случае может быть использована положительная форма глагола.

III. 1. Отрицательное значение можно передать иногда без помощи форм отрицания. Так, посредством интонации и использования различных частиц положительная форма глагола может выражать отрицательные значения. Такой способ усиливает экспрессивность и модальность высказывания.

Подобное явление наблюдается и в предложениях, содержащих риторический вопрос, например: *Kāni endī gār ukdīrib bolsā* (А. Қодирий) 'Попробуй-ка ему что-либо втолковать'. Здесь отрицательный смысл достигается концентрацией ударения на положительной форме глагола. Однако возможно использование и отрицательной формы: *Gār ukdīrib bolmājdi*. Ср. также: *Siz uning jurāgini kājokdān bilibsiz* (Шухрат) 'Откуда вам знать ее мысли' — *Siz uning jurāgini bilmājsiz*.

Риторические вопросительные предложения типа *kim bilādi* 'кто знает', *kim bilsin* 'кому знать', *kājokdān bilāj* 'откуда мне знать' и сочетания типа *xudo bilādi* 'бог знает', *ollo biladi* 'аллах знает' в диалогической речи употребляются с целью передачи экспрессивности отрицательного глагола *bilmājman*, например: *Bu jerdāgi kitob kāni?* — *Kim bilādi, kʻormādim* 'Где книга, которая была здесь? — Кто знает, я не видел'.

Словосочетания, приведенные выше, выполняют также функции модальных слов *bālki*, *ehtimol*, например: *kim bilādi u odām tānimājdigān bolib kʻetgāndir* (П. Турсун) 'Кто его знает, возможно, он очень зазнался'.

2. Для усиления экспрессивной, модальной окраски высказывания в узбекском языке имеются следующие стилистические приемы, связанные с использованием отрицательных форм глагола: употребление отрицательной формы вместо положительной в сочетании с антонимом данного слова; употребление двух отрицательных форм для передачи положительного значения и т. д., например: *Men sizni jomon boling demājmān* (А. Қаҳҳор) 'Я вам плохого не желаю'; *Bizning ustimizdān ārz kilnāgān odām kolmābdi-dā* (А. Қаҳҳор) 'Видно, не осталось человека, который бы не пожаловался на нас'; *U tanimāgān brigādā, u tanimāgān kolxozči jok* (А. Қаҳҳор) 'Нет такой бригады или такого колхозника, которого он не знал бы'.

¹² Ср.: А. Ходжиев. Указ. раб., стр. 53.

3. Иногда в употреблении отрицательных форм встречаются логические неточности, например, в предложении *Onāmnīng bisotidā heč nimā jok* 'В сундуке у матери ничего нет'. С точки зрения логики, нельзя признать верным совместное употребление слов *heč nimā* 'ничего' и *jok* 'нет', поскольку невозможно говорить о наличии или отсутствии того, чего на самом деле нет, не существует. Было бы правильнее сказать: *Onāmnīng bisotidā biror nārsā jok* 'Ни одной вещи нет у матери в сундуке'. Однако выражение *heč nimā jok* в значении *biror nārsā jok* упрочилось в речи, нормализовалось. Оба варианта употребляются параллельно, но *heč nimā jok* усиливает значение отрицания.

4. Совместное употребление в одном предложении глагольных форм противоположных значений (положительной и отрицательной) служит для выражения оттенков душевного состояния субъекта. Большинство таких форм перешло в категории послелогов, прилагательных и наречий, например:

а) парные слова при употреблении с противоположным смыслом: *Men uni kojārdā-kojmāj ujimgā olib k'etdim* (X. Назир) 'Я его насильно увел домой';

б) при включении посторонних слов между положительными и отрицательными (парными) формами глаголов: *U k'elsā xor, k'elmāsā xāfā boimā* (Ойбек) 'Придет он — хорошо, нет — не обижайся';

в) при употреблении в положительной и отрицательной форме однородных членов предложения, вводимых служебным словом *hām*: *Umidā sozidā dāvom etišni hām, etmāsligini hām bilmāj turib koldi* (А. Қаҳҳор) 'Умида остановилась в нерешительности, не зная, продолжить или прекратить разговор'.

5. Глаголы в отрицательной форме используются во многих фразеологических и идиоматических выражениях, словосочетаниях и т. д.

Как видно из приведенного выше, аспект отрицания занимает важное место в системе глаголов в современном узбекском языке.

М. В. ЗАИНУЛЛИН

МОДАЛЬНОСТЬ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Модальность долженствования в башкирском языке, как и в других тюркских языках, выражается прежде всего морфологическим способом — формами долженствительного наклонения глагола¹. В тюркских языках, в том числе и в башкирском, наряду с морфологическими средствами выражения модального значения долженствования существует также целый ряд лексико-грамматических и лексических способов, образующих вместе с доминантой стройную систему². Модальность долженствования относится к модальному микрополю побуждения, которое, в свою очередь, является значением модального поля недействительности.

В огузской группе тюркских языков значение долженствования выражается специализированной синтетической формой глагола на *-ma-ly/-mäli*, ср. азерб. *Män almalyjam*, туркм. *Men almaly*, гагауз. *Bän almaly* 'Я должен взять'.

В гагаузском и туркменском языках данная форма долженствительного наклонения не имеет личных окончаний, то есть употребляется без аффиксов сказуемости. В туркменском языке отрицательное значение этой формы передается при помощи модального слова *däl* в постпозиции, тогда как в других тюркских языках отрицательная форма образуется с помощью аффикса *-ma/-mä*, присоединяющегося к основе глагола, ср. туркм. *Men almaly däl* 'Я не должен брать'. *Sen getmeli däl* 'Ты не должен уходить'; гагауз. *Bän almataly*, азерб. *Män almamalyjam* 'Я не должен взять'.

В башкирском же языке, как и в других тюркских языках, за исключением огузских, указанная форма отсутствует, однако имеется другая форма, выражающая значение долженствования и употребляющаяся

¹ Следует отметить, что долженствительное наклонение в тюркских языках выделяется не всеми языковедами. Как самостоятельная категориальная форма глагола данное наклонение рассматривается в следующих работах: А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 171—172; *его же*. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 220—232; Н. З. Гаджиева. Категория долженствительного наклонения в азербайджанском языке. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961, стр. 202—210; *его же*. Азербайджанский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. М., 1966, стр. 79; а также в трудах Е. И. Убратовой, Е. И. Коркиной, Ш. Ч. Сата, Л. А. Покровской и др.

² В лингвистической литературе система взаимодействующих языковых средств различных уровней для выражения одного и того же значения обозначается термином: «лексико-грамматическое поле» (см.: Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969) и «функционально-семантические категории» (см.: А. В. Бондарко. Система времен русского глагола. Автореф. докт. дисс. М., 1968).

только в атрибутивных словосочетаниях и безличных конструкциях. Эта причастная форма образуется при помощи аффикса *-aһy/-äһe*, например: *alaha kitar* 'книга, которую должны взять', *baraha jer* 'место, куда должны поехать', *höjläšäһe һüb* 'разговор, который должен обязательно состояться', *jaһaһy хат* 'письмо, которое должны написать'.

В работах по башкирской грамматике причастная форма на *-aһy/-äһe* определяется как причастие будущего времени, однако о заключенной в ней семантике долженствования и необходимости обычно не упоминается. Впервые на модальное значение этой формы обратил внимание Дж. Г. Киекбаев³. Соответствующая форма имеется также в азербайджанском языке, но, в отличие от башкирской, она принимает показатели сказуемости и выражает значения наклонения и времени, например: *alasyjam* 'я должен брать (взять)', *alasyjan* 'ты должен брать (взять)', *gedäsijäm* 'я должен идти'.

В башкирском языке причастная форма типа *baraha, kiläһe* широко употребляется в сочетании с модальными словами *bar* 'есть', *juk* 'нет', например: *barahym bar* 'мне нужно (необходимо) идти', *barahym yuk* 'мне не нужно идти'⁴.

Следует отметить, что глагольная форма на *-maly/-mäle* со значением долженствования и необходимости употребляется в некоторых говорах татарского языка. Так, например, Л. Залий указывает на употребление данных форм в среднем диалекте татарского языка, например: *Bezgä it-taһak eškä sykmaly* 'Нам завтра нужно выйти на работу'; *Bügen kerläг imaly* 'Сегодня нужно постирать белье'⁵.

Указанная форма активно используется также в языке татарского населения Дюртюлинского и Илишевского районов как самостоятельно, так и с различными временными формами вспомогательного глагола *bul-*, например: *Ul bötenesen uze ešlämäle bulan* 'Он должен был выполнить всю работу сам'; *Alaj tügel, anu mona bolaj ešlämäle* 'Не так, а вот так нужно работать'⁶.

В башкирском языке также имеется ряд атрибутивных форм с аффиксами на *-maly/-mäle*, употребляющихся в функции имени прилагательного: *iһ kitmäle matur küldäk* 'удивительно красивое платье'; *hutelmäle škaі* 'разборный шкаф', *eimäle ködgö* 'висячее зеркало', *alynmaly gam* 'съемная рама', *buј jetmäle tügel* 'рукой не достать', *inmäle-sykmaly* 'полоумный', *һууһmaly äјber* 'упругое вещество'.

В башкирском языке среди лексико-грамматических средств выражения модального значения долженствования и необходимости следует отметить, в частности, модальные слова *kägäk* и *teješ*, а также аналитические конструкции, состоящие из инфинитивных форм глагола и указанных модальных слов.

³ См.: Дж. Г. Киекбаев. Современный башкирский язык. Лекции для студентов-заочников (на башк. языке). Уфа, 1966, стр. 127.

⁴ Данные аналитические конструкции, представляющие собой самостоятельное наклонение глагола, довольно подробно описаны А. А. Юлдашевым (А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке), и поэтому они нами подробно не рассматриваются. Следует лишь подчеркнуть, что в башкирском языке причастная форма на *-aһy/-äһe* в функции сказуемого не употребляется; предикативное употребление этой формы возможно только в сочетании с вспомогательным глаголом *ine*, например: *Auһyа kajtaһy ine, vakyt bulman* 'Намеревался было поехать в деревню, однако времени не было'.

⁵ Л. Жәләй. Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 48—49.

⁶ Ж. Алмаз. Башқортостанның Дүртіле һәм Иләш районнары татарларының сөйләшенә қарата. — «Ученые записки Казанского университета», т. 119, кн. 6, 1959, стр. 147.

Модальные слова в тюркских языках в настоящее время рассматриваются во многих исследованиях как особая самостоятельная часть речи⁷. Однако сущность этой своеобразной категории слов, весьма неоднородной в структурно-семантическом, а также функциональном аспектах, еще далеко не раскрыта.

В данной статье мы попытаемся дать структурно-семантический и функциональный анализ модальных слов *käräk* и *tejeş*, используемых в современном башкирском языке для передачи модального значения долженствования⁸.

Модальные слова *käräk* и *tejeş* зафиксированы почти во всех тюркских языках и по своему происхождению являются исконно тюркскими. Об их широком употреблении свидетельствуют памятники древнетюркской письменности, датированные XII—XIII вв.⁹

Модальное слово *käräk* в текстах этих памятников выполняло атрибутивную, адъективную и предикативную функции, например: *keräk söz* 'нужное слово', *ne keräk* 'что нужно', *ol keräk* 'нужен он'.

Слово- и формообразовательные возможности этого слова были достаточно широкими. От него при помощи аффиксов *-lä*, *-mäs*, *-siz*, *-lik* образовался ряд глагольных и именных форм: *keräklä*-, *keräksiz*, *keräk-mäs*, *keräklik* и т. д.

В древнетюркских языках в том же значении параллельно употреблялось также другое слово — *kergäk* и производные от него формы *kergäklä*-, *kergäklik*, *kergäksiz*¹⁰.

По-видимому, первоначальное значение модальных слов *käräk*, *tejeş* было конкретным. На это, в частности, указывает Н. К. Дмитриев: «*Кәрәк* исторически было существительного-прилагательным со значением «нужда||нужный». Теперь употребляется как сказуемое («нужно») и по аналогии с глагольными формами звучит иногда как *кәрәкмәй*, *кәрәгер*, *кәрәкмәс*... То же придется сказать и о слове *тейеш*, которое, очевидно, первоначально значило «касание||касающийся» и, далее, «необходимость||необходимый» или «нужна||нужный»¹¹.

⁷ Приоритет в выделении и стратификации модальных слов в тюркских языках, в том числе и в башкирском, принадлежит Н. К. Дмитриеву. В «Грамматике башкирского языка» (М.—Л., 1948, стр. 131) Н. К. Дмитриевым дана семантическая и функциональная характеристика следующих модальных слов башкирского языка: 1) *bar* 'есть, имеется'; 2) *juq* 'нет, не имеется'; 3) *tügel* (в значении отрицания «не»); 4) *käräk* 'надо, нужно, необходимо'; 5) *tejeş* 'надо, должно'; 6) *ikän* 'оказывается'; 7) *buçaj* 'кажется, должно быть'.

См. также: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. 1. М., 1952, стр. 477—480; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 345—355; его же. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 336—337; Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М., 1950, стр. 281—294; «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969, стр. 350—353; «Һазирки заман уйгур тили». Алмута, 1966, стр. 273—278; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 263—266; К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 327—328; Д. Тумашева. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964, стр. 276; А. Ә. Асланов. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә модал сөзләр. — «Дилчилик мәчмүәси», X ч., 1957; З. Әлизадә. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә модал сөзләр. Баки, 1965.

⁸ В башкирском языкознании модальные слова обозначаются терминами *рәүешлек һүзәрә* 'наречные слова' (Х. Юсупов) и *мөнәсәбәт һүзәрә* 'слова отношения' (Дж. Г. Киекбаев). Данной категории слов посвящены две работы: Х. Юсупов. Наречные слова в башкирском языке. — «Учитель Башкирии», 1967, № 3, стр. 45—49 (на башк. яз.); К. Ахмеров. Раздел «Модальные слова в предложении». — В кн.: «Синтаксис простого предложения в башкирском языке». Уфа, 1958, стр. 222—237 (на башк. яз.), в которых, однако, модальные слова *käräk* и *tejeş* не рассматриваются.

⁹ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 300—301.

¹⁰ Там же.

¹¹ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 131.

Модальное слово *käräk* (ср. азерб. *gäräk'*, тур., туркм. *gerek*, каз., кирг., балк., каракалп. *kerek*, тат. *kiräk*, уйг. *keräk*, тув. *xerek*) в современном башкирском языке является основным лексико-грамматическим средством выражения модальности долженствования.

В целом ряде тюркских языков данное значение выражается самостоятельно употребляющимся модальным словом, ср. башк. *Maturlyktan elek baturlyk käräk* 'Прежде всего нужна отвага, и лишь потом красота' (пословица); каз. *Otun kerek, su kerek, nap kerek!* (А. Сатаев) 'Нужны дрова, нужна вода, нужна пища!'; туркм. *Işçi gujži gerek* 'Рабочая сила нужна'; узб. *Qasalxopaga bogiř uşun unga ruhsat kerak* 'Чтобы пойти в больницу, ему требуется разрешение'; тат. *Alarğa menim altyn kullarım kiräk* 'Им мои руки золотые нужны'.

В синтаксической функции сказуемого модальное слово *käräk* выступает как *verbum finitum*, принимая аффиксы почти всех наклонений и времен:

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Min käräk(men)	Beđ käräk(beđ)
Hin käräk(hen)	Heđ käräk(hegeđ)
Ul käräk	Ular käräk(tär)

Прошедшее определенное (очевидное) время

Min käräktem	Beđ käräktek
Hin käräkten	Heđ käräktegeđ
Ul käräkte	Ular käräkte(lär)

Прошедшее неопределенное (неочевидное) время

Min käräkkänmen	Beđ käräkkänbeđ
Hin käräkkänhen	Heđ käräkkänhegeđ
Ul käräkkän	Ular käräkkändär

С вспомогательными глаголами: *ine*, *bul-* и *tor-* образуются сложные временные формы: *käräk ine*, *käräk buldy*, *käräk bula torıajny*, *käräk bulıajny*, *käräk bula torıan*, *käräk bula*, *käräk bulıy ine* и т. д.

Отрицательное значение передается не только аффиксом *-ma/-mä*, но и модальным словом *tügel*, ср. настоящее время: *Min käräkmäjmen* — *Min käräk tügelmen*. Однако формы отрицательного аспекта прошедшего времени образуются исключительно с помощью аффикса *-ma||-mä*: *käräktem* — *käräkmänem*, *käräkkänmen* — *käräkmägänmen*. Например: *Jakşı-lar höjläşergä, horaşırğa käräk ine* (З. Биешева) 'Нужно было обстоятельно расспросить и спокойно поговорить'; *Min nimägä käräk buldım* (З. Биешева) 'Зачем я понадобился тебе'; *Qođokka tökörmä huuy käräk bulıy* (пословица) 'Не плюй в колодец, понадобится вода'; *Taıy la ber nisä bař mal käräk bulıy* (Х. Давлетшина) 'Необходимо зарезать еще несколько голов скота'; *Juk, käräkmäj miñä bütan bāxet* (А. Игебаев) 'Нет, не нужно мне другого счастья'; *Minenşä, keşelarǵe bötönläy taratırğa käräkmäđ* (Я. Хамматов) 'По-моему, не следует распускать всех людей'.

В башкирском языке активно используются синтетические и аналитические формы условного наклонения от модального слова *käräk*, например: *käräkhä*, *käräk bulha* (настояще-будущее время), *käräkkän bulha*, *käräk bulıan bulha* (прошедшее время), *käräger bulha* (будущее время) и т. д.

В атрибутивной функции модальное слово *käräk* употребляется в сочетании почти со всеми лексико-семантическими разрядами имен суще-

ствительных: *käräk keşe* 'нужный человек', *käräk ädäbiät* 'необходимая литература', *käräk eš* 'нужная работа'. Наиболее же активно оно функционирует, принимая словообразующие аффиксы *-le*, *-heđ* и их фонетические варианты: *käräkle kitap* 'нужная книга', *käräkle jer* 'нужная земля', *käräkkeđ tauar* 'ненужный товар', *käräkkeđ mäśäkät* 'ненужные хлопоты', *käräkle karar* 'необходимое решение'.

При помощи аффикса *-lek* образуется абстрактное имя существительное *käräklek* 'надобность, необходимость'. Значение «ненадобности, отсутствия необходимости» передается модальным словом *käräkkeđlek*.

Модальное слово *käräk* присоединяет также аффиксы принадлежности (*mineñ kärägem, hineñ kärägen*) и все падежные показатели (*käräkten, käräkkä, käräkte, käräktän, käräktä, kärägenen, kärägenän, kärägen-gä, käräktären* и т. д.).

Однако наиболее распространенной формой выражения модального значения долженствования и необходимости являются аналитические конструкции, состоящие из модальных слов в сочетании с инфинитивными формами глаголов, например: *barıyır käräk, barımak käräk, barıyır kä-räk* 'необходимо идти'.

В функции сказуемого данные аналитические формы употребляются только в безличных предложениях: *Jä polkka kajıyır, ja jäserenergä, iñän adıtıpa kitergä käräk* (Д. Юлтый) 'Нужно либо вернуться в полк, либо скрыться, либо уйти в подполье'; *Donja kürgän keşegä säjnär harıyır käräkmäj* (Х. Давлетшина) 'Человеку, умудренному жизненным опытом, нет необходимости долго размышлять'; *Jakşı balaya mal kaldıyır käräkmäj* (поговорка) 'Хорошему сыну не нужно богатство отца'; *Bal eskändä kem jırlamađ tiheñ, säj eskändä jırlamak käräk* (из народной песни) 'Кто не поет во время пиршества, должен петь во время чаепития'.

Значения наклонения и времени выражаются в указанных конструкциях с помощью вспомогательных глаголов *bul-*, *tor-* и *ine*¹², например: *ukırır käräk ine, ukırır käräk buldy, ukırır käräk bula torıajıny, ukırır käräk bulır, ukırır käräk bulır ine*.

Модальная конструкция *in-mak/-mäk+käräk* особенно употребительна в вопросительных предложениях: *Koralıyđ nı eslämäk käräk?* (З. Ихсанов) 'Что можно делать без оружия?'; *Kolhozda jaşar, kolhoz tormoşon sittan genä nisek küdätep jatmak käräk?* (Р. Низамов) 'Как можно наблюдать колхозную жизнь со стороны, живя в самом колхозе?'

Другой формой лексико-грамматического способа выражения модального значения долженствования являются аналитические конструкции, представляющие собой сочетание инфинитивных форм глагола и модального слова *tejeş*. В отличие от модальных конструкций, в состав которых входит модальное слово *käräk*, данная модальная форма выступает в качестве сказуемого только в личных предложениях. Модальное слово *tejeş* (ср. каз. *tiis*, уйг. *tegiş*, кирг. *tijiş*, тат. *tieş*), в отличие от *käräk*, в функции сказуемого самостоятельно не употребляется, а всегда входит в состав аналитических (двучленных, трехчленных и четырехчленных) конструкций: *ukırır tejeş, ukırır tejeş ine, ukırır tejeş tügel ine, ukırır tejeş bulır, ukırır tejeş bula torıajıny, ukırır tejeş bulır ine* и т. д.

Атрибутивные (*tejeşle, tejeşheđ*) и наречные (*tejeşensä, tejeşheđgä*) формы более употребительны, нежели падежные.

Модальная конструкция «инфинитив+*tejeş*» имеет следующую парадигму спряжения:

¹² А. А. Юлдашев относит подобные конструкции к свободным словосочетаниям. Мы согласны с такой квалификацией, ибо аналитические формы наклонений глагола представляют собой грамматикализованную морфологическую структуру.

Настояще-будущее время

Min ukurğa tejeşmen	Beđ ukurğa tejeşbeđ
Hin ukurğa tejeşhen	Ileđ ukurğa tejeşhegeđ
Ul ukurğa tejeş	Ular ukurğa tejeş(tär)

Значение **будущего времени** передается также трехчленной конструкцией, в которой спрягается только вспомогательный глагол bul-:

Min ukurğa tejeş bulam	Beđ ukurğa tejeş bulabyđ
Hin ukurğa tejeş bulahın	Heđ ukurğa tejeş bulahıyyuđ
Ul ukurğa tejeş bula	Ular ukurğa tejeş bula(lar)

Прошедшее определенное (очевидное) время

Min ukurğa tejeş buldym	Beđ ukurğa tejeş buldyk
Hin ukurğa tejeş buldyn	Ileđ ukurğa tejeş buldyıyyuđ
Ul ukurğa tejeş buldy	Ular ukurğa tejeş buldy(lar)

Прошедшее неопределенное (неочевидное) время

Min ukurğa tejeş bulıanmın	Beđ ukurğa tejeş bulıanbyđ
Hin ukurğa tejeş bulıanhın	Ileđ ukurğa tejeş bulıanhıyyuđ
Ul ukurğa tejeş bulıan	Ular ukurğa tejeş bulıan(dar)

Форма **давнопрошедшего определенного (очевидного) времени** образуется при помощи двух вспомогательных глаголов bul- и tor- и имеет сложную четырехкомпонентную структуру:

Min ukurğa tejeş bula torıajmın	Beđ ukurğa tejeş bula torıajnyk
Hin ukurğa tejeş bula torıajnyı	Heđ ukurğa tejeş bula torıajnyıyyuđ
Ul ukurğa tejeş bula torıajny	Ular ukurğa tejeş bula torıajnylar

Прошедшее незаконченное относительное время

Min ukurğa tejeş inem	Beđ ukurğa tejeş inek
Hin ukurğa tejeş inen	Heđ ukurğa tejeş inegeđ
Ul ukurğa tejeş ine	Ular ukurğa tejeş inelär

Отрицательное значение временных форм данной модальной конструкции передается по-разному. Само модальное слово не принимает аффикса отрицания -ma/-mä, который присоединяется либо к основе инфинитива, либо к вспомогательному глаголу bul-, например: Min ukurğa tejeş bulmaıanmın — Min ukurğa tejeş bulıanmın 'Я не должен был читать'.

Отрицательная форма 1-го настоящего-будущего времени образуется при помощи модального слова tügel, отрицательное значение 2-й формы настоящего-будущего времени выражается присоединением аффикса -ma/-mä, например: Min ukurğa tejeş tügelmen — Min ukurğa tejeş bulam 'Я не должен читать'.

Данная модальная конструкция выражает значение долженствования, необходимости какого-либо явления, события или действия, причем модальное слово tejeş сохраняет свое модальное значение в любом контексте, в сочетании с различными глагольными формами и в различных типах предложений, например: Beđ kitap ukusylarğa donja ädäbiateneı in güzäl urnäktären jetkerergä tejeşbeđ (журн. «Ангидель», 1966, № 12) 'Мы должны донести до читателя самые лучшие образцы мировой литературы'; Ul minä ügäı aıaj ıupa, min ıa buıhonorğa tejeş tügelmen (Я. Мустафин) 'Он мне не родной дядя, я не должен подчиняться ему'.

Если модальное слово kăgăk сочетается с любой инфинитивной формой глагола, то модальное слово tejeş, как правило, употребляется в сочетании с инфинитивной формой на -urğa/-ergä и эпизодически, в основ-

ном в устной речи, со второй инфинитивной формой на -уп/-еп. С третьей же формой инфинитива на -так/-тәк данное слово не встречается.

В аналитических конструкциях с модальным словом *teješ* говорящий выражает свою убежденность в необходимости и целесообразности совершения действия. Иначе говоря, данная модальная конструкция характеризуется большей категоричностью по сравнению с конструкцией с *käräk*, передающей волю и желание другого лица. Таким образом, в аналитических конструкциях с модальным словом *teješ* преобладает семантика необходимости совершения действия, а в модальных конструкциях со словом *käräk* доминирует значение долженствования. Хотя указанные модальные слова очень близки друг к другу по своей семантике, однако, как указывал Н. К. Дмитриев, «между *käräk* и *teješ* есть смысловое различие, которое напоминает существующее между немецким *müssen* и *sollen*»¹³. Что же касается этих модальных глаголов, то они, «выражая различные оттенки одного и того же модального значения..., никогда не бывают тождественны друг с другом по значению. Они лишь сближаются друг с другом»¹⁴.

Подводя итоги сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

1. Модальные слова *käräk* и *teješ* по своим структурно-семантическим и функциональным свойствам занимают среди других модальных слов особое место, выполняя функции как глагольных, так и именных форм. Однако глагольные признаки в них преобладают: они, как и финитные глаголы, принимают аффиксы различных времен и наклонений, а также имеют полную парадигму спряжения.

2. Модальные слова *käräk* и *teješ* являются основными лексико-грамматическими средствами выражения модального значения долженствования и необходимости в башкирском языке наряду с существующим морфологическим способом выражения указанного значения — формами долженствительного наклонения типа *barahym bar*, *barahym kalıan*.

3. Конструкции с модальными словами *käräk* и *teješ* выражают основное значение долженствования, обусловленное объективными условиями, не зависящими от субъективного желания говорящего. Обычно действие, выраженное подобными конструкциями, является неизбежным, обязательным для говорящего. Однако нередко выражается и заинтересованность субъекта в выполнении какого-либо действия, что главным образом присуще конструкциям с модальным словом *teješ*.

Модальные слова *käräk* и *teješ* по сравнению с формами долженствительного наклонения глагола более четко и дифференцированно выражают модальное значение, ибо семантическим содержанием этих модальных слов является исключительно значение долженствования и необходимости.

4. Модальные слова *käräk* и *teješ* не следует смешивать с вспомогательными глаголами, так как эти слова сохраняют свое модальное значение в любом контексте.

5. Модальные слова *käräk* и *teješ* употребляются одинаково активно во всех жанрах современной письменной литературы, а также в устной речи.

¹³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 131.

¹⁴ Е. А. Крашенинникова. Модальные глаголы и частицы в немецком языке. М., 1958, стр. 121—122.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

М. П. РУСКОВА

ТУРЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БОЛГАРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ XVIII ВЕКА

Турецкие заимствования в славянских языках рассматривались в целом ряде исследований, причем, как правило, только на материале современных южнославянских языков¹.

Турецким заимствованиям в болгарских памятниках письменности XVII—XVIII вв. специально посвящено лишь исследование польского лингвиста С. Стаховского², однако автор обращается к материалам только опубликованных памятников и не учитывает их территориальной принадлежности, что не могло не сказаться на точности и полноте его характеристик. Так, для историка языка не может не быть существенным — в восточной или западной Болгарии создан тот или иной памятник, ибо вопрос о локальной принадлежности памятника связан также с проблемой численного соотношения славянского и неславянского населения на территории Болгарии в XVII—XVIII вв. На это впервые обратил внимание известный советский славист С. Б. Бернштейн, подчеркнувший, что в памятниках, созданных на территории восточной Болгарии, значительно больше турецких заимствований, нежели в созданных на западе страны³. До сих пор, однако, нет специальных работ, посвященных турецким заимствованиям в восточно- или западноболгарских памятниках письменности XVII—XVIII вв.

Известно, что в болгарских письменных памятниках XVII—XVIII вв., в отличие от памятников, датированных более ранним периодом, нашли отражение многие особенности живой народной речи той эпохи, в которой активно употреблялись и многие турецкие слова. В одних случаях для выражения некоторых понятий, обозначения названий предметов или лиц использовались исключительно турецкие заимствования, в других — заимствования употреблялись параллельно с

¹ Б. Цонев. Турски думи в български език. — «Годишник на Софийския университет. Ист.-филол. ф-т», кн. XXV, 4. София, 1929; М. Моллова. Относно ориенталските заемки в «Български тълковен речник». — «Български език», XIV, 1964, стр. 534—539. М. Стейнова. За пейоризацията на турцизмите в българския език. — «Български език», XIV, 1964, стр. 183—186. М. Mollova. Etude phonétique sur les turcismes en bulgare. — «Linguistique balkanique» («Балканско езиковедие»), XII, 1967, стр. 115—154. V. E. Hämeen-Anttila. Les emprunts turcs dans les langues slaves du sud. — «Scando-Slavica», t. IX. Copenhague, 1963, стр. 227—233. K. Granner. Etude sur les turcismes en bulgare. Oslo, 1970.

² S. Stachowski. Studia nad chronologią turcyzmów w języku bulgarskim. Kraków, 1971.

³ С. Б. Бернштейн (под псевдонимом С. А. Одинцов). Turco-Slavica. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII—XVIII вв. — «Труды Московского Института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского», т. VII. Филологический факультет. М., 1941, стр. 24—40.

болгарскими словами, обогащая тем самым синонимический фонд языка. В памятниках встречаются новые слова, созданные по словообразовательным моделям турецких заимствований, уже функционировавших в языке. Эти слова в словарях турецкого языка обнаружить не удалось, и они, по-видимому, являются уже славянскими (болгарскими) инновациями, характерными для соответствующего периода. В болгарских памятниках XVII—XVIII вв. отражены и многие языковые особенности, связанные с местом создания того или иного памятника. В заимствованных турецких словах легко прослеживаются черты тех диалектов турецкого языка, с носителями которых общались болгары. Таким образом, детальное исследование лексики болгарских памятников письменности может пролить свет на диалектные особенности языка турок, населявших в XVII—XVIII вв. территорию Болгарии. Языковые факты памятников способствуют также уточнению формы заимствования, семантики слова в языке-источнике.

Настоящая статья не ставит целью разрешить эти чисто тюркологические вопросы, мы стремились лишь дать некоторую систематизацию турецких заимствований в болгарских памятниках XVII—XVIII вв., что может помочь изучить диалектную основу и семантику турецких слов данного исторического периода.

В восточноболгарских письменных памятниках XVIII в. мы встречаемся со многими турецкими заимствованиями, относящимися к различным частям речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, частицы). Наиболее многочисленную группу образуют имена существительные, выражающие абстрактные (22 слова), конкретные (16 слов) и пространственные (8 слов) понятия, а также обозначающие названия лиц (31 слово). Цель настоящей статьи: 1) определить значения заимствованных из турецкого языка существительных, отмеченных в болгарских памятниках письменности; 2) наметить ареал употребления этих существительных: а) в современных болгарских народных говорах, б) в других южнославянских языках. Для более полной характеристики ареала того или иного существительного ниже приводятся все его значения по данным привлеченных источников. В каждом отдельном случае приводится турецкое слово — прототип заимствования с указанием его употребляемости в распространенных на южнославянской территории турецких диалектах. В качестве источников использованы 12 локализованных восточноболгарских письменных памятников XVIII в., из которых опубликованы лишь два: «Свиштовски дамски», изданный Л. Милетичем, и «Житие» болгарского писателя XVIII в. Софрония⁴. Написание всех слов соответствует первоисточнику.

Существительные, обозначающие абстрактные понятия

Адет 'обычай, навык' (ПД-2, л. 136, 164 об., 198); ср. диал. чешнегир., пхт., соф., банат., макед., серб.-хорв. *адет* 'обычай'; босн. и герцегов. *adet (hadet)* 'навык'; ср. осм.-тур. *adet* 'навык' из араб. *ādä(t)*.

Буирунтia 'распоряжение' (ЖС, с. 71); ср. диал. родоп. *бурунтie* 'слух, сплетня, выдумка'; макед. *бујрум* 'повеление, соизволение'; серб.-хорв. *бурунтија, бујрулдија, бујрултија, бујрунтија, бујруд(л)ија, бујрулдија, бујрунтија, бурјунтија, бурмутија, бурултија, бурмутија, бурунтлија, бурутлија* 1. 'письменное распоряжение, подтверждение, указ, одобрение'; 2. 'письменное поручение'; босн. и герцегов. *bujruntija*,

⁴ См. список источников в конце статьи.

bujrultija, bujruldiya 'распоряжение'; ср. нов.-осм. *buyurultu* 'распоряжение, декрет'.

Бюлюкь 'большая группа' (ЖС, с. 72); ср. диал. троян. *бил'ук* 'стадо, большая группа', ихт. *бил'ук* 'стадо овец, коз', пирдоп. *бил'ук* 'множество, большая толпа, большое стадо', соф. *бил'ук* 'множество'; серб.-хорв. *бил'ук*⁵ 1. 'рота, отряд; группа'; 2. 'стадо'; босн. и герцегов. *biljuk* 1. 'военный отряд; рота'; 2. 'отряд'; 3. 'стадо, группа'; ср. осм.-тур. *bolluk, bölük* 'обилие чего-нибудь; рота, толпа'.

Джевапъ 'ответ' (Паз сб., л. 55, 55 об., 56), *джовапъ* (Паз сб., л. 112), *джоапъ* (ДР Д, л. 25 об.; Паз сб., л. 112), *джувапъ* (БД, л. 207; КовД, л. 21, 29 об., 35 об., 59), *джухапъ* (Ст. Еп., л. 78); ср. диал. родоп. *джубан, жухан* 'объяснение'; макед. *джуван* 'ответ'; серб.-хорв. *джевān* 1. 'ответ'; 2. 'успокоение, примирение'; босн. и герцегов. *dževāb, dževap* 'ответ'; ср. осм.-тур. *cevap, civap* 'ответ'; диал. *шашаварл. dživar, dživar, živar*, родоп. *džor* 'ответ'.

Зараръ 'потеря' (ЖС, с. 53; СД, с. 163); ср. диал. троян., пирдоп., макед., серб.-хорв. *зарар* 'потеря'; босн. и герцегов. *zagar* 'потеря'; ср. осм.-тур. *zarar* 'утрата' из араб. *daḡar*.

Захере, зехере 'продовольствие' (ПД-2, л. 163); ср. осм.-тур. *zahire* 'продовольствие' из араб. *daḡira*.

Захметъ 'труд, хлопоты' (БД, л. 130 об.); ср. диал. страндж. *захмек* 'труд, работа, хлопоты по дому', родоп. *захмет* 'труд, забота, беспокойство', троян. *зъмет* 'трудность, забота', пирдоп. *захмет* 'работа по дому', соф. *заамет* 'труд, усилие, хлопоты вокруг кого- или чего-либо'; серб.-хорв. *замёт* 'затруднение, помеха'; босн. и герцегов. *zahmet* 1. 'труд, усилие'; 2. 'затруднение, тягость'; 3. 'усталость, тревога, волнение'; ср. осм.-тур. *zahmet* 'помеха' из араб. *zaḡmāt*.

Зиаветь 'пиршество' (ПД-2, л. 265 об.); ср. макед. *зијавет* 'угощение'; босн. и герцегов. *zijaŋet* 'пиршество'; ср. осм.-тур. *ziyaŋet* 'угощение' из араб. *dijāfāt*.

Изинъ 'позволение, разрешение' (Паз. сб., л. 112 об., 114, 115 об., 116, 119); ср. диал. соф. *изин*; макед. *изин*, босн. и герцегов. *izin* 'разрешение'; ср. осм.-тур. *izin* 'позволение' из араб. *idn*.

Кабахать 'вина' (ЖС, с. 56; Ков. Д, л. 35, 39 об., 58 об.; ПД-2, л. 196, 196 об., 198; Тет. сб., л. 37 об.); ср. диал. страндж. *кабахек* 'вина, ошибка'; родоп. *кабаат* 'вина'; пирдоп. *кабаат* 'вина'; макед. *кабаат, кабаат* 'вина'; босн. и герцегов. *kabahat, kabaat* 'вина'; ср. осм.-тур. *kabahat* 'вина' из араб. *qabāḡā(t)*.

Комсолукъ 'заснаиство, надменность' (Паз. сб., л. 143 об.), *комсулукъ* (БД, л. 165 об.; КД, л. 153 об.; Ксб., л. 57 об., 103; СД, с. 287; Ст. Еп., л. 13); ср. осм.-тур. *kimsuluk* 'клевета, навет'; диал. анадол. *kimsilamak* 'чернить, клеветать, извещать, доносить'.

Мъхана 'недостаток' (СД, с. 206, 238); ср. диал. страндж. *махана*, чешнегир., пирдоп., соф. *маана*; макед. *маана, мана*; серб.-хорв. *мана* 'недостаток, слабость, порок'; босн. и герцегов. *maḡana, maḡa* 'недостаток, погрешность'; ср. осм.-тур. *baḡane, maḡana* 'причина, повод, объяснение (причины), отговорка, предлог' из перс. *bāḡane*.

Навлън, навлъм 1. 'плата за перевоз (на судне)'; 2. 'фракт' (БД, л. 58 об.), *навлонъ, навлунъ* (СД, с. 262); ср. серб.-хорв. *navlut* 1. 'пла-

⁵ Встречающиеся в графике южнославянских языков буквы **ѣ, њ, џ, ѣ, ѣ** заменены соответственно обозначениями **л', н', дж, д'ж', ч'**.

та за перевоз (на судне)'; 2. 'фрахт'; ср. осм.-тур. *navlun* 1. 'плата за перевоз'; 2. 'фрахт'.

Сеферь 'война, поход' (Паз. сб., л. 116); ср. диал. страндж. *сефер* 'штука, раз', пирдоп. *сефер* 'военный поход (война)'; ср. босн. и герцегов. *sefer* 'путь, путешествие; военный поход'; ср. осм.-тур. *sefer* 'путешествие; война' из араб. *sāfag*.

Съклет 'беспокойство, притеснение' (СД, с. 188); ср. диал. пирдоп., соф. *съклет* 'беспокойство'; макед. *саклет* 'беспокойство'; босн. и герцегов. *sekil* 'надоедливый человек'; ср. осм.-тур. *siklet* 'трудность, тяжесть, груз' из араб. *tiqlāt*.

Сургюнь 'изгнание' (ПД-2, л. 154 об., 155; СД, с. 108); ср. диал. родоп. *с'ургеун* 1. 'изгнание, ссылка'; 2. 'касторовое масло'; 3. 'понос'; макед. *сургун* 'ссылка, изгнание'; серб.-хорв. *сургун* 1. 'изгнанник'; 2. 'ссылка, изгнание'; босн. и герцегов. *surgun* 'изгнание'; ср. осм.-тур. *sürgün* 'изгнание'.

Тестирь 'разрешение, закон' (БД, л. 178, 194 об.; КД, л. 121 об.; Ксб., л. 50, 77 об.), *тустирь* (Ст. Еп., л. 42 об.); ср. диал. родоп. *тестир* 'ссора'; босн. и герцегов. *testir* 1. 'разрешение'; 2. 'искусное письмо'; ср. осм.-тур. *testir, destur* 'разрешение' из перс. *dāstur*.

Хизметь 'служба' (БД, л. 179); ср. диал. родоп. *хизмет* 'работа по дому'; босн. и герцегов. *hizmet, izmet* 'служба, обслуживание, услужение, услуга'; ср. осм.-тур. *hizmet* 'служба, услуга, обязанность' из араб. *hidmāt*.

Хузур 'присутствие' (СД, с. 302); ср. диал. родоп. *хузуресва* 'наскучить'; ср. осм.-тур. *huzur* 'присутствие' из араб. *ḥudūr*.

К группе существительных с отвлеченным значением примыкают также слова *бегликъ, гюмрюкъ, бакшишъ*.

Бегликъ 'подать за овец' (ЖС, с. 69); ср. диал. страндж., троян., ихт. *беглик, биглик* 'подать за овец, животных'; макед. *беглик* 1. 'владение бега'; 2. 'подать, которую платили за товар'; 3. 'барщина'; серб.-хорв. *беглук* 1. 'феодалное владение'; 2. 'барщина'; босн. и герцегов. *beglik* 1. 'владение бега'; 2. 'край, которым управляет бег'; 3. 'государство, княжество'; ср. осм.-тур. *beğlik*.

Гюмрюкъ 'дань, таможенная пошлина' (БД, л. 166 об.; Ксб., с. 104 об.); ср. диал. соф. *г'умрук* 'налог за продажу животных'; серб.-хорв. *д'ж'умрук* 1. 'таможенный налог'; 2. 'таможня'; босн. и герцегов. *džumruk* 1. 'таможенная пошлина'; 2. 'городская ввозная пошлина'; ср. стар.-осм. XVI в. *gümbrük*, XVII в. *gömrük*; нов.-осм. *gümrük*.

Бакшишъ 'чаевые' (ПД-2, л. 163); ср. диал. ихт., пирдоп. *бакшиш* 'мелкий подарок, вознаграждение за услугу'; макед., серб.-хорв. *бакшиш* 'чаевые'; ср. осм.-тур. *bahşış* 'чаевые' из перс. *bāhšīš*.

Существительные, обозначающие титулы, должности, профессию и т. п.

Ага 'почетное звание, господин' (ЖС, с. 52, 54, 55, 63, 69; ПД-2, л. 58, 156, 156 об., 157, 157 об., 214, 214 об.); ср. макед., серб.-хорв. *ага*; босн. и герцегов. *ага* 'господин'; ср. стар.-осм. *āga, aḡa*; XVI в. *ага*; нов.-осм. *aḡa* 'господин, богатый собственник'.

Алай бегъ 'военачальник' (ПД-2, л. 51 об., 52 об., 201 об., 236 об.; Паз. сб., л. 115, 152; СД, с. 279); ср. макед. *алај-бег*; серб.-хорв. *alāj-beg* 'военачальник'; босн. и герцегов. *alājbeg* 1. 'старейшина, крупный

землевладелец'; 2. 'военачальник'; ср. осм.-тур. *alaybeyi* (изафетная конструкция от *alaj* и *beg*).

Амир, амирин 'начальник, владетель' (Паз. сб., л. 169 об., 170); ср. босн. и герцегов. *amir* 'начальник, старейшина'; ср. осм.-тур. *emir* из араб. *āmīr* 'вождь, начальник, владетель'.

Аянин 'правитель области' (ЖС, с. 52, 63, 64); ср. макед.; серб.-хорв. *ajan* 'правитель области'; босн. и герцегов. *ajān* 'предводитель, вельможа'; ср. осм.-тур. *āyan* 'аристократия, олигархия' из араб. *a'yan*.

Баждарник 'сборщик подати' (Тет. сб., л. 22); ср. диал. соф. *баждарин* 'сборщик подати'; макед., серб.-хорв. *баждар* 1. 'сборщик подати'; 2. 'инспектор мер и весов'; босн. и герцегов. *baždār* 'инспектор мер и весов'; ср. осм.-тур. *bas, bası* 'пошлина' + суффикс *dar*.

Бегликча 'сборщик подати беглик' (ЖС, с. 69); ср. диал. троян. *бегликчиѣ*, ихт. *бегликчийа*; макед. *бегликчија* 'сборщик подати'; ср. осм.-тур. *beğlikçi*.

Бинъ баша 'тысячник' (ПД-2, л. 104 об.), *бинъ баши* (ПД-1, л. 91, 91 об.; ПД-2, л. 107), *бинъ башия* (ПД-2, л. 104 об.); ср. макед. *бим-баша, бимбашија*; серб.-хорв. *бимбаша, бинбаша, бин'баша*; босн. и герцегов. *bimbaša, binbaša* 'начальник 1000 солдат'; ср. осм.-тур. *binbaşı* 'майор'.

Билюкъ баши 'начальник большой группы солдат' (ЖС, с. 72); ср. серб.-хорв. *бил'убаша, бујумбаша, бујучбаша, бул'угбаша, бул'умбаша*; босн. и герцегов. *buljubaša, buljukbaša* 'начальник отряда'; ср. осм.-тур. *bölükbaşı*.

Гюмрукция 'сборщик подати, таможенник' (БД, л. 70, Ксб., л. 56; Ст. Еп., л. 10 об.; Тет. сб., л. 30), *гюмрукция* (БД, л. 170); ср. стар.-осм. *gümrükçi, ghiumrukgi*; нов.-осм. *gümrükçü*.

Джелеп 'поставщик скота для турецкой армии' (ЖС, с. 47, 55); ср. диал. соф. *джелепин* 'торговец скотом'; серб.-хорв. *джелеб* 'стадо', *дзелебджија* 'торговец рогатым скотом'; босн. и герцегов. *dželep* 'стадо', *dželepčija, dželebdžija* 'торговец скотом'; ср. осм.-тур. *celer, celerci*.

Дуварджия 'каменщик' (ПД-2, л. 36 об.); ср. серб.-хорв. *дуварджија*; босн. и герцегов. *divardžija* 'каменщик'; ср. осм.-тур. *divarçı, düvarçı* 'каменщик'.

Забит 'сельский староста' (КД, л. 145), *забитин* (ПД-2, л. 232 об.); ср. макед., серб.-хорв., босн. и герцегов. *zabit* 1. 'турецкий офицер'; 2. 'сельский староста'; ср. осм.-тур. *zabit* 'офицер'.

Измикарь 'ратай, слуга' (ПД-2, л. 139 об.), *измикеринъ* (ПД-2, л. 146), *измекар* (Тет. сб., л. 45 об.); ср. диал. страндж., троян., ихт. *измикар*, родоп. *изметкерин, хизметкер, хизметкерин*, соф. *измикарин* 'ратай, слуга'; макед. *измекар*; серб.-хорв. *измец'ар*; босн. и герцегов. *hizmesār, izmes'ār* 'слуга'; ср. осм.-тур. *hizmetkâr* 'слуга' из перс. *hid-mātkār*.

Казалбашъ 'перс' (Ксб., л. 43 об.); ср. босн. и герцегов. *kizilbaşı, kizilbāš* 'люди, относящиеся к секте нинитов, предки которых входили в особый разряд войск в Персии'; ср. осм.-тур. *kizilbaş*.

Кефил 'поручитель' (СД, с. 262, 263, 264); ср. диал. страндж., родоп. *кефил* 'поручитель'; босн. и герцегов. *cefîl, kefîl* 'поручитель'; ср. осм.-тур. *kefil* 'поручитель, заложник' из араб. *kāfîl*.

Конакчия 'тот, кто организует ночлег для войск' (ЖС, с. 65); ср. диал. страндж. *конакчийе* 'постоялец, гость'; макед. *конакчија*; серб.-хорв. *konaggija, konagija, konakčija*; босн. и герцегов. *konakčija, ko-*

nagdžija 1. 'тот, кто организует ночлег для войск'; 2. 'постоялец'; ср. осм.-тур. *konakçı* 'лицо, организующее ночлег для войск, квартирьер' с XV в.

Мосаип 'любимец, надсмотрщик, надзиратель' (КД, л. 143 об., 152), *мусаип* (КД, л. 68 об., 69, 70 об.; СД, с. 275), *мосаипинъ* (КД, л. 143 об., 152); ср. серб.-хорв. *musair* 'друг, любимец'; ср. осм.-тур. *musahip* 'любимец, приятель, собеседник'; ср. араб. *muṣāḥaba*.

Мубашир 'посланец' (ЖС, с. 53, 72); ср. серб.-хорв. *tubašir* 'посланец, гонец'; босн. и герцегов. *tubašir*, *bumbašir* 1. 'курьер, нарочный'; 2. 'тот, кто отдает распоряжение'; ср. осм.-тур. *mübaşir* 'посланец'.

Олак 'курьер, скороход' (БД, л. 61 об.; СД, с. 247); ср. диал. ихт. *Олаците* (старинное название деревни); серб.-хорв. *улак*; босн. и герцегов. *ulak* 'курьер'; ср. осм.-тур. *ulak*.

Рейзбаша 'капитан, главный начальник, полководец' (Паз. сб., л. 158), *реисбаша* (КД, л. 156); ср. осм.-тур. *reisbaşa*.

Сиизин 'конюх' (ЖС, с. 66); ср. диал. родоп. *сеизин* 'сторож, телохранитель'; серб.-хорв., босн. и герцегов. *seiz*, *sejiz* 1. 'конюх'; 2. 'конюший'; ср. осм.-тур. *seyis* 'конюший'.

Субаша 'городской начальник, наместник паши' (БД, л. 129 об.; ЖС, с. 51, 65; КовД, л. 113; ПД-1, л. 18 об.; СД, с. 134); ср. серб.-хорв. *субаша* 1. 'полевой сторож'; 2. 'помощник паши'; босн. и герцегов. 1. 'тот, кто собирает доходы с поместья бега'; 2. 'городской начальник'; ср. стар.-осм. *subaşı* с XVI в., нов.-осм. *subaşa* 1. 'тот, кто наблюдает за распределением воды в городе'; 2. 'тот, кто собирает доходы с поместья бега'; 3. 'городской начальник'.

Тумрукча, тумручия 'сторож, охранник' (СД, с. 234, 235); ср. босн. и герцегов. *tomrukčija* 'тот, кто продает дрова'; ср. стар.-осм. *tomrukçı*, нов.-осм. *tomrukçi* 'узник, закованный в деревянные колодки'.

Хадъмень 'евнух' (БД, л. 175); ср. босн. и герцегов. *hadım* 'евнух'; ср. осм.-тур. *hadım* 'евнух'.

Хекимджия 'врач, лекарь' (КД, л. 4; Паз. сб., л. 82 об.); ср. диал. страндж. *икимин*; босн. и герцегов. *hecim*, *hekim*, *ecim* 'врач'; ср. осм.-тур. *hekim* 'врач'.

Юзбаша 'сотник' (СД, с. 127); ср. макед. *juzbašija*; серб.-хорв., босн. и герцегов. *juzbaşa* 'капитан, начальник, сотник'; ср. осм.-тур. *yüzbaşı*, *yüzbaşa* 'капитан, сотник'.

Юшюрджия 'сборщик десятины' (БД, л. 170), *ошурчиа* (Тет. сб., л. 30); ср. стар.-осм. *uşurcı*, *öşurcı*; нов.-осм. *uşurcu*, *öşurcu* 'сборщик десятины'.

Ясакчия 'телохранитель' (ЖС, с. 62, 69); ср. диал. родоп. *йасакчие* 1. 'тот, кто охраняет, телохранитель'; 2. 'тот, кто находится в услужении'; макед. *јасакчија* 'телохранитель, сопровождающий'; серб.-хорв. *јасакчија* 'телохранитель, стражник'; босн. и герцегов. *јасакчија* 1. 'караульный'; 2. 'защитник'; 3. 'телохранитель'; ср. осм.-тур. *yasakçı* 'караульный, телохранитель'.

Среди существительных с агентивным значением выделяются обозначающие особенности какого-либо лица.

Бикрия, *бикриа* 'пьяница' (Ксб., л. 89 об., 90, 90 об., 91; СД., с. 293, 294; Ст. Еп., л. 62, 63, 63 об.); ср. диал. троян. *бекрия* 'злой человек; пьяница'; соф. *бекрия* 'бродяга'; макед., серб.-хорв. *бекрија*; босн. и герцегов. *bekrija*, *bekrijāš* 'пьяница'; ср. осм.-тур. *bekri* 'пьяница'.

Гювендия 'развратная женщина' (КД, л. 60); ср. диал. страндж. *g'увендийе*; макед. *g'увендија*; серб.-хорв. *д'ж'увендија*; босн. и герцегов. *dživendiја* 1. 'рабыня'; 2. 'женщина легкого поведения'; 3. 'веселая девушка' (пирот.); 4. 'сварливая женщина'; ср. осм.-тур., диал. анатол. *güvende* 'танцовщица, женщина легкого поведения'.

В болгарских памятниках XVIII в. встретилось только одно существительное турецкого происхождения, обозначающее животное:

Раслань 'лев' (БД, л. 117 об., 125, 125 об., 127 об., 174; ДрД, л. 2, 4 об., КД, л. 107, 122, 127 об., 171, 172, Ксб., л. 43; КовД, л. 79, 98, 100, 105, 195 об.; ПД-1, л. 12; Паз. сб., л. 35; Тет. сб., л. 21 об., 43 об., 44), *хасланъ* (Паз. сб., л. 34, 35, 37 об.); ср. диал. страндж. *аслан*; серб.-хорв., босн. и герцегов. *arslān* 'лев'; ср. осм.-тур. *arslan*, *aslan* 'лев'.

Существительные, обозначающие конкретные понятия

Аманет 'заклад' (БД, л. 191); ср. диал. страндж., чешнегир. *аманет* 'заклад', родоп. *аманет* 'посылка; подарок, посланный женихом по случаю свадьбы'; макед., серб.-хорв. *аманет*; босн. и герцегов. *amanet*, *etanet* 1. 'заклад'; 2. 'ценная посылка'; ср. осм.-тур. *emanet* 'доверие'.

Бардак 'глиняный сосуд (для масла)' (СД, с. 297); ср. диал. троян., родоп. 'глиняный сосуд, кружка', ихт., пирдоп., соф. *барде* 'глиняный сосуд, кружка'; макед. *бардак* 'глиняный сосуд с двумя ручками'; серб.-хорв. *бардак* 1. 'кружка; корчага'; 2. 'разукрашенный сосуд, бутыль'; босн. и герцегов. *bardak* 1. 'глиняный сосуд для воды'; 2. 'бочонок'; ср. диал. осм.-тур. *bardak* 'сосуд'.

Бюлюрь 'хрусталь' (СД, с. 110); ср. диал. родоп. *бюлюр*; макед. *билјур*; серб.-хорв. *бил'ур*; босн. и герцегов. *biljūr* 'хрусталь'; ср. осм.-тур. *billūr*; диал. *büllūr*, скоп. *bülür* 'хрусталь' из араб. *ballūr*, *billaug*.

Елкенъ 'парус' (КД, л. 66), *илкен* (БД, л. 80 об., 81); ср. диал. вост. болг. *елкен* 'парус', страндж. прилаг. *елкениен* 'парусный', самоков. *елкен* 'бумажный змей'; серб.-хорв. *елч'ен*; босн. и герцегов. *elcen*, *elken*, *jelcen* 'парус'; ср. осм.-тур. *yelken* 'парус'.

Каик 'лодка' (Ксб., л. 93; Паз. сб., л. 16 об.); ср. диал. страндж., троян., родоп. *каик* 'лодка', ботевгр., пирдоп. *каик* 'детские сани'; макед., серб.-хорв. *каик*; босн. и герцегов. *kaik*, *kajik* 'лодка'; ср. осм.-тур. *kaik* 'лодка'.

Калканъ 'щит' (Паз. сб., л. 56 об.; СД, с. 280); ср. макед. *калкан*; серб.-хорв. *калкāн*; босн. и герцегов. *kalkan* 'щит'; ср. осм.-тур. *kalkan* 'щит'.

Кальчь, *каличъ*, *калущъ* 'сабля' (ПД-2, л. 106, 166 об., 173 об., 260 об.); ср. диал. родоп. *калъч* 1. 'изогнутая сабля'; 2. 'нож рала', ихт. *калъчка* 'деревянный нож', пирдоп. *калъчка* 'сабля'; макед. *калач*, *калачка* 'сабля'; ср. осм.-тур. *kılıç*.

Маждрак 'копье' (КовД, л. 17 об.), *маздракъ* (ПД-2, л. 54 об.), *мъзрак* (ПД-2, л. 140 об.), *муздрак* (Паз. сб., л. 119, 120 об., 186 об.); ср. диал. родоп. *музурак* 'копье'; макед. *маздрак*; босн. и герцегов. *mizrak*, *mizdrak* 'копье'; ср. осм.-тур. *mizrak* 'копье' из араб. *mizgāq*.

Мангар 'мелкая монета' (СД, с. 263), *мангър* (Паз. сб., л. 45); ср. диал. троян. *мънгър*, ихт. *мангър*; макед. *мангар*; серб.-хорв. *мангура*; босн. и герцегов. *tangar*, *tangura* 'мелкая монета'; ср. осм.-тур. *tan-gir-*, *tankir-* 'проколоть, просверлить монету'.

Махрама 'головной платок' (БД, л. 93); ср. диал. страндж. *махра-ма*, родоп. *махрамо*, *махрама*; макед. *марама*; серб.-хорв. *марама*, *махрама*; босн. и герцегов. *mahrata*, *marata* 1. 'полотенце'; 2. 'голов-

ной платок'; ср. осм.-тур. *mahrata*, *maurata* 'платок' из араб. *miqrat*.

Масшрапа 'кубок' (ДрД, л. 23), *машрапа* (ДрД, л. 21 об., 22, 22 об.); ср. макед. *маштраба*, *маштрапа*; серб.-хорв. *маштрафа*, *маштрап*; босн. и герцегов. *maštrafa* 'кубок'; ср. осм.-тур. *maşgara*, *maşraba*, *mişrebe* 'то, из чего пьют'; диал. варн. *maştarapa* из араб. *maşrabija*.

Нашрапа 'кубок' (ДрД, л. 22, КД, л. 73 об., 74, 74 об., 75, 75 об.); ср. тур. диал. разград. *naştrapa*; родоп. *naştırpa* 'кубок'.

Перчемь 'чуб, вихор (на голове)' (БД, л. 37 об., 178 об.); ср. диал. ихт. *перчем*, пирдоп. *перчим* 'чуб, вихор (у мужчин)'; серб.-хорв. *перчин*; босн. и герцегов. *perčin* 'коса, косичка (на голове у мужчин)'; ср. осм.-тур. *percet*.

Сиджил 'судебный приговор' (СД, с. 277); ср. серб.-хорв. *sigil*; босн. и герцегов. *sidžil* 'судебный протокол с приговором'; осм.-тур. *sicil* 'список, перечень судебных приговоров' из араб. *siyill*.

Тескер 'удостоверение' (ЖС, с. 71), *тескере* (ЖС, с. 50, 71, 72); ср. макед. *тескере*; серб.-хорв. *teskera*; босн. и герцегов. *teskere* 'письмо, документ, удостоверение'; ср. осм.-тур. *tezkerе* 'удостоверение'.

Томрук 'колодки, тюрьма' (СД, с. 228, 271), *тумрукъ* (Паз. сб., л. 111 об., 119 об.; СД, с. 130, 131), *томрюкъ* (КД, л. 144 об.); ср. босн. и герцегов. *tomruk* 1. 'деревянные кандалы'; 2. 'колодка'; 3. 'пень'; 4. 'круглое полено'; ср. осм.-тур. *tomruk* 'колодки, тюрьма'.

Существительные, обозначающие пространственные понятия, местность

Ада 'остров' (КД, л. 169; Паз. сб., л. 16); ср. диал. родоп. *адалуки* 'островной'; макед. *ада*; серб.-хорв. *ада*; босн. и герцегов. *ада* 'остров'; ср. осм.-тур. *ада* 'остров'.

Бахча 'сад, огород' (БД, л. 47, 93, 116 об., 140 об., 142 об., 201, 201 об.; СД, с. 112, 162), *бахчия*, *бахция* (КовД, л. 32, 76; Паз. сб., л. 76 об., 77 об., 78); ср. чешнегир. *башича*, ихт., пирдоп., соф. *бахча*; серб.-хорв. *башта*, *башича* 'сад, огород'; босн. и герцегов. *bašča*, *bašča* 'сад, плодовый сад'; ср. осм.-тур. *bahçe*, *bağçe* 'сад' из перс. *bāyçe*.

Велиеть 'административная область в Османской империи' (ДрД, л. 29 об.), *вилаят*, *велеятъ* (ПД-2, л. 129, 135, 162 об., 163, 163 об.); ср. диал. страндж. *вилаят* 'родной край', родоп. *вилает* 1. 'родной край'; 2. 'единица административного деления в Турции', банат. *вил'ат*, *вилийат* 'область'; макед. *вилает* 'область'; серб.-хорв. *vilajet* 1. 'единица административного деления в Турецкой империи'; 2. 'родной край'; босн. и герцегов. *vilajet*, *vilajet* 1. 'окраина, провинция, область'; 2. 'родной край'; ср. осм.-тур. *vilâyet* 'провинция, область' из араб. *wilāyāt*.

Зындан 'тюрьма' (Паз. сб., л. 63); ср. макед. *зандан*, *зандана*; босн. и герцегов. *zindān* 'тюрьма'; ср. осм.-тур. *zindan* 'темница, тюрьма'.

Киошк 'летняя комната' (ЖС, с. 51); ср. диал. родоп. *к'ошк* 1. 'летняя комната для гостей'; 2. 'крытая беседка возле источника с водой'; ср. осм.-тур. *köşk* 1. 'летний дворец; павильон'; 2. 'башня'.

Конак 'место для ночлега; дом, в котором располагались турецкие власти' (БД, л. 165 об.; ЖС, с. 50, 51, 53, 66, 67, 68, 69; Ксб., л. 103 об.; ПД-1, л. 78 об., 103 об., 104, 105 об., 106, 106 об., 111 об., 115 об.; ПД-2, л. 35, 180 об.); ср. диал. страндж. *конак* 'место для ночлега', пирдоп. *конак* 'место для ночлега; временная квартира'; родоп., макед. *конак* 1. 'место для ночлега'; 2. 'дом, в котором располагались турецкие власти'; 3. 'дом богача'; серб.-хорв. *конак* 1. 'место для ночлега'; 2. 'дворец, двор'; босн. и герцегов. *konak* 1. 'место для ночлега'; 2. 'однодневная

поездка'; 3. 'дом видного человека'; 4. 'дом, в котором размещались турецкие власти'; 5. 'мужской дом'; ср. осм.-тур. *kona* 1. 'государственное учреждение'; 2. 'большой дом, особняк'; 3. 'ночлег, остановка, стоянка, квартира'.

Ормань, ормань, урман 'лес' (СД, с. 127, 128, 133); ср. диал. родоп. *орман*; макед. *орман*; босн. и герцегов. *orman* 'лес, роща'; серб.-хорв. *orman* 1. 'вид сундука'; 2. 'корабль, ладья'; 3. 'топоним, связанный с обозначением леса'; ср. осм.-тур. *orman* 'лес'.

Ябана 'чужой край' (ПД-2, л. 126 об.); ср. диал. страндж. *ебанда*, пирдоп. *йабана*, соф. *йабана* 'чужой край', родоп. *абанда, йабанда* 1. 'чужое, далекое место'; 2. 'далекий, чужой человек'; макед., серб.-хорв. *јабана* 'чужой край'; босн. и герцегов. *јабана* 1. 'чужой человек'; 2. 'чужой край'; ср. осм.-тур. *ya* *бана, yaban* 1. 'пустыня'; 2. 'область, находящаяся вне населенных мест и не являющаяся чьим-либо владением'; 3. 'чужой человек'.

Большинство имен существительных, зафиксированных в восточно-болгарских памятниках XVIII в. (57), характерно для диалектов всей южнославянской территории; четыре из них отмечены в современных болгарских говорах, а также в боснийском и герцеговинском диалектах сербохорватского языка (*сефер, тестир, хизмат, кефил*); два — в современных болгарских диалектах и в македонском языке (*бегликчия, калъч*); пять — только в боснийском и герцеговинском диалектах сербохорватского языка (*амир, казалбаш, томрукчия, хадъмен, томрук*); два (*хузур, киошк*) — только в современных болгарских говорах; шесть — только в анализируемых памятниках (*захере, комсолук, гюмрукчия, реизбаша, юшюрджия, нащрапа*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

- анатол.* — анатолийский
- араб.* — арабский
- бинат.* — банатский
- босн. и герцегов.* — боснийский и герцеговинский
- ботевгр.* — ботевградский
- варн.* — варненский
- вост. болг.* — восточноболгарский
- ихт.* — ихтиманский
- макед.* — македонский
- нов.-осм.* — новоосманский
- осм.-тур.* — османо-турецкий
- перс.* — персидский
- пирдоп.* — пирдопский
- пирот.* — пиротский
- разград.* — разградский
- родоп.* — родопский
- серб.-хорв.* — сербохорватский
- скоп.* — скопленский
- соф.* — софийский
- стар.-осм.* — староосманский
- страндж.* — странджанский
- троян.* — троянский
- чешнегир.* — чешнегировский
- шашаварл.* — шашаварлийский

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ ИХ НАЗВАНИЙ

- БД — Белевски дамаскин. Рукопись № 713 (445), 200 л. Народная библиотека в Софии.
- ДрД — Дрянновски дамаскин. Рукопись № 336 (523), 30 л. Народная библиотека в Софии.
- ЖС — Житие и страдания грешного Софрония (П. Орешков. Автобиография на Софрони Врачански. София, 1914).
- КД — Котленски дамаскин. Рукопись № 13.5.18, 177 л. Библиотека АН СССР в Ленинграде.
- Ксб. — Котленски сборник. Рукопись № 437 (630), 106 л. Народная библиотека в Софии.
- КовД — Кованлъшки дамаскин. Рукопись № 13.6.16, 182 л. Библиотека АН СССР в Ленинграде.
- ПД-1 — Пирдопски дамаскин 1805 г. Рукопись № 341 (432), 128 л. Народная библиотека в Софии.
- ПД-2 — Пирдопски дамаскин 1827 г. Рукопись № 335 (433), 262 л. Народная библиотека в Софии.
- Паз. сб. — Сборник от XVIII в. писан в Пазарджик. Рукопись № 435 (635), 190 л. Народная библиотека в Софии.
- СД — Свищовски дамаскин. — «Български старини», кн. VII. София, 1923.
- Ст. Еп. — Стоянова епистолия. Рукопись № 742 (104), 83 л. Народная библиотека в Софии.
- Тет. сб. — Тетевенски сборник. Рукопись № 695 (117а), 63 л. Народная библиотека в Софии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СЛОВАРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

- З. Божкова. Принос към речника на софийския говор. «Българска диалектология», кн. I. София, 1962.
- Ј. Бошкович. О српском језику. Београд, 1887.
- «Български етимологичен речник», св. I—VII. София, 1962—1969.
- Г. Горев. Страуджанският говор. — «Българска диалектология», кн. I. София, 1962.
- Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — «Българска диалектология», кн. II. София, 1965.
- С. Ковачев. Троянският говор. — «Българска диалектология», кн. IV. София, 1968.
- И. Кънчев. Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — «Българска диалектология», кн. IV. София, 1968.
- «Македонско-руски речник». М., 1963.
- М. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. — «Българска диалектология», кн. III. София, 1967.
- С. Попгеоргиев. Из лексиката на с. Чешнегирво, Пловдивско. — «Българска диалектология», кн. I. София, 1962.
- «Речник на македонскиот јазик», I—II. Скопје, 1961—1965.
- «Речник на съвременния български книжовен език», в. 1—14. София, 1954—1959.
- «Речник српскохрватског књижевног и народног језика», I—VI. Београд, 1959—1969.
- Ст. Стойков. Лексиката на банатския говор. София, 1968.
- Т. Стойчев. Родопски речник. — «Българска диалектология», кн. II. София, 1965.
- Alp, Ali Rıza ve Alp, Sabahat. Büyük osmanlı lügati. İstanbul, t. 1—4, 1958—1961.
- «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest, X.
- Hony H. C. With the advice of Fahir Iz. A turkish-english dictionary. Oxford, 1947.
- Mustafa Nihat Özön. Büyük osmanlıca-türkçe sözlük. İstanbul, 1959.
- «Redhouse yeni türkçe-ingilizce sözlük» («New redhouse turkish-english dictionary»). İstanbul, 1968.

- «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika». Akademia Znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1880—1970, b. 1—80.
- «Rocznik orientalistyczny», XV, XXIII. Kraków.
- «Sade türkçe kılavuzu». Ankara, 1960.
- «Sade türkçe kılavuzu». Ankara, 1971.
- A. Škaljič. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, Sarajevo, 1957.
- A. Škaljič. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1965.
- «Tanıklarıyle tarama sözlüğü», I—IV. İstanbul, 1943—1957.
- «Tarama sözlüğü», I—IV. Ankara, 1963—1969.
- «Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar», I. Ankara, 1953.
- «Türkiye'de halk ağzından söz derleme dergisi», 1—4. İstanbul. Ankara, 1939—1957.
- «Türkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü», I—IV. Ankara, 1963—1969.
-

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

М. А. УНГВИЦКАЯ

ХАКАССКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ — «СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ» И ПАМЯТНИКИ ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

I

Правомерность сопоставления героического эпоса тюркских народов с памятниками орхоно-енисейской письменности давно доказана советской тюркологической наукой. В 1922 г. П. А. Фалёв высказал мнение, что «сопоставление произведений народного эпоса с орхонскими надписями вполне уместно»¹. А. Н. Бернштам указывает на эпический характер орхонских рунических надписей, в том числе надгробной надписи в честь Кюль-тегина, представляющей собой стихотворное повествование². По мнению А. Н. Бернштама, орхонские и енисейские эпитафии могут служить источником сведений по истории, экономике, государственному устройству ряда тюркских племен, расселявшихся в VI—VIII вв. в районах рек Орхона и Селенги, среднего и верхнего Енисея. Эти племена — предки современных киргизов, алтайцев, хакасов, тувинцев — создали замечательные образцы героического эпоса, имеющего познавательное и художественное значение. И хотя А. Н. Бернштам прямо не говорит о сопоставлении орхоно-енисейских надписей и героического эпоса, — идея сближения эпоса и орхоно-енисейских эпитафий на основе их глубокого познавательного значения логически вытекает из его рассуждений и выводов.

М. И. Богданова создает свою концепцию соотношения орхоно-енисейской письменности и киргизского героического эпоса. С точки зрения исследователя, руническая письменность дает начало «более сложным эпическим формам, вплетающимся в основу народного героического эпоса»³, иначе говоря, к руническим памятникам исторически восходит и киргизская народная героическая эпопея «Манас».

Аналогичную точку зрения высказывал М. Ауэзов, считавший, что памятники Кюль-тегина и Тоньюкука с эпосом «Манас» сближает общий для них повествовательно-эпический характер и большое познавательное значение⁴. По его мнению, эпос «Манас» (IX—X вв.), вобравший в себя множество напластований из фольклорных и иных источников, находится также в определенной преемственной связи и с орхонскими руническими памятниками (VI—VIII вв.).

¹ П. А. Фалёв. Как строится кара-киргизская былина. — «Наука и просвещение», № 1. Ташкент, 1922, стр. 22.

² А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 33.

³ М. И. Богданова. Киргизская литература. М., 1947, стр. 13.

⁴ М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас». — В сб.: «Киргизский героический эпос „Манас“». М., 1961, стр. 54—55.

В. М. Жирмунский считает возможным сопоставление орхоно-енисейских надписей с более ранними жанрами героического эпоса, обозначаемыми им термином «богатырские сказки»⁵, которые составляют наиболее древний пласт эпических сказаний, созданных тюркскими племенами Алтае-Саянского нагорья и Хакасско-Минусинской котловины. Этот пласт именуется В. Я. Проппом «догосударственным» эпосом.

Е. М. Мелетинский не отрицает правомерности такого сопоставления, но выражает сомнение в том, что жанр героического эпоса уже существовал у тюрков юга Сибири в VI—XII вв.⁶ (время создания орхоно-енисейской эпиграфической поэзии по последним данным исторической науки⁷).

И. В. Стеблева, анализируя надписи в честь Кюль-тегина, Бильгекагана и Тоньюкука, определяет их в жанровом отношении как историко-героические поэмы и высказывает мысль о связях их с героическим эпосом тюркских народов. «...Эти сочинения созданы в русле единой литературной поэтической традиции под влиянием или в связи с традицией дружинного эпоса, складывавшегося в окружении вождя-полководца»⁸.

Вопрос о связях енисейской письменности с героическим эпосом хакасов должен решаться на основе конкретного исследования той исторической почвы, на которой сложились хакасские *алыптыг ныхахи* и на основе идейно-художественного анализа образцов этого жанра.

II

Проблема периодизации героического эпоса предков хакасов разрабатывалась коллективом исследователей, в том числе автором данной статьи. Героический эпос, несомненно, не является «зеркальным» отражением той или иной эпохи, ее особенностей и реалий. Претерпевая исторически изменения, включая различные напластования, в том числе и элементы фантастики и гиперболы, он все же сохраняет важнейшие черты определенной исторической эпохи.

Хакасско-Минусинская котловина была обитаема еще в эпоху палеолита. В древнейшие времена ее население представляло собой конгломерат тюркских, самодийских, угорских и кетских племен, смешавшихся со временем с племенами европеоидными. Именно здесь сложилось наиболее мощное тюркоязычное ядро и было установлено существование первобытнообщинного строя.

Так называемая афанасьевская эпоха датируется началом III и первой половиной II тысячелетия до н. э. Она отмечена переходом от камня к металлу, к выделке бронзы. В афанасьевское время поддерживается родовой уклад жизни.

В андроновскую и карасукскую эпохи (со II тысячелетия до VII в. до н. э.) большое значение приобретает, наряду со скотоводством, земледелие, совершенствуется металлургия, развивается медеплавильное дело.

С последующего тагаро-таштыкского периода (с VII в. до н. э. — V в. н. э.) продолжается разложение первобытнообщинного строя. Эту эпоху характеризуют железный плуг и топор, хождение золота и серебра,

⁵ В. М. Жирмунский. Орхонские надписи — стихи или проза? — «Народы Азии и Африки», 1968, № 2, стр. 82.

⁶ Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, стр. 251.

⁷ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 43.

⁸ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965, стр. 61.

значительный прогресс в экономике родов и племен, обитавших в бассейне среднего Енисея.

В тагаро-таштыкскую эпоху происходит сосредоточение частной собственности в руках глав родов, являвшихся не только патриархами-старейшинами, но также военачальниками и судьями.

Союз древнехакасских (гянь-гуньских) племен в первые века н. э. уже представлял собой племенное объединение, хотя и не являлся еще государством.

В эту эпоху происходило разложение первобытнообщинного строя и становление классового общества. Разложению рода содействовало также дальнейшее развитие патриархальной семьи⁹.

III

Исследование текстов хакасских героических сказаний позволяет сделать вывод о том, что именно тагаро-таштыкская эпоха — время возникновения первых образцов *алыптыг ныхахов*, или *богатырских поэм* (по терминологии Н. Ф. Катанова). Тематика и характер изображаемых героев свидетельствуют о создании предками хакасов догосударственного героического эпоса.

Образ *алыпа*, основного героя, приобретает героические черты. Алып совершает подвиги, выступая иногда как богатырь-одиночка, живущий вне человеческого коллектива¹⁰. В отдельных богатырских поэмах герою придаются черты хана-охотника, справедливо делящего добычу среди своих подданных¹¹, что соответствует представлениям первобытнообщинного строя. Герой может называться алыпом или ханом, быть сыном хана, но он глава народных масс и владелец многочисленных стад скота. Его образ гиперболизирован, он часто вступает в поединок с фантастическими чудовищами или с женихом-соперником.

Большое место начинает занимать сюжет героического сватовства, сопряженного с большими трудностями поисков будущей жены, обязательно принадлежащей чужому роду, что является отражением утверждавшейся формы экзогамного брака. У тагаро-таштыкских племен семья противостоит роду, и это также находит отражение в эпосе.

Герой догосударственного эпоса часто действует в фантастических условиях. Он опускается в подземный мир или взлетает на волшебном коне в поднебесье, либо совершает необыкновенные подвиги на земле. В средневековом же эпосе герой-алып живет и действует в основном в обычной реальной обстановке.

Древнейший слой хакасского героического эпоса характеризуется рядом признаков. К ним относится, например, воспевание подвигов женщин-воительниц (*Алып хыс*)¹². Характеризуя тагарскую эпоху, С. В. Ки-

⁹ Отдельные вопросы истории хакасов нашли достаточно полное освещение в следующих работах: С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. Л., 1933; *его же*. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1946; *его же*. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1954; Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинский котловины. М., 1960; В. И. Федоров. Из истории развития орошения в Хакасии. — «Записки ХакНИИЯЛИ», вып. III. Абакан, 1954.

¹⁰ W. W. Radloff. Proben der Volksliteratur türkischer Stämme, Bd II. SPb., 1866. образец VI — «Қан Төрөс».

¹¹ W. W. Radloff. Proben..., образец III — «Қан Мирген», а также образец XVI — «Қан Мирген и Ай Мирген».

¹² «Түлгү хызыл алып хыс». — В сб.: «Алыптыг ныхахтар». Абакан, 1951, стр. 101—158; «Алтын Арығ». Абакан, 1949; «Алтын Сабах». — Рукописные фонды ХакНИИЯЛИ. № 175.

селев отмечает: «Выделяется также значительное количество погребенных воинов. Следует отметить, что вооруженными оказываются не только воины-мужчины, но и положенные с ними женщины»¹³. Для древних образцов эпоса, в отличие от средневековых, характерно изображение женщин-героинь.

Образ женщины-воина восходит к эпохе матриархата. Роль женщины-матери, мудрой наставницы, руководящей всеми действиями героя, отмечает В. Е. Майногашева, рассматривая это явление как отголосок былого господства представительниц матриархальных родов, характерного для эпохи меди и бронзы. Об этом же говорит и наличие в богатых поэмах бытовых реалий, в частности, медного оружия¹⁴.

Для тагаро-таштыкского времени характерны также мотивы борьбы между патриархальными и матриархальными тенденциями. Женщина-богатырь, выйдя замуж, удаляется от ратных дел и занимает обычное место у домашнего очага.

Древнейшие героические поэмы тагаро-таштыкской эпохи — обычно стихотворные произведения, характеризующиеся композиционной стройностью и четкой сюжетной линией, — отличаются яркой обрисовкой образов и поэтическим языком.

IV

Приведенная выше краткая характеристика хакасского догосударственного эпоса призвана способствовать более полному раскрытию особенностей средневековых *алыптыг ныхмахов* и, в частности, жанра, названного нами «семейными хрониками».

Развитие феодализма у предков хакасов освещено в ряде исторических работ. К первым из них относятся исследования известного историка XIX в. Иакинфа Бичурина, изучавшего китайские летописи. По сведениям этих источников, «хагасы сеют просо, ячмень, пшеницу». Там же отмечаются и их успехи в скотоводстве¹⁵, что подтверждается также материалами археологических раскопок.

Добыча и обработка железа достигает в V—XII вв. исключительно высокого по тем временам уровня. Железо используется для изготовления сельскохозяйственных орудий и вооружения.

Л. Р. Кызласов отмечает, что в VI в. «социальная дифференциация была очень резко выражена». Местное население несло определенные трудовые повинности: поставляло коней и вооружение для дружинников хана, бега или других более мелких феодалов, выполняло работы по созданию поливных сооружений и прокладке дорог.

В Древнехакасском государстве существовала и регулярная армия, «Основой армии была также вооруженная конница. Закованные в панцири и латы, одетые в шлемы, конные воины были вооружены длинными копьями, тяжелыми мечами или саблями, щитами, луками и стрелами»¹⁶.

¹³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 227.

¹⁴ В. Е. Майногашева. Глава «Древнейшие *алыптыг ныхмахи* и герон». — В кн.: М. А. Унгвицкая. В. Е. Майногашева. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972, стр. 80, 91.

¹⁵ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. СПб., 1851, стр. 444.

¹⁶ Л. Р. Кызласов. История Тувы..., стр. 122.

Это воинственное государство, с успехом отражавшее удары многочисленных врагов, раздирали жестокие классовые противоречия.

Хотя в Древнехакасском государстве деление на роды и сохраняется, однако моногамная семья все больше противопоставляется роду. Тем не менее феодальные отношения еще скрыты под оболочкой патриархальности, а в народном сознании еще живет представление о единстве интересов членов рода, в действительности давно уже утраченном.

В начале XIII в. государство Хягас пало под ударами войск чингизидов.

V

Многие особенности общественного устройства Древнехакасского государства нашли своеобразное отражение как в енисейской рунической письменности, так и в хакасских героических сказаниях раннего средневековья.

В средневековых *алыптыг ныхахах* отразились художественное развитие и рост самосознания широких народных масс в условиях зарождающейся государственности, классового неравенства, возникновения и усиления ханской и шаманистской идеологий. Средневековый хакасский эпос отобразил подлинно народные чаяния, прогрессивные по тому времени идеи, глубину народной мудрости. Однако наряду с прогрессивным началом в эпосе нашли отражение и бытовавшие в народе предрассудки.

Средневековые *алыптыг ныхахи* подразделяются нами на четыре основных тематических цикла: *чаалыг ныхахтар* (воинские поэмы), героические сказания о содружестве богатырей различных племен и родов, антиханские *алыптыг ныхахи* и, наконец, героические сказания, названные нами «семейными хрониками».

Сведение героических поэм к четырем тематическим циклам не исчерпывает всего богатства содержащихся в них тем и мотивов, вместе с тем в сказаниях, отнесенных нами к разным тематическим циклам, имеется и немало общего. Так, например, почти через все сказания проходят темы борьбы с иноплеменной агрессией, осуждения войн вообще, борьбы против «злых» божеств, а иногда и против «добрых», укрепления семейных устоев. Поэтому классификация *алыптыг ныхахов* по циклам производилась в зависимости от содержащегося в них основного конфликта или проблемы, выдвигаемой в том или ином героическом сказании¹⁷.

Героические сказания, объединенные в цикл «семейные хроники», посвящены изображению семейного быта: отношений между родителями и детьми, воспитания подрастающего поколения богатырей. Они проникнуты идеей укрепления семьи, что характерно для периода становления ранних форм государственности. Этот процесс отмечается Ф. Энгельсом: «...отцовское право с наследованием имущества детьми... благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду...»¹⁸

Постоянным мотивом героических сказаний — «семейных хроник» является мотив бездетности, причиняющей огромное горе хану и его супруге. Горячее желание иметь сына-наследника связано с утверждением основ семьи как ячейки общества.

¹⁷ См.: М. А. Унгуицкая. Хакасское народное поэтическое творчество. Автореф. докт. дисс. Абакан, 1965, стр. 14.

¹⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21. М., 1961, стр. 108.

В сказании «Алтын Чўс» говорится:

*Ай алтын алты алыстыра хончададырлар,
Чир ўстўн чити чылыстыра чуртапчадырлар,
Паарларынан, сыххан палалары чоғыл,
Їстілерінен, сыххан иркелері чоғыл,
Пала ўчўн маххласчадырлар,
Ирке ўчўн икклесчедірлер*¹⁹

‘Под месяцем шесть лет жили,
На земле семь лет жили,
Не имели детей, вышедших из печени,
Из нутра вышедших нежных не имели,
Из-за ребенка печалились,
Из-за ребенка нежного мучились’.

В хакасских *алыптыг нымахах* изображение семейных отношений сочетает в себе реализм с поэтичностью. Герои сказаний, богатыри и их жены, с горячей любовью относятся к своим детям и семье. Ребенка называют не иначе как *ирке*, то есть «нежный». Родители заботливо пекут своих детей, радуются их успехам. В сказаниях неизменно утверждается супружеская верность. Жена хана или богатыря-дружинника — это всегда верная, красивая, нежная и добрая женщина, заботливая мать, отзывчивая и сострадательная к чужому горю.

В енисейских памятниках утверждается три основных начала, определяющих психологию героя-воина, бега, тархана или тутука — лирического героя эпитафий-гимнов: мое государство (*әлім*), мой народ (*будуңым*), моя семья — мои принцессы (*кунчујум*), мои сыновья (*оғланым*). Речи героя эпитафий, говорящего о своей семье, присуща лирическая взволнованность. И так же, как и в *алыптыг нымахах*, — в семейных хрониках отношения властей и подчиненных идеализируются. Дружинники бега именуются в эпитафиях «моими героическими товарищами» (*әр кадашым*), хан-феодал в них — всегда «мой хан» (*ханым*).

Изображение государственного и общественного устройства традиционное. В середине *чурта* (*аала, аймаха, улуса*) высится юрта хана, белая, богато (*най иб*) украшенная (*ах хоосталып иб*). Хан — владелец многочисленных стад. Обычными являются выражения: «скот, не знающий числа», «скота много, как черных волос на голове». Ханы подразделяются на «своих», добрых ханов и «чужих», злых — врагов-иноплемеников. Народ подчинен хану и называется *албаты чон* «народ-даник». Героический эпос проникнут верой в единство интересов народа и доброго, справедливого хана-феодала. Идеализированный образ хана и эпических сказаниях объективно выражает восходящее к первобытно-общинному строю патриархальное представление народных масс о «справедливых» ханах. Хан (обычно отец главного героя-алыпа) никогда не выступает в роли захватчика чужих земель, это «глава народа», его военачальник, «хан-пиг», защищающий свой народ от нашествий и набегов чужеземцев.

Енисейские эпитафии не содержат подробного изображения хана — главы народа, он только называется. Главным героем эпитафий является подчиненный хану вассал — бег, тархан, тутук. Характеристика его напоминает образ эпического хана. Он также владеет скотом, «не знающим числа», «тысячею восьминогого рогатого скота», «тысячею коней», иногда копиями: «В государстве мои копи (шахты), мои драгоценные попоны, четыре тысячи моих лошадей»²⁰.

¹⁹ «Алтын Чўс». Абакан, 1957, стр. 3—4.

²⁰ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 83.

Подобно алыпугу бег, тархан, тутук енисейских эпитафий — доблестный воин, предстающий в героическом ореоле, образ его также гиперболлизирован. В памятнике с Элегеша читаем: «Так как я имел силу только ста моих героических товарищей и так как я сражался со ста мужественными героями, я отделился от вас»²¹.

Сопоставление героического эпоса с енисейскими руническими гимнами-эпитафиями указывает на синхронное создание средневековых *алыптыг ныхахов* — «семейных хроник» и первых образцов письменности. Необходимо, однако, отметить, что общность тем и сходство художественных приемов, отображение реальной действительности в фольклоре и ранних формах литературных произведений не идентично.

Различия, указанные выше, прослеживаются прежде всего и в особенностях изображения характеров и обстоятельств, определяемых самими жанрами *алыптыг ныхахов* и эпитафий-гимнов.

В героических сказаниях — «семейных хрониках» рисуется широкая панорама жизни, включая обитателей белого дворца (*ах брге иб*) и пастухов-скотоводов. Особенно полно описывается жизнь алыпов — странствующих воинов, защищающих свой чурт и постоянно сражающихся с иноплеменными ханами и их войсками или (значительно реже) — с мифологическими чудовищами. Алыпы принимают участие в состязаниях женихов (*мбрий*), в свадебных пирах (*той*).

Об общественной жизни Древнехакасского государства можно судить лишь по бытовым реалиям, содержащимся в надгробных енисейских надписях, тем не менее государственное устройство характеризуется в них достаточно точно и полно. О верховном правителе, главе государства Хягас (кагане, ажо) упоминается почти в каждой эпитафии. Тексты надгробных стел сообщают о бёгах (в современной терминологии — министрах), тутуках, тарханах — крупных феодалах, подчиненных верховному кагану (в эпитафиях — хану). Им, в свою очередь, подчинялись дружинники — в надписях *хадаш(ым)*, *алп(алып)*, *эр*²². Таким образом эпитафии дают достаточно полное представление об иерархической лестнице феодального государства, на самой нижней ступеньке которой находится черный народ (*кара будун*) или просто народ (*будун*), упоминаемый почти в каждом тексте.

В *алыптыг ныхахах* отсутствует такое точное воспроизведение структуры Древнехакасского государства. Здесь большое внимание уделяется эпическому изображению образа отца положительного героя — хана, повелителя подданных и владельца многочисленных стад скота.

Сравнение главного положительного героя *алыптыг ныхахов* с героями рунических эпитафий позволяет четко установить основные различия между ними.

Герой *алыптыг ныхахов* — «семейных хроник» — обычно ханский сын, хотя он и редко носит титул отца. Ему присваиваются очень поэтичные имена: *Мирген* 'меткий стрелок', *Мёке* 'силач', *Алтын Чүс* 'золотой лик'²³, *Ай мирген* 'месяц-стрелок'²⁴, *Ах Молат* 'белая сталь', *Кёк Молат* 'синяя сталь'²⁵. Встречаются в отдельных сказаниях и образы второстепенных героев, женщин-богатырей, называемых *Алып-хан-хыс*. В эпитафиях упоминания о женщинах-воинах отсутствуют.

²¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 80.

²² Л. Р. Кызласов. История Тувы., стр. 122.

²³ «Алтын Чүс». Абакан, 1958.

²⁴ W. W. Radloff. Proben., образец XIV.

²⁵ «Ай ой аттыг Алып хан». — В сб.: «Алыптыг ныхахтар», стр. 159—234.

Герой эпитафий более аристократичен, нежели алып героического эпоса. Это идеализированный бег, тархан, тутук, рыцарь и патриот, человек просвещенный и образованный²⁶.

В эпосе положительный герой ближе к народу, демократичнее. Он без всякого самовосхваления совершает многочисленные героические подвиги. Алып — защитник вдов, сирот, пострадавших от войн, «за народных (своих) заступается, чужих жалеет». Его цель:

*Окіс олғанны ир өскірерге,
Окіс хулунны ат өскірерге*

‘Вырастить ребенка мужчиной,
Вырастить жеребенка конем’.

В героических сказаниях утверждается гуманность алыпов. Сохраняя некоторые черты, характерные еще для первобытнообщинного строя (справедливый раздел охотничьей добычи, владение искусством магии), образ алыпа тем не менее не проецируется в прошлое. Он вполне современен, воплощая черты народного заступника, патриота-воина эпохи Древнехакасского государства. Его характер многогранен, он наделен не только общими типическими, но и индивидуальными чертами.

Енисейские эпитафии представляют собой образцы программно-дидактической поэзии: они призывают к воспитанию гражданина, патриота, воина.

В *алыптыг нымахах* — «семейных хрониках» вопросы воспитания решаются иначе. Образы молодых людей рисуются многосторонне. Прослеживается процесс формирования их характеров, они наделяются как положительными, так и отрицательными качествами. Они нередко грубы, упрямы, непослушны. Воспитывать их не так-то просто. Основными методами воспитания являются пример старших в роде и суровая школа, которую они проходят в сражениях и походах²⁷. Эту «систему воспитания» дополняют мудрые поучения старших по возрасту богатырей, а в необходимых случаях и плетка.

В эпитафиях народ (*будуң*) только называется. Сочувственное же отношение к нему основного героя проявляется в эпитетах, с которыми он обращается к народу: «мой народ», «серебряный мой народ».

В *алыптыг нымахах* выступает эпически величавый образ народа. В сказании «Албынжы» говорится о бедствиях войны, которые стойко переносит народ:

*Изебі чох улуг чурт амды
Унал турадыр пу чирде,
Аргал аймах көп чоңы
Улуг сыытха түзіпчедедір.*

*Хадарган малы халай-чөрібіскен,
Халых албат чоңы килей-парыбысхан,
Очых тазы ойдарыл халды,
Ойба күйлі тоолап халды*²⁸

‘Со многими жилищами большое стойбище теперь
Разрушено на этой земле,

²⁶ См.: М. А. Унгвицкая. Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 67.

²⁷ См.: М. А. Унгвицкая. Указ. автореф., стр. 16.

²⁸ «Алыптыг нымахтар», стр. 32.

Из всех улусов народ,
Пронзительно крича, выходил.

Пасущийся скот оставив,
Весь народ-данник отправился,
Таганы перевернутыми остались.
Пепел-зола рассыпанными остались²⁹.

В более древних сказаниях, относящихся к эпохе разложения первобытнообщинного строя, в образе героя предстает и народ, в эпосе же феодального периода наряду с положительным героем-алыпом выступает и мастерски нарисованный образ народа — многоликой и многоголосой массы. Народ мы видим в роли судьи на конских скачках или на соревнованиях в стрельбе из лука. Через народное восприятие выносятся суждение о добрых или злых ханах. Показателем еще более высокой ступени развития героического эпоса является эпическое изображение жизни и быта народных масс. Яркости изображения способствует применение метонимических оборотов.

*Халых аймах хайынызыбысхан,
Харачылыг иб көрминибіскен.
Түбөн чахсы тірілізібіскен,
Түйүктіг иб көрминибіскен.*

‘Весь улус хлопочет,
Юрт не видно,
Бесчисленные толпы собрались,
Юрт с дымоходами не видно’.

Выразительны повторы *ойба-күлі* ‘пепел-зола’, *сыхтап-орлазыбысхан* ‘народ заплакал-зарыдал’.

В изображении народа достигается все большая реалистичность. Внесение в повествование реалий быта и среды — описаний утвари, посуды, пищи, одежды, встречи гостей, пиршества — создает красочную картину жизненного уклада народных масс.

В *алыптыг нымах*х — «семейных хрониках» мотив недовольства народа своим ханом встречается редко. Обычной коллизией является борьба народа под предводительством героя-алыпа против иноплеменных захватчиков.

Для *алыптыг нымахов* характерны ярко выраженные элементы фантастики, мифологические образы, отсутствующие в надгробных эпитафиях.

Особое место среди образов врагов отводится мифологическим чудовищам — *хуу-хат*, *айна, чельбиген*, *эрлик (ирлик) хан*. Усиление стихийно-материалистических элементов в мировоззрении народных масс отразилось на методе изображения враждебных сил, выступающих уже не в образе грозных и могущественных чудовищ, а подчиненных ханам-захватчикам слуг и волшебников. В других случаях вместо прежних грозных злых духов выступают хитрые, коварные люди вражеских ханов. Образы чудовищ упрощаются, снижаются, нередко представляются в комическом свете. Сатирические и юмористические элементы часто используются для развенчания божеств²⁹.

Несмотря на четкое различие между енисейскими письменными памятниками и героическими сказаниями — «семейными хрониками», их объединяет идейно-тематическая близость. Это позволяет считать енисейские эпитафии и рассматриваемый нами жанр героического эпоса

²⁹ См.: М. А. Унгуицкая. Указ. автореф., стр. 19.

художественными произведениями Древнехакасского средневекового государства.

Много общего можно обнаружить и при сравнении стихов *алыптыг нымахов* и енисейских эпитафий.

Структура эпоса с точки зрения строфики носит свободный характер. По сути дела здесь строфа, как таковая, отсутствует. Стихотворные строки объединяются в «строфу» по смыслу и формальным признакам: по две, по три, по пяти и более строк; рифма не носит обязательного характера. В пределах одной и той же «строфы» рифма то появляется, то исчезает. Вот, например, начало героического эпоса «Албын-жы»:

*Чирі пасти пүдөрде полды,
Чизі пасти тазарда полды,
Ағын суғлар ағып чададыр,
Ағас тазы хада өзип,
Хастағ пастығ час тайға
Анда мондылып чададыр³⁰*

‘Когда земля начала создаваться,
Когда медь начала отвердевать,
Быстрые воды потекли,
Верхушки деревьев срастались вместе,
Густовершинная девственная тайга
Там медленно покачивалась’.

Здесь строфа состоит из шести стихов, объединенных сквозной мыслью. Первые две строки рифмуются между собой омонимической рифмой (*полды — полды*), третья и шестая строки — богатой глагольной рифмой (*алғып чададыр — мондылып чададыр*), а четвертая и пятая вообще не рифмуются. В следующей строфе, состоящей из пяти стихов, снова появляется рифма, созвучная рифме последней строки предшествующей строфы:

*Чир пөзігі Кирім сын
Өзіп парыбысхан тур чададыр.
Кирім сынның алтынаң
Хан Харасуғ харлап
Анда ах чададыр³¹*

‘На поверхности земли Кирим —
Горный хребет,
Под Кирим-хребтом
Хан Харасуг, бурля,
Там протекал’.

Глагольная рифма (*тур чададыр — ах чададыр*) формально связывает первую и вторую строфы. Эта рифма повторится через четырнадцать, а затем через восемнадцать строк. Такую достаточно прихотливо повторяющуюся рифму можно было бы назвать «блуждающей». Скорее всего, хакасские *алыптыг нымахы* — «семейные хроники» по своей форме занимают промежуточное положение между стихами и прозой.

Как показывают приведенные примеры, аллитерация и ассонанс (типичные для многих *алыптыг нымахов*), в героическом эпосе выдерживаются не строго. Свободный характер строфики, рифмовки и аллитерации, очевидно, закономерен для героического эпоса. Свободный полет фантазии народного сказителя, образное раскрытие человеческих ха-

³⁰ «Алыптыг нымахтар», стр. 13.

³¹ Там же.

ракторов, дух вдохновенной импровизации призваны увлечь слушателей. Это требовало определенной свободы и раскованности стиха.

Стих хакасских героических сказаний отличается звучностью, эфоническим богатством. Рифма, хотя и не выдерживаемая регулярно, играет, однако, большую роль в организации стиха:

*Ах чазының артызында,
Ах тасхылың алтында,
Ах талайның хазында
Арғалығ сынның алтында*³².

‘Среди белой степи,
У подножия белого тасхыла,
На берегу белого моря,
У подошвы крутогорного тасхыла...’

Стихотворные строки нередко снабжаются начальной, внутренней и конечной рифмами. Это явление известно под названием глубокой рифмы. В последнем примере зарифмованы все или почти все слова трех стихов.

В структуре стиха героических сказаний используется прием параллелизма, преимущественно синтаксического:

*Ах чаза толдыра малығ полтыр,
Ах ибге толдыра истіг полтыр*³³

‘Белая степь наполнена скотом была,
Белая юрта полна имущества была’.

Синтаксический параллелизм, подчеркивая ритмику стиха, способствует организации строфы. Наряду с рифмой в героических сказаниях используются рифмиды типа *џстџнде — алтында, килчелер — ағылчалар, тимнееннер — сайааннар, парғаннар — чӧргеннер*.

Исследование стихотворных текстов енисейских памятников весьма затруднено в связи с плохой сохранностью древних «каменных книг». В ряде случаев о характере рунического стиха приходится судить по наиболее полно сохранившимся образцам и воссоздавать по ним его общие закономерности.

Мы не имеем четких представлений о границах строфы рунического стиха, часто перемежающегося с прозаическими строками:

*Алтын бағ будуңым кџлчџгін џчџн аркак џлім таныш бунта тӑкті*³⁴.

‘Под силу народу моему из шести багов он поставил здесь камень’.

Во многих памятниках встречается дистих:

*Алім каным сізӑ бӧкмӑдім
Кџн ај азыдым џыта*³⁵

‘Мое государство, мой хан, я вами не наслаждался,
От солнца и луны я отделился, увы!’.

Наиболее распространены трехстишия:

³² «Хан-Мирген». Абакан, 1969, стр. 212.

³³ «Алыптығ нымахтар», стр. 101.

³⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 98.

³⁵ Там же, стр. 80.

*Төрт адаклыг жылкым,
Сәкіз адаклыг барыным,
Буңым жок әрдім³⁶*

‘У меня был четвероногий скот,
У меня был восьминогий скот,
И я жил без печали’.

Однако встречаются и четырехстишия:

*Төр-апа ічрәкі бән бәл
Ағирли амда алынмышым,
Кунчујыма буца адырылтым,
Сізімә күн ај азыдым³⁷*

‘Я, Тер-апа ичраки (административный чин),
В пятнадцать лет я был взят на воспитание к китайцам,
От принцесс я в горе отделился,
Я не стал ощущать солнце и луну’.

Из рассмотренных примеров следует, что начальная аллитерация еще не говорит о наличии стиха, конечная же рифма почти всегда организуется стих. В приведенных выше строфах имеется конечная рифма (*бөкмәдім — азыдым, жылкым — барыным — әрдім, алынмышым — адырылтым — азыдым*).

Начальная рифма встречается редко и обычно носит тавтологический характер:

*Каным (а) әлімә сізімә жыта бөкмәд(ім)
Каным (а) әлім(ә) жыта адырылтым³⁸.*

В этом же дистихе обращает на себя внимание наличие довольно распространенной внутренней рифмы: *әлімә — сізімә*.

Лирический стих эпитафий эвфонически богат (см. трехстишие в начале страницы).

Характеризуя стих енисейских эпитафий, можно заключить, что ему присуща (по нашему определению) «блуждающая» рифма. Чаще всего это омонимическая рифма *адырылдым (адырылтым)* ‘я отделился’, чередующаяся с *бөкмәдім* ‘я не наслаждался’, *азыдым* ‘я отделился’. В памятнике с Элегеша этот вид рифмы встречается в первой, второй, третьей и четвертой строфах (*адырылтым*), а в памятнике с Бегре — в первой, второй, четвертой и шестой строфах.

В енисейских эпитафиях довольно часто встречается прием синтаксического параллелизма, являющийся одним из средств оформления стихов в строфу.

Структура стиха енисейских рунических памятников почти по всем признакам аналогична структуре стиха *алыптыг нымахов*, а это нельзя считать случайным. И те и другие памятники представляют собой образцы высокохудожественной устной эпической и ранней литературной лирической поэзии.

³⁶ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 26.

³⁷ Там же, стр. 19.

³⁸ Там же, стр. 26.

Формы стиха героических сказаний оказались, по-видимому, наиболее доступными творчеству безымянных создателей памятников енисейской письменности.

Различия в формах стиха средневекового героического эпоса и эпиграфической лирики объясняются специфическими жанровыми особенностями этих родов поэзии, а также особенностями отображения жизни в фольклоре и древней рунической поэзии.

АНТРОПОНИМИКА

М. Н. ГУБОГЛО

ГАГАУЗСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ КАК ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Неоднородный антропонимический материал гагаузов позволяет проследить этнокультурные параллели с рядом современных соседних народов — болгарами, русскими, молдаванами, румынами, греками. Однако особый интерес представляют те гагаузские имена, фамилии и прозвища, в которых обнаруживаются прямые или косвенные аналогии с антропонимическими традициями некоторых кочевых народов средневековья. К последним, в частности, относятся тюркоязычные узы, печенеги и половцы (куманы). В течение X—XIV веков эти кочевые народы в несколько этапов переселились из южнорусских степей на Балканский полуостров, сыграв в местных этногенетических процессах значительную роль. Однако, сменив кочевую жизнь на оседлую и приняв христианство, они постепенно этнически растворились среди местного населения. Долгое время они не попадали в поле зрения исследователей и только в последние годы возросший интерес к этнической принадлежности гагаузов и расширившиеся в связи с этим поиски показали, что отдельные элементы материальной и духовной культуры гагаузов ведут свое происхождение от кочевого быта тюркоязычных кочевников¹. Особенно ярко это обнаруживается в некоторых терминологических системах современной лексики гагаузов, что указывает, например, на то, что разведение овец, лошадей и крупного рогатого скота было, по-видимому, исконным занятием предков гагаузов².

Гагаузская антропонимия — основной предмет данной статьи — представляет собой еще одну весьма важную лексическую систему, заслуживающую серьезного изучения прежде всего в плане выяснения этнической принадлежности гагаузского народа. Антропонимия гагаузов, как показывают специальные наблюдения, уходит своими корнями в кочевой образ жизни, весьма сходный с тем, который вели узы, печенеги и половцы в период своего пребывания в степях Восточной Европы и позднее — на Балканах.

Сохраняя в себе следы длительной и сложной этнической истории народа и истории его языка, современная гагаузская антропонимия отличается тем, что в ней наряду с официальными именами и фамилиями имеют широкое хождение неофициальные имена, а также индивидуаль-

¹ См.: М. Н. Губогло. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов. — В кн.: «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии». Кишинев, 1968, стр. 51—60.

² См.: М. Н. Губогло. Гагаузская терминология по скотоводству. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 217—236.

ные, семейные и родственно-групповые прозвища, функционирующие самостоятельно или параллельно с официальными именами и фамилиями.

На рубеже XIX и XX веков каждому при крещении давалось имя, взятое из православного календаря — почти единственного в то время источника выбора гагаузских имен. Эти имена либо были фонетически близки к русским, либо приобретали местный колорит в соответствии с нормами гагаузского языка. Например, произношение таких мужских имен, как *Александр, Андрей, Антон, Владимир, Кирилл, Константин, Михаил* и других, а также женских — *Анна, Варвара, Мария* и т. д. почти не отличалось от русского. Встречались и имена старославянского происхождения (*Богдан, Раду*). Однако проследить путь их заимствования гагаузами пока не представляется возможным. Очевидно, здесь нужны специальные исследования, поскольку эти имена известны с дохристианских времен как у молдаван³, так и у румын⁴.

В другую группу современных славянских имен вносились изменения, придававшие каждому имени своеобразный «гагаузский» колорит: *Алексей — Алекси, Георгий — Йорги, Федор — Феди (Тоди), Иван — Юван, Александр — Санди, Варвара — Вари, Елена — Ильяна, Мария — Мани, Федора — Тудора* и т. д.

Имя, данное при крещении, записывалось в официальный документ, но не всегда становилось обязательным именем гагауза в его повседневной жизни. Нередко человек получал известность именно под «неофициальным именем» как в своем селе, так и за его пределами.

Формирование неофициальных имен происходило двояко. В одном случае такие имена представляли собой производные или уменьшительные варианты юридических имен, например, *Николая* звали *Коли, Кольчу, Никулай*; *Владимира* — *Олоди*; *Михаила* — *Миял, Миялаки, Миялка, Миялчу, Милан, Миялджик*; *Федора* — *Тоди, Тодиш, Тодур, Тодурчу*; *Ивана* — *Вани, Ваника, Юван, Юваньчу, Яни, Яниш, Яньчу*; в другом (по наблюдениям В. А. Мошкова, более распространенном) — между официальными и неофициальными именами ничего общего не было⁵, например, *Николая* называли *Петри* или *Коста*. Однако чаще всего гагауз получал неофициальное имя, не связанное ни с его юридическим именем, ни с каким-либо другим из православного календаря.

Среди гагаузских неофициальных имен конца XIX и начала XX века встречались имена, не похожие на традиционные христианские, например: *Вацак, Демер, Желес, Каряк, Кыни, Ламбуш* и др. В части подобных имен обнаруживались параллели с бытующими у болгар именами дохристианского периода: *Бойку, Диму, Добре, Мирчу, Стуян*. Другая же часть не имела аналогий с антропонимией ни одного из современных соседних народов. И, очевидно, В. А. Мошков был прав, выдвинув предположение, что происхождение некоторых гагаузских имен связано с языческим прошлым. Однако не удалось найти связующего звена между современными гагаузами и средневековыми кочевыми тюрками. В настоящее время, после опубликования многочисленных турецких документов, относящихся к XV—XVII вв., можно воспользоваться некоторым дополнительным материалом по антропонимии оседлых тюрков, живших в XV—XVI вв. в тех районах, откуда позднее, в XVIII и XIX вв., гагаузы переселились в Бессарабию.

³ М. А. Косничану. Источники пополнения молдавской антропонимии. — В сб.: «Антропонимика». М., 1970, стр. 71.

⁴ Șt. Pașca. Nume de persoane și nume de animale în Țara Oltului. București, 1936, стр. 36.

⁵ В. А. Мошков. Гагаузы Бендерского уезда. — «Этнографическое обозрение», 1901, № 2, стр. 3—5.

В литературе уже высказывалось мнение, что турецкий путешественник Эвлия Челеби одним из первых сообщил сведения о физическом облике, нравах и обычаях тюркоязычных племен северо-восточной Болгарии — предков современных гагаузов⁶. Он называл их читаками. Изучение источников позволяет проследить параллели в элементах материальной и духовной культуры трех отдаленных друг от друга по времени групп народов: средневековых кочевых узов, печенегов и половцев, осевших в северной Болгарии, а также более поздних обитателей этой же части Балканского полуострова — читаков и современных гагаузов. Связь между звеньями этой этнической цепочки подтверждается частично и материалами антропониимии.

Благодаря работам Р. Стойкова стало известно, что у тюркоязычных народностей, живших на Балканском полуострове в XVI—XVII вв., наряду с официальными именами и фамилиями бытовали народные неофициальные имена и прозвища. В одном из турецких документов им были обнаружены следующие прозвища⁷: *Кашикчи*^ф 'ложечник'⁸, *Сиондек*^п 'нахал', *Дюгюнджи*^п 'участник свадьбы', *Караджа*^п 'черноватый; смуглый' (*караджи* 'клеветник' — с болгарского), *Абаджи*^ф 'суконщик', *Елджи* 'посол' (с турецкого), *Дегирменджи*^ф 'мельник', *Ороз* (*Хороз*)^п 'петух', *Орманджи*^ф 'лесник', *Гюндюз*^п 'день, дневной', *Кючюк*^п 'маленький', *Кюреджи* 'мастер, продавец весел', *Дерзи* (*Терзи*)^ф 'портной', *Уерибаши* 'глава цыганского табора; начальник корпуса янычар' (с турецкого), *Алагиоз* 'хулигатель, поноситель' (с турецкого), *Шашаджи* ('вероятно недоумевающий' (от гагаузского *шаш олмак* 'недоумевать'), *Сезджи*^п 'словоохотливый (сказитель)').

Приведенный в книге антропонимический материал показывает, что, за редким исключением, почти все упомянутые имена бытуют у гагаузов в виде фамилий или прозвищ, причем большинство из них имеют гагаузское происхождение, одно — болгарское, три — турецкое.

Обычай давать ребенку имя по названиям домашних бытовых предметов с добавлением различных ласкательных суффиксов восходит к традициям средневековых куман Балканского полуострова. Обычно после рождения ребенка куманы давали ему имя — название инструмента или орудия, которое первым попадалось на глаза матери: *Чокан* 'молоток', *Чубук* 'рукоятка', *Курман* 'постройка', *Налджик* 'подковка'⁹. Наряду с официальными именами куманы получали и различные прозвища, основу большинства которых составляли слова *Кун* и *Куман*¹⁰. Один из куманских убийц венгерского короля Ласло IV имел прозвище *Кеменче* 'скрипка'. В конце прошлого столетия В. А. Мошковым в гагаузских селах Бессарабии была записана гагаузская фамилия *Кеменьчеджик*¹¹, а также многочисленные прозвища, имеющие непосредственные аналогии с именами и прозвищами средневековых куман: *Копча*, *Сумака* и др.¹²

При рождении ребенка гагаузы обращали внимание на погоду, считая, что если ребенок родился в дождь, то его ждут в жизни неудачи, а

⁶ Кр. Баев. По въпроса за етногенезиса на гагаузите. — ИВАД, кн. IX. Варна, 1952, стр. 95.

⁷ Список составлен по работе: Р. Стойков. Селища и демографски облик на Северо-източна България и Южна Добруджа през втората половина на XVI в. — ИВАД, кн. XV. Варна, 1964, стр. 87—119.

⁸ ф — фамилия, п — прозвище.

⁹ I. Rasony. Tuna havzasında kumanlar. — «Türk tarih Kurumu. Belleten», 3, с., Анкара, 1939.

¹⁰ Там же, стр. 413.

¹¹ В. А. Мошков. Указ. раб., стр. 27.

¹² Там же, стр. 28.

если в хорошую погоду — то ему будет сопутствовать жизненный успех¹³. В византийских источниках сохранились упоминания о том, что родившегося в дождь ребенка куманы Балканского полуострова называли *Ямурта/Ямурда* 'родившийся в дождь' (куманское и гагаузское); ср. *Аяз* 'мороз' (то есть родившийся в мороз)¹⁴. Имена *Аяз*, *Каар* 'снег' давались варненскими тюрками (XVII в.)¹⁵ и бессарабскими гагаузами (конец XIX в.)¹⁶. Вероятно, у всех этих трех, как, впрочем, и у многих других народов, не принявших христианство, на различных этапах их истории имена собственные создавались средствами своего (тюркского) языка, отражая какие-либо внешние приметы ребенка, особенности его поведения, обстоятельства (место, время, погода) его рождения, а иногда и название первого попавшегося на глаза роженице предмета¹⁷.

У тюркских народностей конца XVI — начала XVII в. не было четкой границы между прозвищем и неофициальным именем или официальной фамилией. Например, в списках имен варненских овцеводов значится *Юсуф Кочак*¹⁸, первая часть которого явно арабского происхождения, а вторая восходит к куманским именам, известным по русским летописям. Вероятно, в те времена прозвища и фамилии сосуществовали. В тех же списках имен, датируемых 1573 годом, встречаются следующие тюркские прозвища: *Тилки* 'лиса', *Коча* 'баран', *Кучук* 'малый', *Дебак* 'табак', *Чобан* 'пастух', *Таиши* 'каменщик', *Чилингир* 'жестянщик', *Кюркчу* 'меховщик' (от слова *кюрк* 'гагаузская национальная одежда из овчины'), *Кылыджи* 'сабельщик', *Кылыч* 'сабля', *Иегимдур* 'дождик'¹⁹.

Все эти прозвища и фамилии сохранились по сей день у гагаузов Южной Молдавии и Одесской области УССР. Особенно часто встречающееся у варненских тюрков имя *Курт* 'волк' в сочетаниях *Курд Бали Бахандыр*, *Курт сын Махтуба*, *Курт сын Юсейна*, *Курд сын Йомера*, *Курд сын Дервиш Али*, *Курд Ходжа Хамза*²⁰ в настоящее время широко распространено в виде гагаузской фамилии — *Курти*. Р. Стойков, исходя из того, что в именнике болгарских ханов *Кубрат* был назван *Курт*²¹, считает все эти имена полуболгарскими по происхождению. Однако правильнее, на наш взгляд, генезис этого имени связывать с широко бытовавшим у тюркоязычных кочевников, особенно у куман, культом волка. На Балканы куманами были занесены и некоторые имена, заимствованные ими у славянских народов, живших в южнорусских степях. У первого болгарского царя Асеня, кумана по происхождению²², было прозвище *Белгоунь*²³. Другой видный куман — Лазарь, по сообщению византийского летописца Иоанна Киннама, носил простонародное прозвище *Сот*²⁴. В русских летописях встречаются оба прозвища. В византийских источниках часто упоминается печенежское личное имя *Караман*²⁵, ши-

¹³ См.: Полевые записи Молдавской этнографической экспедиции кафедры этнографии МГУ за 1964—1966 гг.

¹⁴ *J. Rasony*. Tuna havzasında kumanlar, стр. 413.

¹⁵ Р. Стойков. Указ. раб., стр. 105, 107, 113.

¹⁶ В. А. Мошков. Указ. раб., стр. 27—28.

¹⁷ Ср., например: Н. М. Терещенко. Личные имена у иганасанов. — В сб.: «Этнография имен». М., 1971, стр. 40—41.

¹⁸ Р. Стойков. Указ. раб., стр. 109.

¹⁹ Там же, стр. 110—112.

²⁰ Там же, стр. 109—112.

²¹ Там же, стр. 98.

²² В. Н. Златарски. Потекло на Петра и Асеня водачите на възстанието в 1185 г. — «Списание на БАН», № 45 (22), 1933, стр. 10; Ст. Младенов. Потекло и състав на среднебългарски Белгоунь, прекор на царя Асеня, стр. 49—50.

²³ К. Иречек. История Болгар. Одесса, 1878, стр. 289.

²⁴ В. Г. Василевский. Византия и печенеги, стр. 88—91.

²⁵ Там же.

роко распространенное и у куман. Эта фамилия часто встречается также у современных гагаузов Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР.

Таким образом, совпадение имен и прозвищ кочевых тюрков X—XIV вв. и варненских тюркоязычных овцеводов XV—XVI вв. с именами, прозвищами и фамилиями современных гагаузов позволяет предположить наличие этногенетической преемственности. Следовательно, для исследования происхождения гагаузского народа особо важное значение имеет проблема формирования различных слоев современной гагаузской антропонимии.

Известно, что в тех случаях, когда в гагаузских селах жили несколько человек с одним и тем же неофициальным именем, односельчане, чтобы различать их, прибавляли к имени каждого и неофициальное имя его отца. Так, например, в разговорной речи Георгий Дмитриевич именовался *Митринин Йоргиси*, Николай Петрович — *Петинин Колиси*. Таким образом возникли такие имена, как *Станчунун Митиси*, *Колинин Петиси*, *Илшиканын Годиси* и т. д. При этом неофициальное имя отца ставилось в родительном падеже: сын такого-то или дочь такого-то. Если же совпадали как неофициальные имена, так и отчества, то к ним прибавлялось еще неофициальное имя деда. Таким образом цепочка удлинялась: *Митри Йоргинин Колиси* означало Николай, сын Георгия, сына Дмитрия; *Никола Яньчунун Петиси* — Петр, сын Яньчу, сына Николая. Иногда для краткости родительный падеж опускался (*Демерин Костиси* — *Демер Кости*). В сложном неофициальном имени, где упоминались имена отца и деда, последнее вообще не передавалось родительным падежом. Трехступенчатые неофициальные имена использовались сравнительно редко. В некоторых случаях к мужским именам прибавлялось какое-нибудь женское имя — матери или бабушки, например: *Каля Тодурун Алексиси*, то есть Алексей, сын Федора, сына Калины²⁶ (*Калина* — женское имя). Добавление к неофициальному имени гагауза неофициального имени по материнской линии, по мнению В. А. Мошкова, объяснялось тем, что ребенок долгое время рос без отца и старшей в доме была женщина. Однако это объяснение, видимо, нельзя считать исчерпывающим и окончательным. Ибо гагаузская семья до самого последнего времени носила ярко выраженный патриархальный характер с почти неограниченной отцовской властью.

Неофициальные имена гагаузов пользовались у их соседей гораздо большей известностью, нежели фамилии, употреблявшиеся в основном в речевой практике. В фамилиях чаще, чем в неофициальных именах, обнаруживаются следы этнокультурных контактов гагаузов с различными народами. Вероятно, в этом сказалось сравнительно позднее происхождение и распространение гагаузских фамилий и более прочное, чем в неофициальном имени, закрепление в них заимствований.

По этническому «происхождению» гагаузские фамилии можно подразделить на несколько групп. Это в первую очередь исконно гагаузские фамилии: *Арабаджи*, *Абаджи*, *Бояджи*, *Боклукчу*, *Бузааджи*, *Бююк*, *Гайдаржи*, *Галаслы*, *Гаргалык*, *Гюмюш*, *Дели*, *Демир*, *Дильсиз*, *Дювенджи*, *Йокюзюж*, *Кавалджи*, *Карачобан*, *Колтуклу*, *Кочанджи*, *Кёр*, *Куру*, *Куруоглу*, *Курсурсуз*, *Хаджи* и т. д. Вторую группу составляют фамилии, сходные с русскими или болгарскими: *Греков*, *Гроздев*, *Димов*, *Драгумир*, *Зайку*, *Душка*, *Кабан*, *Край*, *Кулев*, *Никитин*, *Панов*, *Славен*, *Статов*, *Филев*, *Стамов* и др. К группе фамилий «греческого» происхождения относятся такие, как *Костанда*, *Костаки*, *Петраки*, *Потараки*, *Пуцаки*, *Тудураки*, *Ангели* и т. п., к молдавским и румынским фамилиям: *Вака-*

²⁶ В. А. Мошков. Указ. раб., стр. 4.

реску, Бурчуван, Думинара, Калица, Молдуван, Плачинта, Помоску, Радул и др.

Большое число фамилий напоминает украинские (*Галушка, Сумка, Мариновски*) и сербские (*Князевич, Петкович, Сырб, Сырбу, Уичевич*).

Интересно установить время возникновения и проследить формирование различных групп гагаузских фамилий. Ввиду разнородности всего антропонимического материала эта тема требует специального углубленного исследования.

Анализ этой проблемы особенно усложняется, если рассматривать ее в историческом аспекте. Перед непосредственным переселением в Бессарабию гагаузы проживали в северо-восточной Болгарии: в окрестностях городов Варна, Каварна, Балчик и Новопазаджик. Там они составляли две самостоятельные этнографические подгруппы: «болгарскую» и «хасыл» («настоящие», или «приморские», гагаузы). Различие между ними состояло в том, что «болгарские» гагаузы считали себя болгарами, заключали браки с болгарами, хотя их домашний быт, система родственных отношений, обычаи, фольклор и отличались от болгарских. У этой подгруппы гагаузов имена были также болгарского происхождения. Напротив, у «хасыл» были распространены греческие имена или же имена, этническое происхождение которых оставалось неизвестным. Имеющиеся в литературе материалы (В. А. Мошков, Ат. Манов, Л. Милетич, В. Маринов) и списки гагаузских фамилий, составленные участниками этнографических экспедиций МГУ (1964—1966 гг.) позволяют в какой-то мере проследить лишь пути образования фамилий гагаузов от их официальных и неофициальных имен, а также от широкораспространенных у сельских гагаузов прозвищ.

Как у многих других народов России, и у гагаузов тоже одним из главных источников образования фамилий служили календарные имена. Однако процесс образования фамилий развивался несколькими путями, основными из которых были «тюркский» и «славянский». В соответствии с законами гагаузского языка при образовании фамилий особенно часто употреблялось самостоятельное слово *огло* и аффиксы *-лы, -джи, -ю, -юк* и некоторые другие. Среди этих компонентов едва ли не самый «молодой» — *огло* «сын», который в конце XIX — начале XX в. дополнительно приписывался к уже имеющейся фамилии гагауза, призывавшегося на военную службу. Кстати, форма *оолу* больше соответствует правилам гагаузского языка.

Списки гагаузских фамилий в хозяйственных книгах некоторых гагаузских сел Комратского, Вулканештского и Чадыр-Лунгского районов Молдавской ССР показывают, что фамилии с окончанием *-оглу* (*Танасоглу, Бабоглу, Василиоглу* и др.) встречаются реже, нежели оканчивающиеся на *-огло* (*Димогло, Петкогло, Стефогло, Курогло, Железогло* и т. д.).

Образование фамилий с помощью окончания *-оглу* восходит к тому периоду, когда гагаузы жили на Балканах, в пределах Османской империи.

Основу гагаузских фамилий, образованных с помощью компонента *огло/у*, составляли обычные официальные имена (*Танасоглу* — сын Афанасия, *Колиоглу* — сын Николая и т. д.), причем происхождение последних особого значения, по-видимому, не имело: в составе фамилий встречаются имена как исконно гагаузские, дохристианские и календарные, так и имена, заимствованные у других, обычно соседних, народов [*Стефогло* — сын Стефана (от молдавского Штефан), *Петкогло* — сын Петра

(от болгарского Петко), *Димогло* — сын Диму (от болгарского Диму) и др.].

Помимо официальных имен, источником образования фамилий служили и неофициальные имена: *Курогло* — сын «Сухого», *Демироглу* — сын «Железа», *Бостаногло* — сын «Бостана» (гагауз. *бостан* 'бахча').

Может показаться, что компонент *огло* участвовал в формировании гагаузских фамилий в течение ограниченного периода времени. Действительно, некоторые гагаузские фамилии, в состав которых входят *оглу* или *огло*, приняли окончательную форму лишь на рубеже XIX и XX вв. Однако детальное ознакомление с бытом гагаузских сел выявляет еще одну смысловую нагрузку *огло*.

В языке современных гагаузов, живущих в селах Молдавии, лингвистами выделяются два диалекта: центральный (язык гагаузских сел, расположенных вокруг двух городов — Комрата и Чадыр-Лунги) и южный (язык сел, входящих в Вулканештский район)²⁷. В антропонимическом материале носителей южного диалекта еще в конце прошлого столетия было зафиксировано весьма любопытное явление. В. А. Мошков сообщает, что в селе Этулия, входившем тогда в Измаильский уезд (ныне Вулканештский район), слово *оолу* обязательно прибавлялось к каждой гагаузской фамилии даже в обычной речевой ситуации. Например, *Манзул-оолу*, *Кёсе-оолу*. Интересно и другое наблюдение исследователя. Говоря в целом обо всем роде, представители которого носили одну фамилию, гагаузы прибавляли *оолу* во множественном числе: *Манзул-ооллары*, *Кёсе-ооллары*. Этот сам по себе не столь значительный факт заставляет думать о более глубоком историческом содержании слова *оолу*||*оглу*. У гагаузов — носителей центрального диалекта — это явление наблюдается в несколько иной форме. В речевой практике при упоминании многочисленных родственников, ведущих свое происхождение от общего предка, слово *ооллары* опускается, но само название рода или родоначальника принимает форму множественного числа. Таким образом, если гагауз говорит *Янакилер*, он подразумевает всех, связанных узами родства и ведущих свое происхождение от основателя рода — *Янаки*. Официальные и неофициальные имена, модифицированные в той или иной степени, входили составной частью в морфологически сложную гагаузскую фамилию. Иногда фамилия образовывалась путем сокращения имени. После переселения гагаузов в Бессарабию некоторые фамилии были переведены на русский язык. Например, в одном и том же селе сегодня встречается исконно гагаузский вариант фамилии — *Демирогло* 'сын «Железа»' и его русский эквивалент — *Железогло*.

Часть фамилий образовалась вопреки правилам словообразования в тюркских языках. От различного рода гагаузских имен и прозвищ произошли фамилии с окончаниями, характерными для болгарского языка: *-ку*, *-чу*, *-у*, *-ов*, *-ев*, например: *Вылку*, *Вылчу*, *Ваньчу*, *Вольгу*, *Войку*, *Гребеньчу*, *Греков*, *Гроздев*, *Даньчу*, *Димов*, *Доньчу*, *Койчу*, *Кыньчу*, *Панку*, *Стуянчу* и др. Однако точно определить генезис указанных фамилий пока трудно. Можно предположить, что носителями таких «болгаризированных» фамилий являются болгары по происхождению, ассимилировавшиеся в гагаузской среде, но сохранившие свои прежние фамилии. Возможно

²⁷ Л. А. Покровская. О применении понятий «язык» и «диалект» к гагаузскому языку. — «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1961, № 2, стр. 39—44; *ее же*. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 12; Б. П. Тукан. Вулканештский диалект гагаузского языка. Автореф. канд. дисс. Кишинев, 1965; Л. А. Покровская. Гагаузский язык. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, монгольские, финно-угорские и тунгусо-маньчжурские языки». М., 1969, стр. 217.

также, что гагаузы заимствовали эти фамилии у соседей-болгар, не подвергнув их сколько-нибудь существенным изменениям. Не исключено также, что эти фамилии образовались от официальных и неофициальных и других собственных гагаузских имен.

Гораздо позже список гагаузских фамилий пополнился фамилиями, образованными с помощью широко распространенных русских или болгарских суффиксов *-ов, -ев*: *Иванов, Николаев, Димитров* и др.

Многие фамилии заключали в себе информацию о профессии, месте жительства, физических особенностях и т. п. того или иного человека, родоначальника фамилии. Приведем несколько фамилий, записанных В. А. Машковым в конце 90-х годов XIX века.

Часть фамилий указывает на профессию или род занятий: *Абаджи* 'суконщик', *Арабаджи* 'человек, делающий телеги', *Бояджи* 'красильщик', *Бузааджи* 'пастух, пасущий телят', *Йокюзю* 'пастух, пасущий волы', *Кавалджи* 'музыкант' (от *кавал* 'музыкальный инструмент, напоминающий флейту'), *Домузчу* 'свинарь', *Дювенджи* 'ткач', *Калпакчи* 'шапочник', *Кюркчу* 'меховщик', *Таиши* 'каменщик', *Терзи* 'портной', *Холлойджу* 'маслобойщик', *Юларджи* 'шорник'. Некоторые из них оформлялись с помощью слова *оглу* (*огло*), присоединение которого вносило определенные фонетические изменения в структуру первоначального компонента: *Бояджогло, Ташогло* и т. д. Аналогично образовались и другие фамилии, содержащие в себе указания на внешние приметы человека. Поэтому в современных списках встречаются одновременно *Курогло* (сын «Сухого») и *Куру* («Сухой»), *Демир* («Железо») и *Демироглу* (сын «Железа»). Однако однокомпонентные фамилии, ведущие свое происхождение, по всей вероятности, от прозвищ, встречаются гораздо чаще, нежели фамилии, усложненные более поздним добавлением слова *оглу*, аффикса *-джи* и др. Приведем несколько примеров: *Бююк* 'большой', *Дели* 'безумный', *Дилсиз* 'безязычный', *Дирек* 'столб', *Забун* 'тощий', *Иири* 'кривой', *Кусурсуз* 'лишенный недостатков', *Кабак* 'тыква', 'плешивый', *Калпак* 'шапка', *Кол* 'рука', *Камбур* 'горбатый', *Кер* 'слепой', *Коврик* 'бублик', *Мырмыр* 'мурлыкающий', *Сакаллы* 'бородач', *Татарджик* 'татарчонок', *Узун* 'длинный', *Шальвир* 'хитрый', *Янак* 'горелый', *Ясыбаиш* 'сплюснутая голова'.

Иногда в списках встречаются фамилии, указывающие, откуда родом человек. Такова, например, фамилия — *Томайлы* (Томай — гагаузское село Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР).

Широкое распространение получила традиция именовать приезжих по названию села, откуда они прибыли. Так, девушек, вышедших замуж и переехавших в село мужа, называли, например, *Комратлыйка* (Комратская), *Джалтайлыйка* (Джалтайская), *Баурчулуйка* (Баурчинская). В разговоре к этой женщине обращались по имени; если же о ней говорили в ее отсутствие, то вместо неофициального имени чаще употребляли название ее родного села.

Кроме официальных имен, отчеств, неофициальных имен и фамилий, у гагаузов до сих пор довольно широко используются так называемые «уличные прозвища» (*сокак лаабы*), переходящие из поколения в поколение по отцовской линии. Если же молодой человек, вступив в брак, переехал в дом своей жены, его дети наследовали прозвище семьи своей матери.

Некоторые прозвища обросли легендами, отчасти вымышленными, отчасти восходящими к каким-то реальным фактам.

Существует целая группа прозвищ, которые давались односельчанами тому или иному определенному лицу в память о каком-нибудь необычном, как-то связанном с ним событии. Подобные прозвища могли

быть насмешливыми, даже оскорбительными для человека, могли напоминать о подвиге, совершенном на войне, и т. д. Иногда такое «индивидуальное прозвище» давалось и ребенку, закрепляясь за ним на всю жизнь. В отличие от семейных прозвищ, возникновение которых не всегда теперь ясно, большинство индивидуальных прозвищ имеет конкретное происхождение.

Одним из имен, прозвищ или фамилий гагаузы называют людей за глаза.

Существует сложная система обращения к присутствующему. К разным людям гагауз обращается по-разному, в зависимости от степени родства, возраста собеседника.

Таким образом, гагаузская антропонимия свидетельствует о том, что, во-первых, современные гагаузы этнически неоднородны, и, во-вторых, в происхождении гагаузов большую роль сыграли кочевые тюркоязычные племена и народности. Нельзя при этом не отметить, что гагаузская антропонимия почти совершенно не изучена и еще ждет своих исследователей.

М. БЕЙТУЛЛОВ, Х. ГЕЧГЕЛЬДИЕВ

УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ТУРЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ БОЛГАРИИ

В современном турецком литературном языке уменьшительные формы имен существительных (собственных и нарицательных) образуются с помощью двух аффиксов, имеющих различные фонетические варианты: 1) *-cik, -cık, -cuk, -cük* / *-çık, -çık, -çuk, -çük*; 2) *-cağız, -ceğiz, -çağaz* / *-çağız, -çeğiz, -çağaz*.

Т. Н. Генджан добавляет к ним также аффикс *-(i)msi* (используемый в основном для образования прилагательных), например: *duvarımsi* 'похожий на стену', *bahçemsi* 'похожий на сад'¹.

А. Н. Кононов указывает на использование некоторых уменьшительных аффиксов (*-m, -a/-e, -cı/-cu..., -ca/-çe, -ç ~ -ş*) в качестве показателей женского пола в феодальных титулах и выдвигает предположение, что до определенного периода в истории турецкого языка эти аффиксы выступали в уменьшительном значении, а затем, утратив эту функцию, стали употребляться для образования слов с новым лексическим значением.

Отмечая, что французское *soleil* 'солнце' и русское *солнце* являются уменьшительными формами, полностью утратившими теперь значение уменьшительности, А. Н. Кононов сравнивает их с турецким *güneş* 'солнце' и рассматривает последнее как уменьшительную форму, образованную от слова *gün* с помощью аффикса *-ş*².

Проведенное нами исследование показало, что аффикс *-ç ~ -ş* с уменьшительным значением бытует во всех турецких диалектах Болгарии³, что подтверждает гипотезу А. Н. Кононова.

Было выявлено также, что в турецких диалектах целый ряд уменьшительных аффиксов входит в состав личных имен. Причем наряду с исконно турецкими аффиксами [1) *-eş, -iş, -uş, -üş*; 2) *-a, -e*; 3) *-ik*; 4) *-ı, -i, -u, ü*] встречаются и болгарские [1) *-ko*; 2) *-ço*; 3) *-çe*; 4) *-o*]⁴.

Из турецких аффиксов наиболее распространен формант *-iş, -iş, -uş, -üş*. Однако в некоторых случаях этот аффикс утрачивает значение уменьшительности и, входя в состав имени собственного, воспринимается не как отдельный элемент, а как часть корня, например: *Ali—Alış, Mehmet—Memiş, Mustafa—Mıstış ~ Mıtış*.

¹ Т. Н. Гечжан. *Dilbilgisi*. İstanbul, 1966, стр. 106.

² А. Н. Кононов. *İsimlerin ve sıfatların küçültme şekilleri ve söz yapımı*.—«Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten, 1968». Ankara, 1969, стр. 81.

³ Исследование было проведено с помощью информантов-студентов отделения турецкого языка и географии Высшего Шуменского педагогического института.

⁴ Ст. Стоянов. *Граматика на българския книжовен език*. София, 1964, стр. 181—182.

Болгарские уменьшительные аффиксы чаще встречаются в районах со смешанным болгаро-турецким населением. Иногда болгарские показатели женского пола используются вместо соответствующих аффиксов арабского происхождения, причем обе формы употребляются параллельно: *Nuriye*—*Nurka* (Исперих), *Fatma*—*Fanka* (София), *Bedriye*—*Betka* (деревня Крепча в районе Тырговиште).

Остановимся подробнее на уменьшительных формах личных имен, бытующих в турецких диалектах Болгарии.

I. Уменьшительные формы личных имен, образующиеся с помощью аффикса *-ş, -iş, -iş, -uş, -üş*⁵.

A. Уменьшительные формы женских имен.

1. Простые имена.

а) Во многих именах, корень которых оканчивается на согласный, отбрасывается показатель женского пола и аффикс присоединяется к корню⁶:

Bedriye (ар.) *Bed(i)riye* *Bedr+iş*—*Bedriş, Bédriş*

Sülbiye (ар.) *Sülbiye* *Sülb+üş*—*Sülbüş, Sülbüş*

б) Имена, корень которых оканчивается на гласный, принимают аффикс *-ş*:

Nebiye (ар.) *Nebiye* *Nebi+ş*—*Nebiş, Nébiş*

Zekiye (ар.) *Zekiye* *Zeki+ş*—*Zekiş, Zékiş*

в) В некоторых именах аффикс присоединяется к согласному второго слога:

Sebile (ар.) *Seb(i)le* *Seb+iş*—*Sebiş, Sébiş*

Habibe (ар.) *Abîbé, Abbé* *(H)ab+iş*—*(H)abiş, (H)âbiş*

Kıymet (ар.) *Kıymet* *Kıym+iş*—*Kıymiş, Kîymiş*

Mükerrem (ар.) *Mükerem* *Mük+iş*—*Mükiş, Mûkiş*

Mümüne (ар.) *Mümüne* *Müm+üş*—*Mümüş, Mûmüş*

г) Только в редких случаях аффикс присоединяется непосредственно к первому слогу личных имен:

Fatma (ар.) *Fatma, Fatme* *Fat+iş*—*Fatış, Fâtış*

д) В некоторых именах с присоединением к корню аффикса *-iş* вместо показателя женского пола узкий передний гласный *i* во втором слоге слова выпадает:

Selime (ар.) *Selime, Selme* *Sel(i)m+iş*—*Selmiş, Sélmış*

Halime (ар.) *(H)alime, Alme* *(H)al(i)m+iş*—*Almiş, Âlmış*

Emine (ар.) *Emne* *Em(i)n+iş*—*Emniş, Êmniş*

⁵ С помощью этого аффикса образуются не только личные имена, но и некоторые нарицательные существительные: *ñalak* — *mâliš, oğlak* — *oğliš, mōme* — *mōmüş, kulun* — *kûliš* — *kuli*; ср. также уменьшительные формы прилагательных в других тюркских языках: узб. *ak+iş*, кирг. *ay+iş*.

⁶ Ниже в первых столбцах приводятся данные по литературному языку, во вторых — по диалектам, в третьих — уменьшительные формы.

Выпадения не происходит в тех случаях, когда стечение согласных может затруднить произношение, например: *Hasibe—Hasib+iş*.

2. Сложные имена.

Уменьшительный аффикс присоединяется к первому компоненту сложного имени, второй же компонент опускается:

Nurten (ар.-тур.) *Nurten* *Nur+iş—Nurîş, Nûriş*
Pembegül (тур.-перс.) *Pembegül* *Pemb+iş—Pembîş, Pémbiş*

Однако уменьшительной формой имени *Gülzar* (*Gül+zar*) будет не *Gül+üş*, а *Gülzar+iş*, так как слово *Gülüş* имеет сходство с существительным, образованным с помощью аффикса *-üş* от глагола *gülmek*.

Б. Уменьшительные формы мужских имен.

1. Простые имена.

а) Уменьшительный аффикс присоединяется к начальному согласному второго слога личных имен:

Mustafa (ар.) *Mıstafa* *Mıst+iş—Mıstîş, Mıstîş ~Mitîş, Mitiş*
Hüsmen (ар.) *Üsmen* *(H)üşm+üş—(H)üşmûş, Üsmûş*
Mümün (ар.) *Mümün* *Müm+üş—Mümûş, Mümûş*
Habil (ар.) *Abil* *(H)ab+iş—(H)abîş, Âbiş*
Osman (тур.) *Osman* *Osm+iş—Osmîş, Ôsmîş*

б) Уменьшительный аффикс присоединяется к первому слогу имени:

Subhi (ар.) *Suphi* *Sub+iş—Subîş, Sûbiş*

2. Сложные имена.

Как и в сложных женских именах, уменьшительный аффикс присоединяется к первому компоненту имени, а второй — опускается:

Beytullah (ар.-ар.) *Beytulla* *Beyt+uş—Beytûş*
Zeyfullah (ар.-ар.) *Zeyfulla* *Zeyf+uş—Zeyfûş*
Abdulkadir (ар.-ар.) *Aptikadir* *Abd+iş—Aptîş, Aptîş*
Orhan (тур.-тур.) *Orhan* *Or+iş—Orîş*
(Uğur+han)

II. С помощью аффикса *-a/-e* образуются уменьшительные формы только женских имен. При этом происходит сокращение слова — аффикс присоединяется к начальному согласному второго слога:

Bediha (ар.) *Bediha* *Bed+a—Bedâ*
Seniha (ар.) *Sen(i)ha* *Sen+a—Séna*
Zeliha (тур.) *Zel(i)ha* *Zel+a—Zelâ, Zelé*
Zekiye (ар.) *Zek(i)ye* *Zekye ~Zekġe ~Zekké*

III. Аффикс *-ik* употребляется редко и только для образования уменьшительных форм мужских имен путем присоединения к начальному согласному второго слога:

Mustafa (ар.) *Mıstafa* *Mıst+ik—Mıstik, Pistik*

IV. Аффикс *-i, -u, -ü*, образующийся из аффикса *-ı, -u, -ü* в результате выпадения согласного, образует уменьшительно-ласкательные формы многих женских и мужских имен.

1. Аффикс присоединяется к первому ударному слогу имени:

а) женские имена

<i>Fikriye</i> (ар.)	<i>Fikriye</i>	<i>Fik+i—Fiki</i>
<i>Fatma</i> (ар.)	<i>Fatma, Fatme</i>	<i>Fat+i—Fâti, Pâti, Pâpi, Pâpe</i>
<i>Vildan</i> (ар.)	<i>Vildan</i>	<i>Vil+i—Vili</i>
<i>Kadriye</i> (ар.)	<i>Kadriye, Kadirye</i>	<i>Kad+i—Kâdi</i>
<i>Sabriye</i> (ар.)	<i>Sabriye</i>	<i>Sab+i—Sâbi</i>

б) мужские имена

<i>Fikret</i> (ар.)	<i>Fikret</i>	<i>Fik+i—Fiki</i>
<i>Mustafa</i> (ар.)	<i>Mıstafa</i>	<i>Mus+i—Músi</i>

2. Аффикс присоединяется к начальному согласному второго слога:

а) женские имена

<i>Suzan</i> (перс.)	<i>Sūzan</i>	<i>Süz+i—Súzi</i>
<i>Emine</i> (ар.)	<i>Emne</i>	<i>Em+i—Emi</i>
<i>Hatice</i> (ар.)	<i>Atçe, Aççe</i>	<i>(H)at+i—(H)âti, Hatú</i>
<i>Asiye</i> (ар.)	<i>Asiye, Asye</i>	<i>As+i—Âsi</i>
<i>Meliha</i> (ар.)	<i>Meliha</i>	<i>Mel+i—Méli</i>
<i>Sevinç</i> (тур.)	<i>Sevinç</i>	<i>Sev+i—Sévi</i>

б) мужские имена

<i>Süleyman</i> (ар.)	<i>Sülman</i>	<i>Sül+ü—Sülü</i>
<i>Mustafa</i> (ар.)	<i>Mustafa</i>	<i>Must+i ~ Mut+i—Múti</i>
<i>Mehmet</i> (ар.)	<i>Memet</i>	<i>Mem+i—Mémi, Mimi</i>

3. Сложные мужские и женские имена.

а) Уменьшительный аффикс присоединяется к первому компоненту имени, а второй — опускается:

<i>Gülzade</i> (перс.-перс.)	<i>Gülzade</i>	<i>Gül+ü—Gülü</i>
<i>Erol</i> (тур.-тур.)	<i>Erol</i>	<i>Er+i—Eri</i>

б) Уменьшительные формы личных имен, состоящих из двух односложных слов, с помощью данного аффикса образуются довольно редко. При этом конечный согласный первого слова выпадает, и аффикс присоединяется к начальному согласному второго компонента:

<i>Bilser</i> (тур.-перс.)	<i>Bilser</i>	<i>(Bi+s)+i—Bísi</i>
<i>Gürsel</i> (тур.-тур.)	<i>Gürsel</i>	<i>(Gü+s)+i—Gúsi</i>

V. При образовании уменьшительных форм некоторых женских и мужских имен последние подвергаются значительным фонетическим изменениям:

а) женские имена

<i>Nazife</i> (ар.)	<i>Nástri</i>
<i>Sabriye</i> (ар.)	<i>Bábi</i>
<i>Behiye</i> (ар.)	<i>Bépi</i>
<i>Haniye</i> (перс.)	<i>Ape</i>

б) мужские имена

<i>Hüsmen</i> (ар.)	<i>(H)üppü</i>
<i>Mustafa</i> (ар.)	<i>Pistu, Pítti, Píti</i>
<i>Fevzi</i> (ар.)	<i>Fífi</i>
<i>Eljuda</i> (ар.)	<i>Épi</i>

VI. Уменьшительно-ласкательные аффиксы болгарского происхождения *-ko*, *-ço*, *-çe*, *-o(-şo)* обычно присоединяются к мужским именам, реже — к женским.

1. С помощью аффикса *-ko* образуются уменьшительные формы только мужских имен (ср. болг. *Борис*—*Борко*, *Иван*—*Иванко*, *Захарий*—*Зарко*).

а) Уменьшительный аффикс присоединяется к полной форме личного имени:

<i>Ahmet</i> (ар.)	<i>Āmet</i>	<i>Āmet+ko</i> — <i>Āmētko</i>
<i>Mehmet</i> (ар.)	<i>Memet</i>	<i>Memet+ko</i> — <i>Memētko</i>
<i>Ali</i> (ар.)	<i>Ali</i>	<i>Ali+ko</i> — <i>Alīko</i>

Аффикс *-ko* может присоединяться и к сложным именам собственным: *Gürcan*—*Gürcanko*.

б) Аффикс присоединяется к начальному согласному второго слога имени:

<i>Raşit</i> (ар.)	<i>(Ra+ş)+ko</i> — <i>Ráško</i> , <i>Rášku</i>
<i>Şerif</i> (ар.)	<i>(Şe+r)+ko</i> — <i>Şérko</i> , <i>Şérku</i>
<i>Hasan</i> (ар.)	<i>(Ha+s)+ko</i> — <i>(H)ásko</i> , <i>Hásku</i>
<i>Metin</i> (ар.)	<i>(Me+t)+ko</i> — <i>Métko</i> , <i>Métku</i>

При этом гласный первого слога или согласный второго слога могут изменяться: *Sinan* (ар.)—*Sénko*, *Cemal* (ар.)—*Cénko*, *Salih* (ар.)—*Sáško*.

в) Аффикс может также присоединяться к первому слогу имени собственного: *Osman*—*Osko* ~ *Ōsku*, *Yósku*.

г) Иногда происходит сложение первого слога имени и его последнего согласного с присоединенным к нему уменьшительным аффиксом: *Mehmet* (ар.) — *(Me+t)+ko* — *Métko*.

2. С помощью аффикса *-ço* образуются уменьшительные формы мужских имен (ср. болг. *Иван* — *Иванчо*, *Илия* — *Илийчо*, *Николай* — *Николчо*, *Колчо*).

а) Аффикс присоединяется к полной форме личного имени:

<i>Hasan</i> (ар.)	<i>Asan</i>	<i>Asan+ço</i> — <i>Asánço</i> , <i>Asánçu</i>
<i>Mehmet</i> (ар.)	<i>Memet</i>	<i>Memet+ço</i> — <i>Memétço</i> , <i>Memétçu</i>
<i>Halil</i> (ар.)	<i>Alil</i>	<i>Alil+ço</i> — <i>Alilço</i> , <i>Alilçu</i>

б) Аффикс присоединяется к первому слогу или начальному согласному второго слога имени:

<i>Basri</i> (ар.)	<i>Bas+ço</i> — <i>Básço</i> , <i>Báço</i>
<i>Mazlum</i> (ар.)	<i>Maz+ço</i> — <i>Mázço</i> ~ <i>Mánço</i>
<i>Dilman</i> (перс.)	<i>Dil+ço</i> — <i>Dilço</i>
<i>Selim</i> (ар.)	<i>Sel+ço</i> — <i>Sélço</i>

При этом в некоторых случаях может выпадать последний согласный первого слога: *Mehmet*—*Meh+ço* ~ *Me+ço*—*Meço*.

в) Аффикс присоединяется к первому компоненту сложных имен, а второй — опускается:

<i>Durhan</i> (тур.-перс.)	<i>Dur+ço — Dúrço</i>
<i>Erol</i> (тур.-тур.)	<i>Er+ço — Erço</i>

3. С помощью аффикса *-çe*, соответствующего аффиксу *-cık, -cik, -cuk, -cük* в турецком, образуются уменьшительные формы женских и мужских имен.

В болгарском языке этот аффикс присоединяется как к именам собственным, так и к нарицательным: *Йорданка—Данче, Иванка—Ванче, Тодорка—Дорче*, кон 'лошадь' — *конче* 'лошадка', *човек* 'человек' — *човече* 'человечек'.

а) Аффикс присоединяется к полной форме личного имени:

<i>Mehmet</i> (ар.)	<i>Memet</i>	<i>Memet+çe — Memétçe, Mémetçe</i>
<i>Ahmet</i> (ар.)	<i>Āmet</i>	<i>Āmet+çe — Āmétçe, Āmetçe</i>

б) Аффикс присоединяется к любому слогу имени:

<i>Fatma</i> (ар.)	<i>Fat+çe — Fatçe ~ Fânçe</i>
<i>Nezhat</i> (перс.-перс.)	<i>Zat+çe — Zâtçe</i>

в) Аффикс присоединяется к первой части сложных имен, вторая же часть имени опускается:

<i>Nurten</i> (ар.-тур.)	<i>Nur+çe — Núrçe</i>
<i>Gülten</i> (перс.-тур.)	<i>Gül+çe — Gülçe</i>
<i>Gülcan</i> (перс.-перс.)	<i>Gül+çe — Gülçe ~ Gülçi</i>

4. Аффикс *-o(-şo)* также образует уменьшительные формы как женских, так и мужских имен. (В болгарском же языке с помощью этого аффикса образуются уменьшительные формы только мужских имен: *Георгий—Гошо, Михаил—Мишо, Тодор—Тошо*).

а) Аффикс присоединяется к первому слогу имени собственного:

<i>Osman</i> (тур.)	<i>Os+o — Óso ~ Áso</i>
<i>Salih</i> (ар.)	<i>Sa+şo — Sáşo</i> (подобно болгарскому <i>Сашо</i>)

б) Аффикс присоединяется к начальному согласному второго слога:

<i>Sevim</i> (тур.)	<i>Sev+o — Sévo</i>
<i>Veysal</i> (ар.)	<i>Veys+o — Véyso ~ Véso</i>
<i>Nadiye</i> (ар.)	<i>Nad+o — Nádo, Nádu</i>

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В турецких диалектах Болгарии распространены уменьшительные формы личных имен, образованные с помощью ряда аффиксов как турецкого (*-ş, -iş., -a/-e, -ık, -ı, -u, -ü*), так и болгарского [*-ko, -ço, -çe, -o(-şo)*] происхождения, обычно передающих уменьшительно-ласкательное значение.

2. Уменьшительные формы личных имен всегда двусложные, независимо от числа слогов исходного имени.

3. Уменьшительный аффикс *-iş, -üş*, присоединяясь к личным именам, обычно не подчиняется закону гармонии гласных, даже если этот закон действует в исходной форме имени: *Osman—Osmiş, Fatma—Fatmiş*.

Сингармонизм не нарушается в уменьшительных формах лишь некоторых личных имен: *Mustafa—Mistiş*, *Abdullah ~ Aptulla—Aptiş*.

4. Уменьшительные формы ряда мужских и женских имен фонетически совпадают: *Mütün—Mümüş*, *Mümüne—Mümüş*.

5. Уменьшительными формами личных имен большей частью пользуются при обращении к детям.

6. Ударение обычно падает на последний слог личных имен, но в некоторых диалектах оно может перемещаться и на первый слог.

Перевел с турецкого В. Г. Кондратьев

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

К. КАРИМОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМПОЗИЦИИ, МЕТРА И ЖАНРА «КУТАДГУ БИЛИГ»

«Кутадгу билиг» — древнейший из дошедших до нас художественных литературных памятников тюркоязычных народов.

Известны три списка этого произведения, однако ни один из них не является полным. В каждом из списков отсутствуют отдельные листы, части и названия некоторых глав; названия глав в тексте не всегда соответствуют приведенным в оглавлении и т. д. Этим во многом объясняется то, что среди ученых нет единого мнения о метре, жанре и композиции «Кутадгу билиг». До сих пор остается спорным, являются ли прозаические и стихотворные вступления и приложенные к спискам перечни глав авторскими; принадлежат ли перу самого Юсуфа Баласагуни заключающие каждый раздел резюмирующие четверостишия или они взяты из других источников; каким алфавитом и стихотворным размером был написан оригинал и т. п.¹

В настоящей статье нами будут рассмотрены лишь некоторые из этих вопросов, а именно вопросы композиции, стихотворного метра и жанра поэмы.

В «Кутадгу билиг», представляющей собой своеобразную художественную энциклопедию нравственных поучений и народной мудрости, органично сочетаются особенности как эпического, так и лирико-драматического произведения.

Сопоставление трех известных списков поэмы позволяет судить о вероятной композиции оригинала «Кутадгу билиг», построенной в соответствии с канонами традиционной восточной поэтики.

«Кутадгу билиг» начинается с *унвона* (прославления бога). Затем следуют прозаическое вступление, начинающееся с хвалы аллаху и его пророку, и славословие четырем его сподвижникам; здесь же говорится о назначении и названии книги, о преподнесении ее Эликхану, о вознаграждении за нее автора, о четырех символических героях и полемике между ними.

За прозаическим вступлением следует его более обстоятельный стихотворный вариант, состоящий из семидесяти семи двустиший².

Вслед за стихотворным вступлением приводится *фихрасти абвоб* (сводное оглавление) семидесяти трех глав, названия которых в несколько измененном виде повторяются и в тексте. После повторного *унвона*

¹ См. обзор соответствующей литературы в работе: А. А. Валитова. О некоторых поэтических особенностях «Кутадгу билиг». М., 1960.

² Среди ученых нет единого мнения об авторе и времени создания предисловий. См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 301—302; ۱۹۲۵: «تاشکند» ۲, «معارف و ثوقوتغوجی»: «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», № 2. Тошкент, 1961, стр. 115; R. R. Arat. Kutadgu Bilig, I. Metin. Istanbul, 1947, стр. XXVIII.

следуют первые одиннадцать глав, которые представляют собой своеобразное вступление к поэме и включают *хамд* (благодарение и хвалу всемогущему богу), *наът* (славословие пророку и его почитаемым сподвижникам), *мадх* (описание весны и хвалебная ода в честь Бограхана), *сабаби таълиф* (причины, побудившие автора создать книгу), описание семи планет и двенадцати зодиакальных знаков, слово о красноречии, его пользе и вреде, о преимуществах знания и разума, о названии книги и т. д. С двенадцатой главы начинается непосредственное изложение и описание событий.

В поэме фигурируют четыре символических героя: *Кунтюгди* — правитель, символизирующий справедливость, *Айтолды* — визирь, символизирующий счастье и благо, *Огдюлмиш* — сын визиря, впоследствии визирь, олицетворяющий разум, и *Одгюрмиш* — родственник визиря, олицетворяющий праведность.

Произведение не имеет сквозного сюжета. События начинают развиваться с небольшого эпизода: прослышав о справедливом правлении и щедром покровительстве, оказываемом Эликом Кунтюгди, Айтолды поступает к нему на службу. Отныне все государственные дела правителем возлагаются на него.

В дальнейшем, излагая содержание бесед четырех героев, автор высказывается по всем актуальным проблемам своего времени, говорит о смысле и значении человеческой жизни³, пытается ответить на все поставленные вопросы с позиции мыслителя-гуманиста. В каждой главе Юсуф Баласагуни касается определенного круга вопросов и, изложив по ним и обобщив свое мнение, приводит соответствующее двустиие. Затем следует двустиие-обращение нравоучительного характера, призывающее читателя прислушаться к словам мудрецов, и резюмирующее четверостишие. Такова схема построения всех глав поэмы.

Автором мастерски используется и характерный для восточной литературы художественный прием обращения к другим источникам, цитирования их (*ирсолул масал*).

Написаны ли эти четверостишия самим Юсуфом Баласагуни или заимствованы у других авторов? Мы придерживаемся мнения, что часть этих четверостиший принадлежит перу создателя «Кутадгу билиг», часть заимствована у других авторов и из народного творчества. Фольклорные заимствования были обработаны в соответствии с содержанием и стихотворным размером поэмы⁴.

Вопрос о стихотворном размере «Кутадгу билиг» долгое время оставался спорным. Одни исследователи утверждали, что поэма написана силлабическими стихами⁵, другие — размером *аруз*⁶.

³ См.: А. Н. Кононов. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг». — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 7.

⁴ Об этом подробно см.: Е. Э. Бертельс. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — «Советское востоковедение», 1947, № 4, стр. 73; А. А. Валитова. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг». — «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 95; К. Каримов. «Кутадгу билиг»нинг тузилиши ва вазни хақида. — «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», Тошкент, 1961, № 2, стр. 153—154.

⁵ «ملی تبعولر»، جلد ۲، سان ۴؛ نجیب عاصیم، تورک تاریخی، ۱۳۱۶، ۵

جلد ۱؛ «انقلاب»، ۱۹۲۳، سان ۱۰—۹

⁶ تورک ادبیاتینده ایلك متصوفلر، ۱ نجی طبع، استامبول، ۱۹۱۹؛
تورکیا تاریخی، I کتاب، استامبول، ۱۹۲۳؛ تورک ادبیاتی نمونه نری،
I جلد، استامبول، ۱۹۲۶؛ «معارق و ثوقوتغوجی»، ۲، تاشکند، ۱۹۲۵؛
«Социалистическая наука и техника», 1934, № 10—11, стр. 16.

В настоящее время большинство склоняется к последней точке зрения⁷.

«Кутадгу билиг» написана одним из метров аруза — мелодичным, чеканным *бахром мутақориб'ом*, состоящим из восьми стоп. Причем первые слоги каждой стопы — краткие, а последующие слоги — долгие.

Путем тщательного анализа удалось установить, что 71 и 72 главы и одно четверостишие написаны метром *бахром мутақориб* *мусаммани солим*⁸ (восьмикратный полный мутақориб) по схеме:

фа-у-лун/фа-у-лун/фа-у-лун/фа-у-лун

Например:

Ju-ryy-ly//bū-lūt-teg//ji-git-lik'//ni-yδ-tym
Tū-pi-jel//k'e-čār-teg//ti-rig-lik'//tū-gāt-tim
E-si-zim//ji-git-lik'//e-si-zim//ji-git-lik'
Tu-ta-bil//mā-dim-mān//sā-ni-terk'//ka-čyt-tym

Tu-ra-jy//ba-ra-jy//a-žu-nuy//k'e-zā-ji
Va-fa-lyy//k'i-mer-k'i//a-žun-da//ti-lā-ji
Ka-ny-koš//ny-aš-ny//sa-kynč-kaδ//yu-ka-čš
Ka-mu-γum//be-rā-ji//mā-nev-din//čy-ka-jy

Bo-γuz-ka//je-jim-čā//a-žun-da//je-dim-tap
E-gin-k'ā//k'e-dim-čā//e-gin-dā//k'e-dim-tap
Ti-rig-lik'//bo-lur-ča//je-güm-ni//bu-lur-mān
K'e-rāk'-bol//sa-ber-gā//mā-ngā-bir//i-dim-tap

Вся остальная часть поэмы также написана метром *бахром мутақориб*, но уже не восьмикратным полным, а производным от него *мутақориб* *мусаммани мақсур* (восьмикратным усеченным мутақорибом) по схеме:

фа-у-лун/фа-у-лун/фа-у-лун/фа-ул

и *мутақориб* *мусаммани маҳзуф* (восьмикратным мутақорибом с опущенным слогом) по схеме:

фа-у-лун/фа-у-лун/фа-у-лун/фа-ул

В этих производных метрах усечение и опущение слогов происходит в последнем *рукне* (стопе).

Указанные два производных метра употребляются на протяжении всей поэмы, сменяя друг друга⁹:

Jū-zin-k'ez//lā-di-je//k'ā-rū-mij//ky-zy
A-žun-kyr//ty-šy-bol//dy-zāng-i//jū-zi
Bo-rič-mā//a-ja-bor//čy-boγ-zy//ku-ly
Bo-rič-sā//a-čyl-dy//čy-γaj-lyk//jo-ly

⁷ Об этом см.: W. Radloff. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasingun, Theil II. St. — Petersburg, 1910, стр. IX; M. Hartmann. Zur metrischen Form des Kudatku Bilik — «Keleti Szemle» (Revue Orientale), III, Heft, 2/3, 1902, стр. 141—153; W. Bang und A. Rahmati. Qutadgu Bilik. — «Ungarische Jahrbücher», Bd. VI, Heft 1/2, 1926, стр. 154; А. А. Валитова. О некоторых поэтических особенностях «Кутадгу билиг»; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 7; И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971, стр. 9.

⁸ Это в свое время отметил А. Н. Самойлович. См.: И. В. Стеблева. Указ. раб., стр. 15.

⁹ Как справедливо замечает И. В. Стеблева, в двустопных поэмы большей частью слог опускается (*маҳзуф*) в последней стопе (см.: И. В. Стеблева. Указ. раб., стр. 17).

Je-mä-jak//šy-aj-myš//bö-gü-bil//gi-jarp
 K'i-ši-k'ōng//li-juf-ka//k'ō-δāz-mā//k'i-sarp
 Ka-ly-teg//di-er-sā//sā-ngä-k'üč//ba-synč
 Bā-rū-k'el//mā-ngä-aj//bu-kaδ-yu//sa-kynč

Некоторые исследователи полагали, что использование аруза в тюркской поэзии было сопряжено с определенными трудностями, и якобы поэтому Юсуф Баласагуни часто был вынужден вставлять в строку ненужные «паразитические» элементы вроде *бу, ул, кор*¹⁰ и т. д. Подобное мнение было основано, по-видимому, на недостаточно глубоком знании строя древнетюркского языка. На самом же деле каждый из этих так называемых «лишних» элементов несет определенную функцию.

Аруз в тюркском стихе отличается своеобразными фонетическими особенностями (*тақтә*), о чем, разумеется, отлично знал Юсуф Баласагуни, написавший этим размером огромную поэму, свидетельствующую о его высоком поэтическом искусстве¹¹.

Коротко о жанровых особенностях поэмы.

Поэма «Кутадгу билиг» написана в обычно принятой для эпических произведений восточной литературы форме *маснави* (рифмованными двустишиями)¹².

Помимо маснави, в произведении имеются главы, написанные в жанре *касиды* (оды). 71, 72 и 73 главы поэмы, то есть три касиды, соответственно состоящие из 44, 40 и 37 *бейтов* (двустиший), написаны в форме *газели*, то есть с первым двустишием рифмуются все четные строки последующих двустиший.

Эти три главы, составляющие значительную часть поэмы, дают нам основание полагать, что, наряду с творениями великих Муслихиддина Саади, Хосрова Дехлеви, Хафиза Шерази, по праву считающихся основоположниками и мастерами формы *газель*, в литературе тюркоязычных народов XI века и даже более раннего периода касида и газель существовали и успешно развивались.

Закрывающие каждый раздел поэмы резюмирующие четверостишия (а их около двухсот) как по содержанию, так и по форме следует отнести к жанру *рубай*¹³, хотя они и написаны стихотворным размером *мутақориб* в отличие от общепринятого для рубайи размера *хазаж*. Можно предположить, что автор не хотел вводить новый поэтический размер в произведение, написанное единым метром. Подобная разновидность рубайи известна под названием *дубайта*. Таким образом, необходимо признать, что одновременно со знаменитыми четверостишиями Омара Хайяма, в творчестве которого искусство рубайи достигло наивысшего расцвета, форма рубайи развивалась и в литературе тюркоязычных народов.

Примечательна любопытная деталь: на 75-м листе Наманганского списка «Кутадгу билиг» имеется двустишие, написанное в поэтической

¹⁰ معارف و ثوقوتغوجی، ۲، تاشکند، ۱۹۲۵؛ تورک ادبیاتندہ

ایلیک متصوفلر، ۱ نجی طبع، استانبول، ۱۹۱۹.

¹¹ О поэтическом мастерстве Юсуфа Баласагуни см.: А. А. Валитова. О некоторых поэтических особенностях «Кутадгу билиг», стр. 9—11; И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке, стр. 15—22; *ее же*. Поэтика «Кутадгу билиг». — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 94—95.

¹² Это в свое время отмечали В. В. Радлов и А. Н. Самойлович. См.: В. В. Радлов. Кудатгу-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи императорской и королевской придворной библиотеки в Вене. СПб., 1890, стр. XI; А. Н. Самойлович. Из поправок к изданию и переводу «Кутадгу билиг». — «Доклады Академии наук», серия В, 1924, стр. 148—151.

¹³ В. В. Радлов относит эти четверостишия к типу рубайи: W. Radloff. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bālasagun, Theil II, стр. 9.

форме *муаммо* (жанр стихотворной шарады) и «обыгрывающее» особенности арабской графики¹⁴:

بك اتى بلك بيرلا باغليغ ترور
بلك لام كيتسابك اتى قالور

‘Имя бега связано со знанием;

Если от знания отпадет лям, то останется (одно) имя бега’.

Здесь автор имеет в виду отсечение от слова *بلك* буквы *ل* и образование в результате слова *بك*

Это двустишие дает нам основание полагать, что, во-первых, тюркской литературе уже в то время был известен жанр муаммо, а, во-вторых, что авторский вариант «Кутадгу билиг» был написан арабским алфавитом.

¹⁴ Об этом двустишии см. также: ۱۹۵۸. انكارا، فؤاد كوپرلى ارمغاتى،

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ, С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ЙИР-САЙЫР

Тува была и продолжает оставаться одним из основных районов обнаружения памятников древнетюркской рунической письменности. С началом же работы в Саянском районе Енисея Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР (начальник экспедиции А. Д. Грач) возникла реальная возможность начать поиски памятников древнетюркской письменности в труднодоступных местах, расположенных вдоль этого бурного и порожистого участка течения Енисея.

В шести километрах ниже устья р. Хемчик (абсолютная отметка 1150 м), по левому берегу, в сторону Енисея открывается распадок, в верхней части которого находится минеральный источник Йир-Сайыр¹. Тропа к источнику пролегает по довольно крутому склону, соединяясь далее с пересохшим руслом, усеянным слоем речной гальки².

На расстоянии 1,5—2 км до источника, в том месте, где кончается подъем по открытому склону и тропа спускается далее по узкому ущелью, на расстоянии 30 м одна от другой стоят две стелы (фото 1).

Первая стела—из бурого песчаника, высота ее 76 см, ширина 48 см. При ярком солнце во второй половине дня (в июле) на южной плоскости отчетливо проступают нанесенные точечным способом тамга и знак (рис. 1): *äg*- 'муж (имеющий тамгу)'

Вторая стела (фото 2) тоже из бурого песчаника, высота ее 125 см, ширина южной стороны 38 см, юго-западной — 23 см.

На южной (фото 3) и юго-западной (фото 4) сторонах имеются сильно поврежденные надписи, процарапанные тонким острием. На южной стороне, выше надписи, просматриваются тамгообразные изображения, выполненные в той же манере, что и буквы (рис. 2). На южной стороне слева, кроме того, имеются следы тамги, нанесенной точками, соединенными между собой прямыми штрихами (рис. 3).

Знаки надписи выступают мало, их средняя высота — 15 мм. В связи с тем, что поверхность камня подверглась разрушению и густо покрылась трещинами, искажившими ложными линиями неглубоко процарапанные знаки, прочтение надписи представляет большие трудности, а в ряде мест совершенно невозможно (рис. 4).

Только неоднократные зарисовки надписи, производившиеся в разное время дня, при различной освещенности, как естественной, так и при

¹ См.: Е. В. Пиннекер. Минеральные воды Тувы. Кызыл, 1968, стр. 65.

² *Сайыр* — галька; высохшее русло реки, покрытое галькой. См.: «Тувинско-русский словарь». М., 1968, стр. 363.

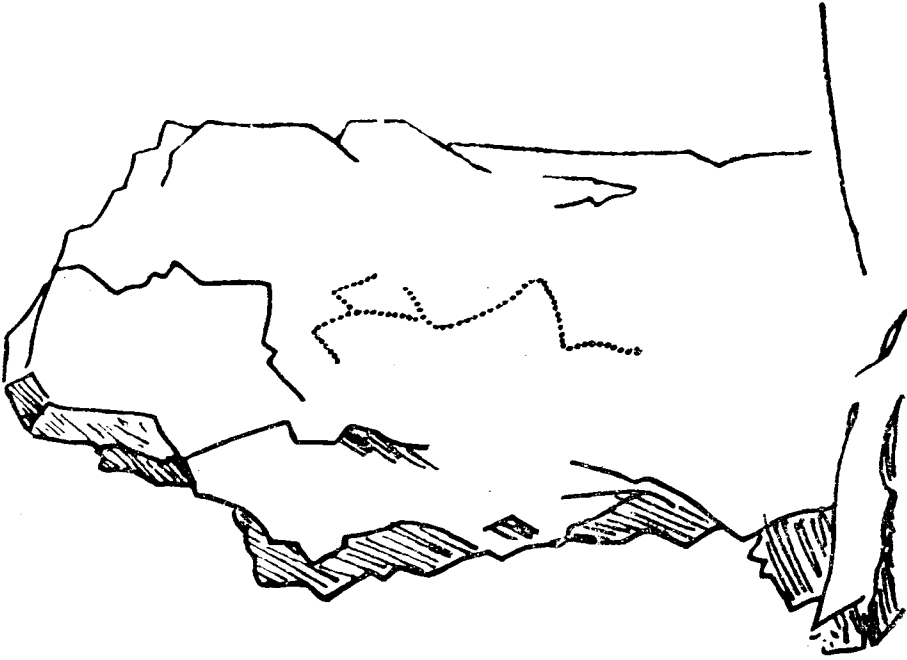

Рис. 1

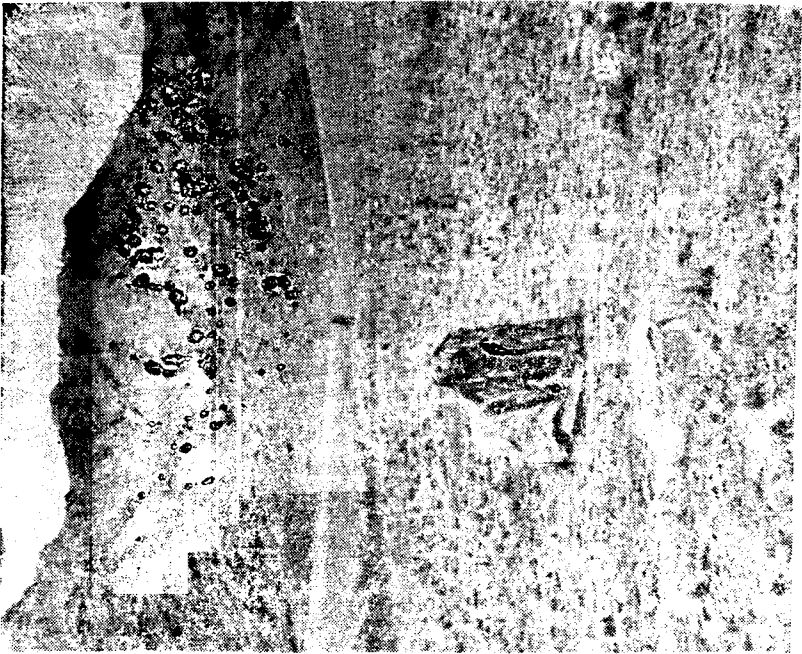

Фото 1

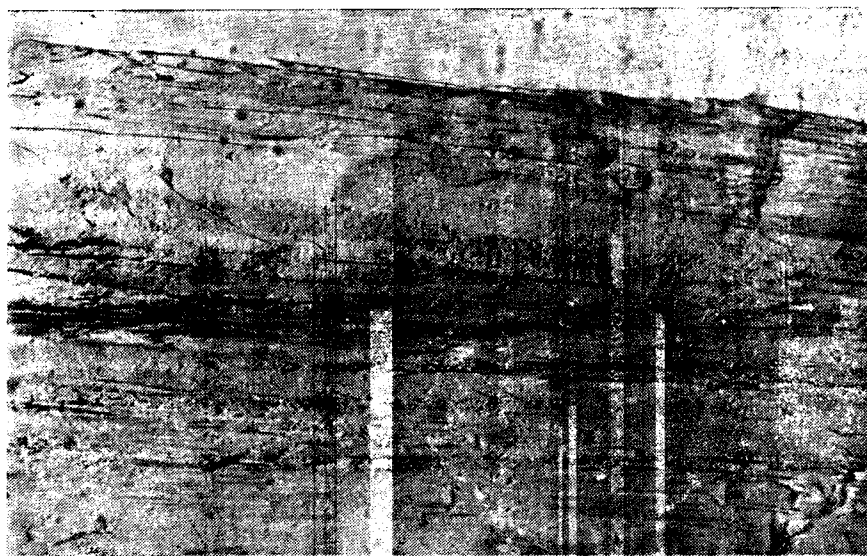

Фото 3

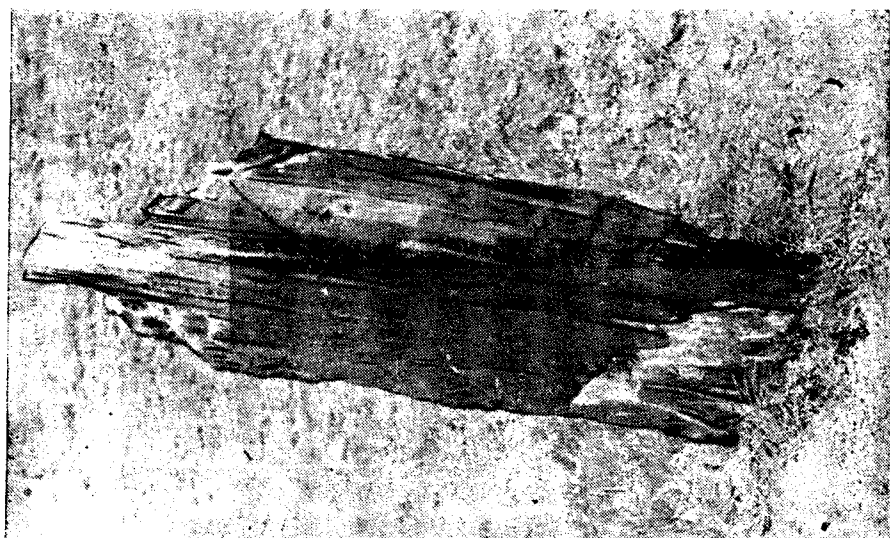

Фото 2

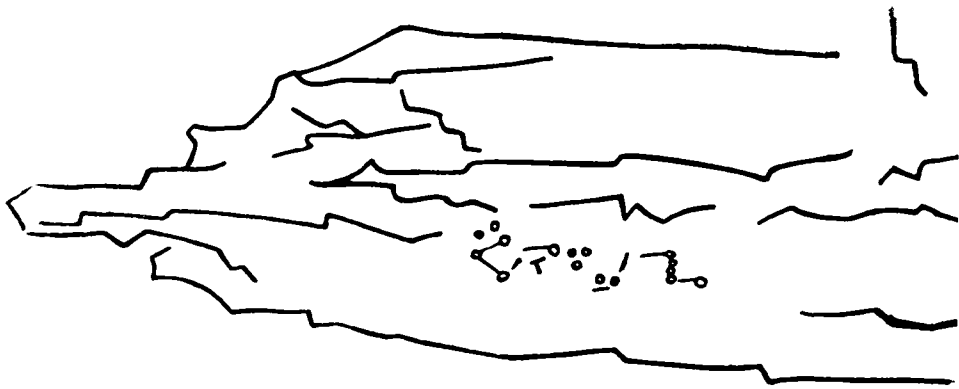

Рис. 3

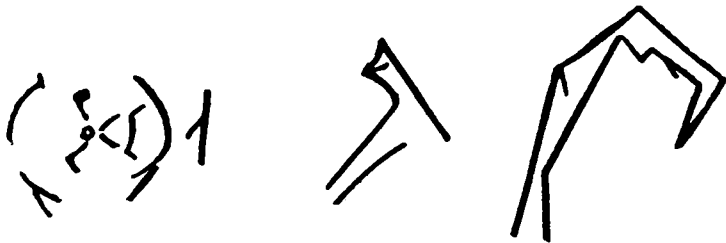

Рис. 2

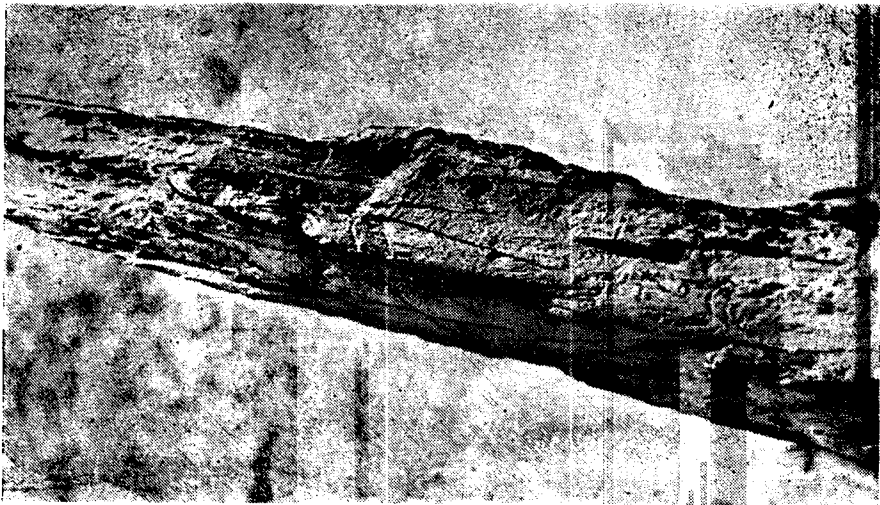

Фото 4

Рис. 4

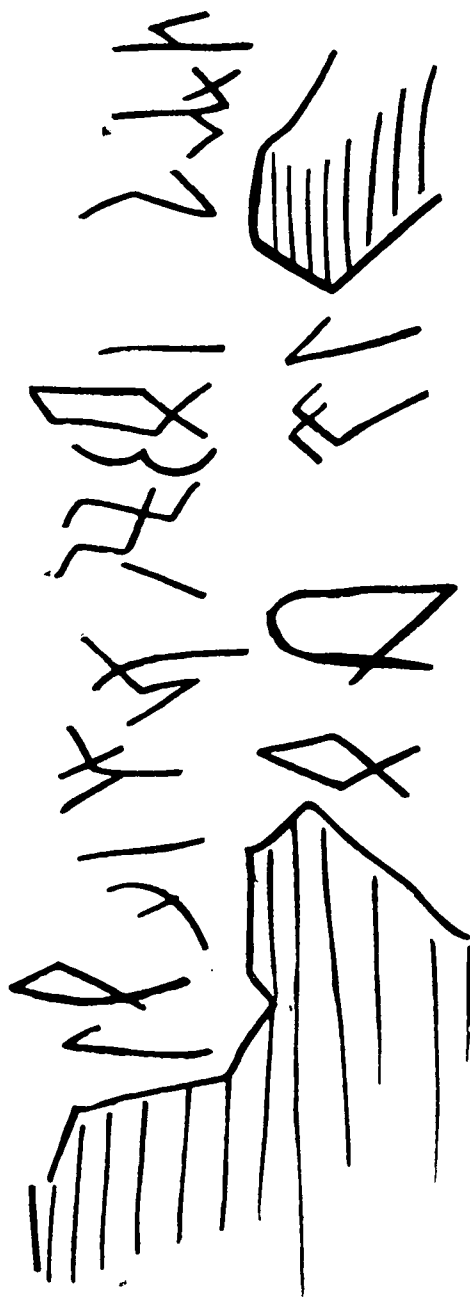

Рис. 5

помощи подсветки зеркалом, позволили остановиться на окончательном варианте части знаков.

Южная сторона

Транскрипция:

1. Sülär ärtin jan... jaš äš ač bän äñitdim... dä kün aj...
2. ... juš... baš bän...

Перевод:

1. «Ты водил войска, побеждал!» (?). Молодого Эш Ача³ я заставил склониться [подчиниться]. На [небе] солнце и луну [перестал ощущать]⁴.
2. ... Горные леса... горные вершины я...

Юго-западная сторона (рис. 5)

Транскрипция:

1. ... säbinč ... saŋa bi ...
2. [al]p är ∞ b[äg].

Перевод:

1. ... радость ... тебе дал (?) ...
2. Герой --- муж, бег [тамги] ∞ .

Надпись на юго-западной стороне настолько сильно разрушена, что восстановлению поддаются только отдельные знаки и поэтому прочтение ее весьма условно.

Располагая столь кратким текстом, выполненным к тому же, судя по всему, неопытной рукой (о чем говорят неодинаковые промежутки между знаками, разная высота последних, частые срывы и повторные царапины вдоль ломаных и округлых линий), нельзя быть полностью уверенным в правильном чтении всех знаков памятника. С. Е. Малов называл подобные краткие рунические надписи «загадочными и ребусовидными» и говорил о том, что чтение и перевод их «весьма и весьма предположительны»⁵.

³ Ач — этноним: ačda bän — «я из [рода] ач». (См.: М. И. Боргояков. Материалы по лексике хакасского языка. — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. XI, 1965, стр. 174—185).

⁴ Ср.: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952, памятники №№ 10, 11, 44, 45.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 68.

РЕЦЕНЗИИ

G. DOERFER. KHALAJ MATERIALS*

«Халаджские материалы», изданные Г. Дёрфером в сотрудничестве с его учениками В. Хеше, Г. Шейнгардтом и С. Тезджаном, представляют собой, по существу, очерки по сравнительной фонетике тюркских языков с использованием материалов халаджского языка. В книге в той или иной мере затрагиваются и по-новому освещаются почти все основные проблемы тюркской фонетики, что создает определенные трудности для рецензента: рецензирование может легко превратиться в обсуждение тем, не имеющих прямого отношения к халаджам. Во избежание этого мы решили ограничиться краткой характеристикой содержания книги, описанием и оценкой современного состояния халаджских штудий и перечнем рассматриваемых Г. Дёрфером общетюркологических проблем. Критический разбор взглядов Г. Дёрфера по вопросам сравнительной фонетики тюркских языков, лишь отчасти сформировавшихся под влиянием его знакомства с халаджским языком, будет сделан в специальных статьях.

Данная книга является частью задуманного Г. Дёрфером фундаментального труда о халаджах, их языке и истории¹. Она состоит из 16 разделов, первый из которых — «Предисловие» (стр. 1—15), второй — «Отчет об экспедиции 1968 года» (стр. 17—21), третий — «Распределение и этнические смешения халаджей» (стр. 23—32), четвертый — «Библиография и сокращения» (стр. 33—37), пятый — «Материалы трех диалектов» (стр. 39—57), шестой — «Материалы Мокаддама» (стр. 59—137), седьмой — «Фонология, согласные» (стр. 139—147), восьмой — «Фонология, гласные» (стр. 149—158), девятый — «Некоторые основные черты диалектического развития» (стр. 159—167), де-

сятый — «Диалектные различия» (стр. 169—170), одиннадцатый — «Халаджский язык = новый аргу» (стр. 171—174), двенадцатый — «Халаджский язык — самостоятельная тюркская языковая группа» (стр. 175—181), тринадцатый — «Проблема длительности гласных» (стр. 183—267), четырнадцатый — «Этимологический словарь тюркских слов халаджского языка» (стр. 269—311), пятнадцатый — «Фотографии» (стр. 315—336), шестнадцатый — карта (стр. 337).

Территория, занимаемая халаджами, расположена в Центральном Иране, в 200 км юго-западнее Тегерана. Халаджей около 17 тысяч, живут они в 46 населенных пунктах, причем в некоторых из них население смешанное (халаджи и азербайджанцы или халаджи и персы). Небольшое количество халаджей живет среди кашкайцев. Выделяются две основные группы говоров халаджского языка: северная и южная. Следует отметить, что халаджский язык лучше сохранился среди женской части населения. Дети же, как правило, не говорят на родном языке, особенно в западной части халаджской территории, подвергшейся сильной иранизации. Большинство халаджей владеет персидским и азербайджанским языками, преподавание в школах ведется на персидском языке.

Материалы по халаджскому языку впервые были собраны в начале нынешнего века В. Ф. Минорским, опубликовавшим их в 1940 г.² В 1939 г. сбор халаджских материалов был продолжен М. Мокаддамом, который издал их с введением, переводом и комментариями в 1941 г. То обстоятельство, что В. Ф. Минорский и М. Мокаддам не являлись тюркологами и то, что работа М. Мокаддама была издана на персидском языке, по мнению Г. Дёрфера, сыграло решающую роль в недооценке открытия ха-

* Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 115. Bloomington, 1971, 337 стр.

¹ Планируется издание еще трех томов: II. Тексты, III. Грамматика, IV. Лингвистический атлас.

² V. Minorsky. The Turkish Dialect of the Khalaj. — «Bulletin of the School of Oriental Studies», X, 2. London, 1940, стр. 417—437.

ладжского языка. Кроме того, как отмечает Г. Дёрфер, один из информантов, на которого больше всего полагался В. Ф. Минорский, смешивал халаджские слова с азербайджанскими, вследствие чего материалы, опубликованные В. Ф. Минорским, были восприняты как азербайджанские³ и не привлекли внимания тюркологов.

Сам Г. Дёрфер, судя по всему, заинтересовался халаджским языком в 1967 г., когда в связи с подготовкой статьи для «Current Trends in Linguistics, Vol. VI» начал знакомиться с литературой о тюркских языках в Иране и приобрел работу М. Мокаддама. В следующем году появилась его первая статья о языке халаджей, написанная на основе публикаций В. Ф. Минорского и М. Мокаддама⁴. Затем в разных странах и на разных языках, включая русский, было опубликовано еще несколько статей, в значительной мере совпадающих по содержанию с первой⁵.

Весной 1968 г. в Иран отправились студенты Г. Дёрфера — В. Хеше, Г. Шейнгардт и С. Тезджан, находившиеся среди халаджей около месяца, посетившие 34 населенных пункта и записавшие на пленку большое количество текстов, предложений и отдельных слов: числительных, терминов родства и т. д. На месте были проверены также слова одного из халаджских говоров (Тальхаб), извлеченные из работы М. Мокаддама. По возвращении обратно члены экспедиции совместно с П. Раджаби, под руководством Г. Дёрфера, прослушали магнитофонные записи и составили списки слов по говорам Тальхаба, Мансур-абада и Хальт-абада, ставшие одной из частей подготовленного в конце 1968 г. и представленного для публикации первого тома «Халаджских материалов».

В 1969 г. у халаджей побывала вторая экспедиция в составе Г. Дёрфера и его студен-

тов С. Тезджана и П. Раджаби, собравшая новые материалы.

Возвращаясь к рецензируемой книге, отметим, что собственно халаджские материалы в ней — это упомянутые выше списки слов, перечень фонем халаджского языка и их аллофонов и уместившийся на одной странице морфологический очерк. Фонологическая интерпретация в большинстве случаев опирается не на факты, полученные в результате специального исследования, а на концепцию, сложившуюся в основных чертах до ознакомления Г. Дёрфера с халаджскими материалами⁶.

Халаджские материалы в первом томе располагаются в следующем порядке: сначала приведен список слов тальхабского говора в сравнении с теми же словами из записей М. Мокаддама (319 слов), затем списки слов из говоров Мансур-абада и Хальт-абада (111 слов) и в конце воспроизводится персидский оригинал работы М. Мокаддама.

В разделах по фонологии дана характеристика согласных фонем халаджского языка

/k, g, n, ɟ, j, t, d, n, p, b, f, v, m, y, r, l, ʃ,

ʒ, s, z, h/ и их аллофонов. Что касается гласных, то выделение их неопределенно. Г. Дёрфер называет семь кратких гласных фонем (a, o, u, ä, ö, ü, i) и, переходя к анализу количественных различий, устанавливает три градации гласных на фонологическом уровне: 1) долгие гласные с движением тона (with moved pitch)⁷; 2) долгие гласные без движения тона (with level pitch)⁸; 3) краткие гласные. Однако полный перечень долгих гласных фонем отсутствует: указывается какой-либо один гласный и далее следует многоточие, раскрывать которое рецензент, естественно, не вправе. Впрочем, это и невозможно сделать, так как нет достаточной уверенности в том, что уст⁹навливаемые Г. Дёрфером оппозиции типа $\bar{a}/a$ являются фонологическими: неоднократно подчеркивается тенденция к сокращению простых долгих даже в ударной позиции вообще и факультативно — при беглом произношении. Кроме того, дезориентируют отдельные высказывания автора, подобные имеющимся на стр. 155 («Фонематическое различие существует только между $\bar{o}$ и o, $\bar{u}$ и u,

³ См.: K. H. Menges. Research in the Turkic Dialects of Iran. Preliminary Report on a Trip to Persia. — «Oriens», 4. Leiden, 1951, № 2, стр. 278, 279.

⁴ G. Doerfer. Das Chaladsch — eine archaische Türkische Sprache in Zentralpersien. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 118, 1. Wiesbaden, 1968, стр. 79—112.

⁵ Das Chaladsch, eine neuentdeckte archaische Türkische Sprache. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Supplementa I. Wiesbaden, 1969, стр. 719—725; Iran'daki Türk dilleri. — «Türk Dili Araştırmaları Yılığı. Belleten 1969'dan aygırlanmış». Ankara, 1969, стр. 4—8; Die Türkischen Sprachen Irans. — Там же, стр. 16—20; О состоянии исследования халаджской группы языков. — «Вопросы языкознания», 1972, № 1, стр. 89—96 (последняя статья содержит подробные сведения о материалах, собранных первой и второй экспедициями, и о записях, сделанных в Гёттингене, стр. 91—94).

⁶ Экспериментальное исследование звуков халаджского языка намерен осуществить в ближайшее время А. Орусбаев, которому Г. Дёрфер любезно предоставил пленку с записью текстов.

⁷ Иначе: дифтонгические долгие ($\bar{a} = aa$).

⁸ Иначе: простые долгие ($\bar{a}$).

⁹ Здесь и ниже применяется фонологическая транскрипция, используемая самим Г. Дёрфером, иногда с небольшими, чисто техническими изменениями: долгота гласных обозначена не двоеточием сбоку, а чертой сверху; косые скобки фонем опущены; квадратные скобки аллофонов воспроизводятся по мере необходимости.

$\bar{o}$ и $\bar{ö}$, но не между $\bar{a}$ и a^{10} и т. д.». «Фонологически мы можем сказать, что фонема $\bar{a}$... репрезентируется гласными $[\bar{a}]$..., $[\bar{a}^o]$..., $[\bar{u}^o]$... и даже иногда краткими гласными...») и на стр. 158 («Таким образом налично следующая тенденция: $\bar{a}$... > a ... > a ..., но старая количественная система еще сохраняется»). Безусловно, абсолютных величин долготы гласных, не зависящих от комбинаторно-позиционных условий и стилей речи, не бывает, но есть определенный порог фонологической различимости долгих и кратких гласных, на существование которого не влияют ни комбинаторно-позиционные условия, ни темп речи.

В разделе «Некоторые основные черты диахронического развития» рассматриваются фонетические признаки, отличающие халаджский язык от азербайджанского, например, отсутствие перехода начальных k , t в g , d (ср. халадж. *kün* 'день', *til* 'язык', азерб. *gün*, *dil*), сохранение y в начале слова перед i (ср. халадж. *yil* 'год', азерб. *il*) и т. д. Кратко охарактеризованы последствия влияния персидского языка: лабиализация $\bar{d}$, $\bar{a}$, a , изменение $\bar{i}$ в i , смещение лексики.

Говоря об отношении халаджского языка к древнетюркскому, точнее к пратюркскому, Г. Дёрфер указывает, что в пратюркском было не восемь, а десять или двенадцать гласных, не считая количественных градаций и дифтонгов. Дополнительные фонемы, по сравнению с предыдущими реконструкциями, — $*e$ (нечто среднее между $\bar{a}$ и i) и $*\bar{e}$ (нечто среднее между a и $\bar{i}$), существование которых допускается и в не-первых слогах. В области консонантизма автор отмечает:

изменение пратюркского $*\bar{n}$ в халаджском языке в n ($*q\bar{o}p$ 'овца' > qop , $*k\bar{o}p$ 'гореть' > $k\bar{o}p$); сохранение интервокального d (*hadaq* 'нога', *quduŋuq* 'хвост', *udu* 'спать'); сохранение начального h < пратюркского $*p$ (ср. др.-тюрк. *oŋta* 'войлок', монг.-п. *hoŋimasuŋ*, маньчж. *foŋop* 'портянка', др.-маньчж. $*romop$, $*roman$). Последней проблеме уделено особое внимание, и поэтому необходимо более подробно осветить ее в рецензии.

Оригинальная часть концепции Г. Дёрфера заключается в следующем. Халаджский — единственный из тюркских языков, полностью сохранивший начальный h (< $*f$ < $*p$). Тюркские слова с начальным h прослеживаются также в монгольском письменном языке, а с начальным f — в маньчжурском, и, таким образом, первый из них обнаруживает довольно поздние заимствования из

тюркских языков, тогда как второй — более ранние. Есть случаи, когда начальный h , о наличии которого в пратюркском языке свидетельствуют халаджские материалы, в монгольском письменном языке отсутствует, например: *öŋtege* 'накидка', *ege* 'мужчина'. Эти слова заимствованы монголами не из древнебулгарского, а из какого-то другого тюркского языка, в котором начальный h был утрачен. Регулярное проявление h в халаджском языке означает, что в данном отношении он самый архаичный из тюркских языков, «даже более архаичный, чем язык рунических надписей VII века, утративший h очень рано...». В заключение Г. Дёрфер приводит четыре доказательства того, что халаджский язык сохранил в начальном положении пратюркскую оппозицию $*p(>h)/0$ (нуль): 1) в халаджском языке много слов с начальным h ; 2) нет примеров с вторичным h , кроме *haŋga* 'пила' < перс. *āḡge*; 3) начальный h регулярен в производных формах; 4) слова с начальным h и без него в халаджском языке приблизительно равны по количеству, так что мы имеем «количественно-уравновешенную оппозицию».

Не углубляясь в рассмотрение деталей проблемы начального h , выскажем свои соображения главным образом по поводу приведенных выше доказательств. Ситуация с проявлением начального h — несколько иная, чем кажется Г. Дёрферу. Начальный h нередко выступает и в других тюркских языках. Так, в диалектах тувинского языка зафиксировано приблизительно двадцать слов с h , а в диалектах азербайджанского — около тридцати¹¹. Пример с вторичным h в халаджском языке — *haŋga* 'пила', возможно, — единственный. Будут ли обнаружены другие примеры, неизвестно, да это и не имеет существенного значения. Чрезвычайно важен сам факт наличия вторичного h , и не только в халаджском, но и в других тюркских языках, ср. азерб. (диал.) *havos* 'овес' (< рус.), *haḫčix* 'девочка не-азербайджанка' (< армянск.), *hālvātdā* 'конечно' (< араб.); *rar. hateš* 'огонь' (< перс.), *her* 'если' (< перс.), *hadet* 'обычай' (< араб.); тув. (диал.) *haŋi* 'пчела' (< перс.); уйг. *häsäl* 'мед' (< перс.). Приблизительное равенство количества слов с начальным h и без него в халаджском языке отнюдь не доказательство существования в тюркском праязыке оппозиции $*p(>h)/0$ (нуль): в ходе дополнительного обследования говоров халаджского языка оно может постепенно преобразоваться в совершенно очевидное неравенство. В связи с этим следует сказать, что многие слова, праформы которых Г. Дёрфер, исходя из материалов халаджского языка, реконструирует с начальным нулем, выступают в тех или иных тюркских языках

¹⁰ В других публикациях примеры противопоставления простых долгих и кратких гласных включают слова с $\bar{a}$ и a , ср. *bāš* 'голова', *haŋ* 'лошадь'. См.: G. Doerfer. Die Türk Sprachen Irans, стр. 17.

8 «Советская тюркология», № 2

¹¹ Подробнее см. в статье: «О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского праязыка», недавно подготовленной нами к печати.

с *h*, ср. халадж. *amrūt* 'груша' (rar. *harmut*), *ālomla* 'яблоко' (rar. *halma*), *ūon* — 10 (тув. диал. *hon*), *oʷul* 'сын' (тур. диал. **oʷlan*, ср. болг. *hōlan*)¹². Необходимо отметить также, что в ряде случаев, там, где в халаджском языке нет *h* и где Г. Дёрфер восстанавливает в праязыке 0 (нуль), в джушском говоре узбекского языка и в чувашском языке оказывается *u*, ср.:

халадж.	узб. (диал.) ¹¹	чуваш.
<i>aġta</i> 'шесть'	<i>valī</i>	<i>ulda</i>
<i>ūon</i> 'десять'	<i>von</i>	<i>vun</i>
<i>oʷul</i> 'сын'	<i>vulīm</i> 'мой сын'	<i>ivāl</i>
<i>iē ~ iūš</i> 'три'	<i>vūš</i>	<i>viš</i>

К сожалению, рассматривая проблему начального *h* в тюркских языках, Г. Дёрфер даже не пытается объяснить причину его особого положения в системе согласных. Почему *h* в начале слова резко противопоставлен всем прочим согласным спорадичностью проявления, а в середине и в конце, если не считать заимствованных слов и случаев позднего развития, вообще отсутствует? Имеется ли в тюркских языках еще какой-либо глухой (сильный) согласный, который обладал бы подобной дистрибутивной особенностью, то есть употреблялся бы только в начальной позиции? Мы глубоко убеждены, что именно в ответе на поставленные вопросы, а не в особом взгляде на материалы халаджского языка, находится ключ к правильному решению проблемы начального *h*.

К числу архаических черт халаджской морфологии Г. Дёрфер относит: употребление аффикса *-da* в значении исходного падежа, а аффикса *-ča* — в значении местного, использование форм типа *kašgūli* (<**kāšgūli* < **kāšgūli*, в сочетании *kašgūli* *yil* 'продолый год'), тридцатичислительный счет (*ākki ottuz* — 60, *ākki ottuz on* — 70), наличие порядковых числительных *birminči*, *üčminči*, *törtminči*.

Сделаем несколько замечаний. Для аффикса *-ča* ~ *-če* в тюркских языках характерны самые разнообразные значения, в частности уподобительное, местное, направительное, ср. др.-тюрк. *otča* *boğča* 'подобно огню и (?)'; тув. *хетсе* 'к реке', *хōйсе* 'к озеру'. Учитывая обоснованность предположения о развитии *-ča* из послелога **ča*q (**ča*q-*li*), древнейшим из них следует считать уподобительное, или уподобительно-ограничительное, значение. Форма *kašgūli* образова-

на, вероятнее всего, от отглагольного имени *kašgū* (<**kāšgū*), причем отглагольные имена *kāšgū* и *kāšgū* различны по происхождению. Далее. Исследователи тюркских языков приводят многочисленные примеры счета по трем, пяти, семи, девяти, тридцати, сорока и пятидесяти, ср. ст.-азерб. *üč otuz on yaşı olsun* (Насими) 'пусть ему будет сто лет', *on otuz on yaşında olsun* (Деде Коркуд) 'пусть ему исполнится сто лет', *ikki yığx—80*¹⁵; тур. *üç otuzunda piri fertut* 'выживший из ума старик, которому девяносто лет'¹⁶; туркм. (диал.) *iki otuz-da öpazayaz—70*¹⁷; туркм. *iki elli yaşı* 'живи сто лет'¹⁸. Однако едва ли нужно доказывать, что недесятиричные системы счета в тюркских языках имеют ограниченную сферу применения, и все, кроме счета по двадцати, несут на себе печать образного или мистифицированного словоупотребления. Порядковые числительные *birminči*, *üčminči*, *törtminči* не являются архаическими образованиями. Аффикс *-(i)minči* появился в результате присоединения тюркского аффикса *-inči* к пранской форме порядковых числительных. Не случайно он встречается в халаджском языке, в говорах азербайджанского языка¹⁹, а также у гёкленов, живущих в Иране²⁰, с одной стороны, и в талышском языке²¹ — с другой.

В лексике халаджского языка арханзмами, по мнению Г. Дёрфера, являются слова *day* 'нет', *är* (<**ärür*) 'есть', *küdān* 'свадьба', *baluq* 'населенный пункт', *va-* 'связывать' и другие.

Подводя итоги анализу халаджских материалов с диахронической точки зрения, Г. Дёрфер высказывается против установления какой-либо связи между пранскими ха-

¹⁵ См.: А. Элизадэ. Азербайжан дилинин јазылы абидаһәриндә сәјларын ифадә олунмасына даир (Мигдар сәјлары). — В кн.: «Азербайжан дилчилији мәсәләләри». Баки, 1967, стр. 118.

¹⁶ См.: В. А. Гордлевский. Числительное 50 в турецком языке (к вопросу о счете в тюркских языках). — «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», IV. М., 1945, 3—4, стр. 144.

¹⁷ См.: Дж. Амансариев. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1954, стр. 11.

¹⁸ См.: «Грамматика туркменского языка», I. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, стр. 157.

¹⁹ См.: И. М. Мамедов. Карягинские говоры азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1958, стр. 27; М. М. Джафарзаде. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1969, стр. 17; А. Б. Меджидова. Ленкоранский говор азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1970, стр. 19.

²⁰ См.: М. Пенжиев. Хәзирки заман түркхен дилинде санлар. Чәржев, 1962, стр. 153.

²¹ См.: Б. В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, стр. 129.

¹² См.: Я. Ш. Хертек. Дополнительные данные об улуғ-хемском говоре. — «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», XIV. Кызыл, 1970, стр. 227.

¹³ См.: М. Mollova. Étude phonétique sur les turcismes en bulgare. — «Балканско езикознание», XII. София, 1967, стр. 138.

¹⁴ См.: А. Ахмедов. Джушский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1962, стр. 8, 9, 17, 19.

ладжами и халаджами, упоминаемыми Махмудом Кашгари, и, сопоставляя разные языковые факты, приходит к выводу, что халаджи — потомки аргу.

Нельзя не признать убедительность доводов Г. Дёрфера и его заключения относительно большой близости халаджского языка к языку аргу и все же хотелось бы подчеркнуть необходимость продолжения этнолингвистических поисков. Халаджи — одно из древнейших тюркских племен или племенных объединений. Достаточно сказать, что в уйгурском варианте «Сказания об Огузе», где в рамках генеалогического предания объясняется происхождение тюркских этнонимов, они стоят в одном ряду с огузами, уйгурами, карлуками, кыпчаками и канглы²².

Согласно предложенной Г. Дёрфером классификации, халаджский язык образует самостоятельную ветвь тюркских языков, ср.: 1) чувашская, или булгарская, группа, 2) юго-западная, или огузская, 3) северо-западная, или кыпчакская, 4) юго-восточная, или уйгурская, 5) северо-восточная, или южносибирская, 6) якутская, 7) халаджская.

Самый большой раздел книги посвящен проблеме количества. Г. Дёрфер, опираясь на свою концепцию развития тюркского вокализма и на собственную интерпретацию системы халаджских гласных, реконструирует в тюркском праязыке трехчленную количественную оппозицию: 1) одноморные (краткие) гласные, 2) двухморные (долгие) гласные с ровной, или акутовой, интонацией, 3) двухморные (долгие) гласные с неровным, или циркумфлексным, движением тона.

При решении конкретных вопросов реконструкции Г. Дёрфер исходит из разнообразия соответствий гласных халаджского языка гласным туркменского и якутского языков, а также гласным в языке «Дивана» Махмуда Кашгари. Если в туркменском, якутском языках и в языке «Дивана» гласный — краткий, то в праязыке восстанавливается краткий гласный; если в туркменском, якутском языках и в языке «Дивана» гласный — долгий, в праязыке восстанавливается дифтонгический долгий; если же в туркменском и якутском языках гласный является кратким, а в диване выступает как долгий (например, باش 'голова'), в праязыке восстанавливается обычная долгота²³.

Данный раздел работы насыщен статистической информацией о совпадениях и расхождениях долготы-краткости в односложных словах и в первом и не-первых слогах многосложных слов.

Для подтверждения своей гипотезы Г. Дёрфер обращается к старописьменным

текстам «Кутадгу билиг» и «Атебет ул-хака'ик», к различным современным языкам. Высказывается, в частности, предположение, что в караханидский период пратюркские долгие стали уже полудолгими и что «в разговорной речи при беглом произношении они часто становились краткими или почти краткими» (стр. 213).

В реконструированной системе пратюркского вокализма — 50 или 60 гласных фонем (восемь обычно выделяемых гласных + *e*, *ê* и, с некоторыми оговорками, *o*, *ô* в трех количественных градациях, всего — 30 или 36; дифтонги типа *iâ*, *îâ*, всего — 20 или 24).

Предлагаемая реконструкция содержит много спорных и неясных моментов, тщательный разбор которых невозможно осуществить в рамках рецензии. Остается непонятной фонологическая позиция автора: не указаны критерии разграничения дифтонгических долгих гласных и дифтонгов, нет четкой формулировки различительных признаков дополнительно выделенных фонем. Г. Дёрфер, очевидно, не учитывает того обстоятельства, что долгие гласные фонемы, в особенности узкие, могут реализовываться в виде как монофтонгов, так и дифтонгов, и что в подобных случаях дифтонги представляют собой одну из конкретных форм реализации количественных различий. Так, на стр. 247 сделано следующее заявление: «Я всегда говорил, — пишет Г. Дёрфер, — что туркменский и якутский языки сохранили долгие гласные. Теперь я признаю, что они их не сохранили. Туркменский и якутский языки имеют не долгие гласные, а дифтонги».

Раздел «Этимологический словарь тюркских слов халаджского языка» начинается кратким перечнем проблем, которые, как полагает Г. Дёрфер, остались нерешенными или которые вообще неразрешимы. Среди них — ротацизм и ламбдаизм, наличие или отсутствие гласного в конце слова, не засвидетельствованного ни в одном из источников.

Приведем несколько образцов реконструированных Г. Дёрфером праформ: *almarût 'груша', *êġ 'голодный', *bâġ 'голова', *bêġ 'пять', *bûram 'нос', *ôp 'десять', *padâk (~ *padâk) 'нога', *pat 'лошадь', *pârâ (~ *pârâ) 'мужчина', *piegâġ 'дерево', *rot-taz 'тридцать'.

Книга Г. Дёрфера, безусловно, вызовет большой интерес у тюркологов. И хотя многое из того, что автор находит в халаджском языке, требует многократной и очень тщательной проверки (это относится прежде всего к количественной стороне гласных), усилия, приложенные им для введения халаджских материалов в сферу исследований тюркологов-компаративистов, заслуживают весьма высокой оценки.

А. М. Щербак

²² См.: А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 50, 95, 96.

²³ Критический разбор см. в нашей статье: «О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского праязыка».

Б. М. ЮНУСАЛИЕВ. КИРГИЗСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ*

Первые исследователи киргизского языка отмечали отсутствие в нем системы диалектов¹, хотя языковые факты, собранные в Северной Киргизии, и указывали на существование диалектных различий.

Подлинно научное исследование диалектов и говоров киргизского языка началось после революции (см. работы И. А. Батманова, К. К. Юдахина) и особенно широко развернулось в послевоенный период (см. работы Ш. Шукурова, К. Бакеева, Ж. Мукамбаева, Э. Абдулдаева и др.).

До выхода в свет рецензируемого труда Б. М. Юнусалиева изучение диалектов киргизского языка не было достаточно тесно связано с историей народа, и поэтому многие проблемы киргизской диалектологии оставались нерешенными. В частности, не было ясности в таких вопросах, как причины диалектного членения киргизского языка, география распространения диалектов и говоров, источники заимствований в разных диалектах.

В рецензируемой работе автор попытался осветить на некоторые из этих вопросов.

Монография Б. М. Юнусалиева состоит из пяти разделов, включающих по несколько глав.

В первом разделе помимо общих сведений о диалектологии как науке дается анализ существующих трудов по киргизским диалектам и излагаются принципы классификации последних.

В этом же разделе автор определяет место киргизского языка в семье тюркских языков и выделяет следующие этапы его становления и развития, связанные с историей киргизского народа: а) древний киргизский язык (IX—X вв.), б) средневековый киргизский язык (XI—XVI вв.), в) современный киргизский язык (с XVI в. до наших дней).

Развитие киргизского языка рассматривается в сопоставлении как с родственными, так и с неродственными языками. Глубоко аргументирован автором вывод о том, что диалектные различия имелись в киргизском языке еще в саяно-алтайскую эпоху. Автор убедительно доказывает существование диалектов в тьянь-шаньскую феодальную эпоху и приводит примеры фонетического и лексического сходства языков народов Сибири. Об этом свидетельствует общность слов *saа* — *saγa* 'тебе', *söök* — *söñök* 'кость', *eep* — *eγep* 'необитаемый' и их фонетическая близость в языках алтайцев, тувинцев, хакасов, киргизов, а также наличие в этих языках заимствованных в древности монгольских слов *bele* (вопросительная частица), *soñip* 'замечательный, хороший', *kaalga* 'деревянная створчатая дверь' и др.

* Б. М. Юнусалиев. Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе, 1971.

¹ См.: В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, т. V. СПб., 1885.

Родство киргизского и алтайского языков подтверждается следующими фонетическими, грамматическими и лексическими фактами:

1) появлением губно-губных дифтонгов и, как результат их дальнейшего развития, образованием долгих гласных нового типа; полным сохранением музыкальности звуков; употреблением звуков *z*, *s* как вариантов одной фонемы;

2) существованием показателя 3-го лица глагола *-tal barat* 'он идет', форм глаголов 3-го лица будущего времени: *al bara žatty* 'он шел';

3) активным употреблением в обоих языках слов: *uγ* 'корова', *šoγ* 'большой', *taap* 'галка', *tebetej* 'шапка мужская', *koγuj* 'охать', *ipšuk* 'подавать голос', а также наличием монгольских заимствований: *te-mele* 'мешочная игла', *šibege* 'шило', *torcu* 'пуговица', *kereez* 'завешание' и др.

Третий этап развития киргизского языка автор делит на три периода: а) могулистано-жунгарский (XVI—XVII вв.), б) с XVIII в. до Великой Октябрьской социалистической революции; в) советский период.

Первый период развития современного киргизского языка связан с переселением киргизов с Верхнего Енисея в Северный Туркестан и в горы Центрального Тянь-Шаня. В ту эпоху киргизы жили в непосредственной близости от уйгуров, через язык которых и проникли в киргизский арабизмы и фарсизмы.

Заимствование лексики особенно усилилось, когда вытесненные калмыками киргизы стали селиться в Каратегине, Гиссаре и Алае, где их соседями стали уйгуры, узбеки, таджики и казахи. Заимствовались в основном торговая, земледельческая и религиозная лексика: *par̄k* 'цена', *mildet* 'обязанность', *baa* 'цена', *taγara* 'весы', *dyjkan* 'дехканин', *apaγ* 'гранат', *teγiz* 'изюм', *beγiš* 'рай' и др.

Эти заимствования были общими для северного и южного диалектов киргизского языка.

В период с XVIII века до Великой Октябрьской революции киргизы, одержав ряд побед над джунгарами, обосновались в Чуйской и Ферганской долинах, в Нарыне, Таласе и на Иссык-Куле. Именно в это время начинается обособление диалектов киргизского языка. Северные киргизы в экономическом и политическом отношениях были теснее связаны с казахами, нежелая с южными киргизами. Поэтому арабизмы и фарсизмы, встречающиеся в южных диалектах, в северных отсутствуют.

Во второй половине XIX века Северная Киргизия вошла в состав России. Расширение экономических и культурных связей с русским народом привело к появлению заимствований из русского языка.

Качественно новый этап развития киргизского языка, начавшийся после победы Великой Октябрьской социалистической рево-

люции, связан с расцветом национальной культуры киргизского народа.

Привлекая материалы предыдущих исследователей, Б. М. Юнусалиев дает научно обоснованную классификацию киргизских диалектов. Он проводит четкую грань между северным, юго-восточным, юго-западным диалектами, выделяет в них несколько говоров и дает историческое истолкование причин их появления. В работе приводится характеристика лексических, фонетических и грамматических особенностей диалектов киргизского языка.

Фонетический раздел книги является одним из наиболее важных. Автор впервые исследовал в историческом аспекте возникновение и употребление в южных диалектах звука *ä*, появление в киргизском языке долгих гласных, а также небную и губную гармонию гласных.

В работе дается общая характеристика консонантизма диалектов и говоров, в сопоставлении с консонантной системой киргизского литературного языка и данными родственных языков. Автор указывает на факты изменения согласных в диалектах и говорах, объясняя причины этого явления. Глубоко исследуются комбинаторные и спонтанные изменения глухих звуков в различных сочетаниях, образование новых слогов и т. д.

Высокий научный уровень отличает и раздел «Морфология», в котором широко используется сравнительно-исторический метод исследования.

До Б. М. Юнусалиева киргизские диалектологи считали некоторые языковые явления присущими только юго-западным диалектам и говорам. Автор рецензируемой работы отмечает их наличие во всех диалектах и говорах киргизского языка (см. главы, посвященные глаголу, местоимению, числительным). Так, например, употребление указательного местоимения *al(o)* 'он' зафиксировано не только у ичкилчиков, но и в других диалектах и говорах (XIX—начало XX в.). Подобные факты представляют особую ценность для подготовки сравнительно-исторической и исторической грамматик киргизского и других родственных языков.

В разделе, посвященном диалектной лексике, рассматривается территориальная, социальная и стилевая дифференциация киргизских диалектов и говоров. Б. М. Юнусалиев показывает, что диалектная лексика сыграла значительную роль в обогащении и развитии киргизского литературного языка.

Труд завершается кратким словарем диалектных слов.

Хотя книга Б. М. Юнусалиева и не претендует на исчерпывающее описание всех особенностей киргизских диалектов, ее следует рассматривать как значительный вклад в изучение истории киргизского языка и его диалектов. Она разрешает многие спорные вопросы языка и сыграла свою роль при создании исторической фонетики и грамматики киргизского языка.

Т. Ахматов

Т. Р. РАХИМОВ. КИТАЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ. СЛОВАРЬ*

Рецензируемый Словарь по своему замыслу, содержанию и структуре представляет собой первый лексикографический опыт такого рода не только в уйгуроведении, как скромно указано в аннотации, но и вообще в отечественной лексикографии: мы получили свод лексических заимствований в одном языке из другого.

Теоретическая ценность исследования, которому предшествовал более чем двадцатилетний кропотливый труд автора, включая полевые записи в Синьцзяне, состоит, на наш взгляд, прежде всего в том, что оно раскрывает выразительную картину усвоения иноязычной лексики, вводит в научный обиход богатый материал, иллюстрирующий механизм взаимодействия двух разнотипных языков, показывает специфику как лексико-семантического, так и фонетико-морфологического освоения китаизмов одним из раз-

витых тюркских языков, каким является современный уйгурский язык в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

В настоящее время масштабы воздействия китайского языка на уйгурский и массового проникновения в последний китайских слов прежде всего, по свидетельству автора, путем централизованного введения их через официальные каналы массовых коммуникаций значительно расширились, а «некоторые своеобразные тенденции развития в языке синьцзянских уйгуров, с одной стороны, и в языке советских уйгуров — с другой» не только «наметились», как писал несколько лет назад А. Т. Кайдаров¹, но и проявляются все более отчетливо. Поэтому представляется особенно важным рассмотреть, на-

¹ См.: А. Т. Кайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 364.

* Изд-во «Наука». М., 1970, 350 стр.

сколько, при всех прочих экстралингвистических условиях², эти заимствования соответствуют внутренним закономерностям естественного развития языка вообще и уйгурского в частности: лексика каких тематических групп наиболее частотна и каковы пути ее семантического развития в составе заимствующего языка, каковы наиболее регулярные и продуктивные типы фонетико-морфологического освоения китаизмов, поскольку синтаксис остается на протяжении довольно длительного исторического периода почти непроницаемым ярусом при взаимодействии разнородных языков.

Известно, что легче всего заимствуются знаменательные имена, выражающие заимствуемые предметные понятия, для которых, естественно, отсутствуют номинации в данном языке. Уйгурский язык не составляет в этом отношении исключения. Издавна им заимствованы китайские: 1) меры веса: *čian*, *ping*, *liang*, *zing*, *dap*; меры длины: *sung*, *ci*, *zang li*; меры площади: *mu*, *šang*, *čin*; денежные единицы; 2) наименования овощей и цветов: *saj*, *ziusaj*, *lobo*, *lazagül* и др.; 3) наименования некоторых кушаний: *län-pän*, *tantu*, *mahur*, *tomu* и т. д.; 4) названия некоторых предметов домашнего обихода: *tung*, *zang*, *kangzä*, *zozä*, *kojzä*, *majpingzä*; 5) часть торгово-производственной лексики: *ašpuzul*, *danghana*, *šorag*, *kang*, *žoto*; 6) административная и военная терминология (наиболее подвижный слой лексики): *božang*, *gäžang*, *šangzung*, *potä*, *zap'jan*, *rajang*.

Фонетическое освоение китайских бичомов (а заимствуются китайским и из китайского в основном дзуслоги) в области согласных выражается в замене не собственных уйгурскому языку звуков — губно-зубного на губно-губной: *i* → *p*, *fang* → *rang*, аффрикат на спиранты: *c* → *s*, *cai* → *saj*. Наблюдаются веларизация либо палатализация китайских инициальных аффрикат³ *qi* → *či* и фисальных сонантов *cup* → *šung*⁴, случаи ассимиляционного чередования сонантов, например: *dalling* из *čanling*, *melliänzä* из *menliänzi*, а также образование закрытых слогов за счет сонорных, например: *ašpuzul* 'хлебная', *ziung* 'водка (ханжа)'.

В новых заимствованиях, которые составляют большинство, трудно увидеть фонети-

ческие изменения, так как написание слов латиницей, задуманное, по-видимому, как единая китайско-уйгурская орфография (вопрос правописания заимствованных слов обсуждается и у нас), не показывает специфики уйгурского произношения, тем более что орфоэпические нормы уйгурского литературного языка не разработаны.

В области гласных главный процесс — это монофтонгизация дифтонгов с усилением конечного гласного и утратой гланда, с проявлением сингармонизма лабиализованных: *ua* → *a*, *ao* → *o*, *ou* → *u*, *čantu* (турф.) → *o*, *čanto* (яркенд.), ср. кит. *chantou*.

Семантическая картина заимствований в составе уйгурского языка характеризуется в большинстве случаев, как показал автор, сохранением определенных, нередко вторичных значений слова, далеко не всегда покрывающих значения слова-источника, например, наиболее многозначное *ping* (*fen*) употребляется только как мера веса, площади, денежная единица и в значении «трудодень», но не в основном глагольном значении «делить».

Имеют место случаи дальнейшего семантического развития, приобретения словом новых значений, отсутствующих в языке-источнике, например, *rangsin* не только «спокойно», но и «вполне»: *rangsin jetydu*; *ganzing* не только «чистый», но и «правдивый, искренний»: *ganzing gār*. В других случаях значение, также в отличие от оригинала, сужается до почти терминологического: *ralg-čän* не «квартиплата», а «чаевые, взятка»; *širang* 'шалаш', но только в поле, на бахче; *täjtäjinmak* 'ковылять', от походки китайца, принадлежавших к высшим слоям общества (*taitai*), с заимствованными по старому обычаю ногами; *čänpän* не «узник», а «ссыльный» и т. д.

Представляют несомненный интерес новые фразеологические связи слов, возникшие на почве уйгурского языка и зафиксированные в словаре, например: *čäzä gärlük* 'любовый', *бука* 'цвета баклажана', *ziagär* 'утка (газетная)', *bir dačianpin bojini jok* 'нет ни гроша', *tangga čišilävalgandäk* 'как в рот воды набрал', *saj bo'majdu* 'кот заплакал' и др.

Наиболее ранние заимствования участвовали в образовании (путем сложения) китайско-уйгурских гибридных слов: *majpingzä*, *danghana*, *ašpuzul*, *moitungzä* ('шея + чурбан' — 'эшафот') — с определительными отношениями; *zänzupang*, *zühagül*, *lianghagü* — с определительными плеоназмами. (Последние характерны для заимствований вообще, ср. русск. кызылкумские пески, таяншанские горы, озеро Кукунояр, памятник суемир в просторечии и т. д.).

Большое количество заимствований с именным суффиксом *zu* (реже *er*) привело к частичному освоению этой служебной морфемы, например, в таком интересном слове, как *tyllazä* 'пугатель', в котором корневая морфема — уйгурская.

² В частности, уйгуроведам известно, что здесь играли роль и факторы лингвистической географии: наибольшее количество китаизмов наблюдалось в кумульском (хамийском), пичано-турфанском и урумчинском говорах, наименьшее — в кульджинском (илийском, таранчинском). Остальные говоры, носители которых наиболее многочисленны (аксу-кучарские, кангарские, хотанские, яркендские и др.), занимали среднее место.

³ Причем они наиболее частотны в системе китайских слогоморфем.

⁴ Отмечено в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) с подтверждением текстом из Махмуда Кашгарского.

Однако чаще служебная морфема китайского биньма воспринимается как **корневая**, таково послеложно-именное сочетание kang-šang 'лежанка', глагольные сочетания: baŋ-gla, žangla, pali, bola, bolak (с наложением уйгурской именной категориальной морфемы -ak), где второй слог — это первоначально модально-временной суффикс. Дело в том, что китайский односложный глагол, по замечанию В. М. Солнцева, всегда ищет опоры до двуслога.

И все же все эти старые заимствования оформлялись специфическими уйгурскими аффиксами и органически вливались в текст: baŋlašmak, bolavalaydum, palimak, žinglimak, чего во многих случаях нельзя сказать о новых и новейших заимствованиях. Круг этих китаизмов необычайно расширился и охватывает целые массивы общественно-политической, научно-технической и военной терминологии, проникая посредством литературы и в ряде случаев «вытесняя» соответствующие арабо-персидские и русские слова⁵.

Вообще в ходе социальных преобразований словообразовательная активность языка резко возрастает, активизируется и заимствование лексики из наиболее развитого языка, являющегося ведущим в данном государстве. Новые общественные отношения, в частности, проявляются в многочисленных вновь осваиваемых *nomina agentis*, включая заимствованные. Это обстоятельство дало основание автору специально выделить некоторые китайские агентивные суффиксы: uŋan, shou, jia, sheng, широко распространенные в уйгурском языке и требующие осмысления.

Поряду с этим приходится считаться с устойчивыми элементами многочисленных *composita*, столь характерных для китайского языка: zhang 'руководитель', fu 'заместитель', dian 'электро-', dang 'парт-', например: dangling 'партстаж', ji 'машина', qi 'прибор' и др. Некоторые из них выступают аффиксантами и аффиксами и корреспондируют с греко-латинской номенклатурой европейских языков, например: xie '-логия', ji и biao '-метр', zhuuyi и lun '-изм' и т. д. Ср. также параллель qing — англ. ball 'мяч', хотя вместо новоуйгурского zučing 'футбол' так и просится putbol со случайным, но желательным совпадением семантики первого члена сложения после фонетической адаптации.

Обращение к китайскому языку как источнику пополнения лексики, по-видимому, надолго определит развитие уйгурского литературного языка в СУАР, и это обстоятельство, безусловно, как указывает автор,

в какой-то мере отдаляет уйгурский язык в Синьцзяне от языка советских уйгуров. Однако таковы же экстралингвистические условия, в которых успешно развивается целый ряд языков, например (на территории нашей страны), иранский (по генетическому родству) таджикский, романский молдавский, монгольский калмыцкий, китайский дунганский и др.⁶

Поэтому речь может идти, очевидно, прежде всего о способах освоения китаизмов, которые должны максимально учитывать своеобразие и самобытность уйгурского языка, его собственные языковые ресурсы и способствовать их выявлению, используя сходное, но не переступая типологических границ.

С этой точки зрения представляются лингвистически оправданными заимствование корней, оформляемых специфически уйгурскими аффиксами, например: žing+lik, žinglimak; jurang+či+lik kilmak; более новые gangči 'сталевар', žiodučī 'корректор', piringči 'критик', а также сложения имен, где один из членов — заимствование: šan-grarak, zānzynang, zūhagūl.

Также целесообразны, на наш взгляд, биньмы, представляющие собой сокращения четырехсложных номинаций; сокращения эти регулярны, являются принадлежностью разговорной речи, экономны, например: zengvej из zengzu vejjan 'политический комиссар'.

Но едва ли лингвистически оправданы названия типа žu:angči, ženglunziaci, тогда как могло бы быть šuifači вместо šuifa 'экспедитор'.

Представляется неоправданным и неэкономным введение синонимических иноязычных аффиксов и словоэлементов, не имеющих традиционного употребления в уйгурском языке (подобно zu или er), например, ži и lun 'учение, доктрина (-изм)', ži и biao 'прибор (-метр)' и др.

Только игнорирование словообразовательных возможностей уйгурского языка могло породить такое словосочетание, сегодня уже непонятное советским уйгурам: šengvusō šipin šiziženī (стр. 204), в котором может разобратся разве только китаист.

Наконец, известно также, что основная структурная особенность китайской лексики — это почти безграничная омофоничность⁷, преодолевающаяся благодаря разному тонированию и ударению, различным синтак-

⁶ Китайский язык также воспринял ряд уйгурских слов, главным образом экзотизмов: kushi из уйг. kučälä (русс. диалектн. *кучеляба* — растение и клубни *Strychnos nux vomica*), suona 'зурна', qiaran 'чапан', pang 'хлеб' и др.

⁷ По нашим данным, китайская слогоморфема yī имеет 120 омофонов, jī — 109, yǔ — 93, fū — 89, zhī — 83, xī — 81 и т. д.; всего около 150 слоготипов имеют не менее 20 омофонов каждый. Подсчет производился по словарю Синьхуа (8 тыс. иероглифов. Пекин, 1962).

⁵ А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 383. В газете «Синьцзян жибао» от 21 марта 1960 г., в связи с публикацией латинизированных алфавитов для китайских уйгуров и казахов, прямо указывалось на необходимость «прекратить заимствования из иностранных языков, а пользоваться только китайскими».

сическим позициям, оформленности аффиксами и, главное, благодаря иероглифике. Однако в уйгурском языке, не имеющем соответствующих структурно-типологических оснований и пользующемся фонетическим письмом, массовое внедрение китаизмов может даже, при фонетической адаптации, умножить количество омофонов и в известной степени нарушить коммуникабельность языка. Уже сейчас в уйгурском языке немало омофонов китайского происхождения, например: *syzu* I 'линейка', II 'шахматная фигура' (кит. qí); *gang* I 'сталь', II 'пост'; *ban* I 'доска', II 'набат'; *bogung* I 'подрядчик', II 'строгальщик'; *raj* I 'взвод' (воен.), II 'игральные карты'; *zing* I 'мера веса', II 'ночная стража', III 'чистый, натуральный' и др. Автор решил труднейшую задачу, восстановив для каждого омонима его этимон в иероглифике, и образцово разработал словарные статьи, касающиеся омофонов.

Весьма значительно также число паронимов, языковое восприятие которых уйгурами выразилось в устойчивой сентенции, приведенной, кстати, в словаре: *Hitaj káshini haj dájdu, turup čatıyuni sāj dájdu*.

Все это составляет, пожалуй, главную негативную сторону массового внедрения китаизмов в уйгурский язык, осуществляемого без учета структурно-типологических особенностей последнего.

Некоторые высказанные выше соображения возникли при чтении словаря, благодаря собранному в рецензируемом издании богатейшим сведениям, подкрепленным сложным и многообразным научным аппаратом. Достаточно сказать, что в словаре приводятся четыре вида графики: арабская, которой пользуются синцзянские уйгуры, иероглифика (восстановление которой для старых заимствований, по словам Н. А. Баскакова, «в настоящее время представляет значительные трудности»⁸), и все же успешно осуществлено автором), китаизированная латиница, применяемая в качестве транскрипции¹⁰ для уйгурского языка в СУАР, и кириллица, принятая у советских уйгуров¹¹.

Опираясь на работы отечественных исследователей-уйгуроведов и синологов, привлекая в ряде случаев материалы зарубежных авторов, в первую очередь известного шведского тюрколога Г. Ярринга, Т. Р. Рахимов уточняет, дополняет их, нередко исправляя

ошибки, и приводит ценнейший этнографический и фольклорный материал, переключаясь в манере подачи со знаменитым словарем В. И. Даля.

Нельзя не указать в этой связи, что ряд китайских локализмов, используемых и в русском языке, лексикографически зафиксирован впервые (ведь словарь фактически трехязычный!). Сюда входят наименования малых народов КНР: *мяо, чжуан, и, буи, яо, бай, туцзя* и др.¹² с указанием их численности и мест расселения, а также ставшие фактами газетно-публицистического стиля русского языка 60—70 гг. XX в. лексемы: *дацзыбао, хунцзыбины, цзаофани*. Словарь по существу впервые этимологизирует и такие слова, как *чесуча, манты, лагман*, известные в других тюркских языках и в русском литературном языке в Средней Азии (возможно, именно благодаря посредничеству уйгурского языка).

Данный Словарь, надо полагать, уже стал настольной книгой всех уйгуроведов и переводчиков, его можно рекомендовать также лингвистам-типологам и этимологам, в первую очередь тюркологам и китаистам.

Вместе с тем совершенно ясно, что в такой сложной лексикографической работе невозможно было избежать отдельных неточностей.

Прежде всего следует отметить неточности, допущенные при восстановлении иероглифического написания заимствований. Укажем важнейшие из них: *āgzang* — не от *erzhong* 'две+расы' (стр. 42), а от *erzhuan* 'два+превращение, пере-', ср. русск. вульгаризм *переродок*; *ziagār* — не от *zha* 'обманывать' (стр. 76), а от *jia* 'фальшивый'. На стр. 224 *kangšang* 'лежанка' возводится к *kang* 'лежанка' и *xiang* 'ящик', тогда как здесь имеет место очень любопытный случай заимствования слова, оформленного послелогом: «на кане» (см. выше). Ср. китайский фразеологизм *kangshang dixia* 'на кане и на полу' (то есть женская работа в доме)¹³. На стр. 159 имеется аналог *dodišang*, совершенно верно интерпретированный. На стр. 228 *ganggung* 'богатырь' — отнюдь не от *guanggun* 'бродяга', букв. 'голый кол', а от *Guan gong* — такой почетный княжеский титул носит любимый герой китайского народа Гуань Юй, живший в эпоху Троецарствия (220—280 гг. н. э.), позже канонизированный. Незаурядный ум, благородство, большая физическая сила Гуаньгуна, популярные у многих поколений благодаря историческому роману и многочисленным театральным инсценировкам, вошли в поговорку, заимствованную уйгурским народом.

¹² Здесь нужно полностью согласиться с И. Г. Добродомовым: этнонимы как имена собственные следовало бы писать с заглавной буквы. См.: И. Г. Добродомов. [Рец.] Сб. «Этнография имен». М., 1971. — «Вопросы языкознания», 1972, № 3, стр. 152.

¹³ См.: «Китайско-русский словарь», под ред. проф. И. М. Ошанина. М., 1952.

⁸ Отмечено в «Древнетюркском словаре».

⁹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II, стр. 35.

¹⁰ В настоящей рецензии мы пользуемся для транскрибирования китайских слов латиницей как общепринятой в китаистике, а для уйгурских — транскрипцией, принятой журналом «Советская тюркология».

¹¹ Приятно отметить, что автор привлек к техническому оформлению квалифицированных каллиграфов, а издательство осуществило ротационную печать, исключаящую ошибки при сложном наборе.

Хотя автор и оговорил, что в некоторых случаях «не удалось установить написание исходного китайского слова» (стр. 35), тем не менее для таких слов, как *lingzā* 'слива', *gōto* 'скелет, кость', *lungzā* 'очаг, печь', *gāj-zang* 'квартирный старшина', иероглифические написания очевидны с учетом, конечно, регулярных случаев фонетических изменений и первоначального китайского звучания, нередко диалектного или архаичного.

Встречаются неточности в толковании слов и переводе их на русский язык. Например, *taṅgaṅ* (стр. 64) — это не «печенье или пирожное», а гораздо более дешевое дунганское зимнее лакомство — «хрупкая пастила», желтоватого цвета, приготовляемая из патоки и муки, порой посыпанная кунжутными семенами, легко тающая в тепле. На стр. 143 *hujuju* переводится как «мусульманин», в широком понимании значения слова, что иногда верно, но коль скоро речь идет о языке синцзянских уйгуров, то так обычно называют дунган¹⁴. На стр. 137 автор повторяет буквальный перевод Г. Ярринга *ho ta* 'Is it good?' («хорошо ли?»), между тем эта фраза употребляется как элемент речевого этикета и означает приблизительно «Как дела? Привет!» (*How are you?*). На стр. 130 *čuvejduj* переводится «отряды красных охранников», тогда как у нас, в Советской России, это «отряды красногвардейцев» (слово-историзм). Ср. *хунзэйбины* — красные охранники в Китае 60-х гг. На стр. 87 *zupghajan* 'сигареты китайского производства' следовало бы перевести как 'сига-

реты марки «Чжунхуа» (то есть «Китай»); это прагмоним, а производства эти сигареты, конечно, китайского. На стр. 195 *šosi-anduj* — не «молодая гвардия», а «пионерская организация».

В некоторых случаях полисемии русского слова автору следовало бы дать к переводу контекстуальные пояснения, например: *ziāṅtang* 'аудитория (помещение)', *dajzin* 'эквивалент (денежный)' и т. д.

Желательно было бы видеть больше стилистических помет, особенно к общественно-политической, административной и военной лексике как наиболее изменяющейся во времени.

Сделанные замечания, по существу, адресованы автору не как уйгуроведу, а как китаисту и ни в коей мере не умаляют общей высокой оценки рецензируемого Словаря.

Советская уйгуристика, давно признанная ведущей в мировой науке, располагает обширными лексикографическими материалами — за годы Советской власти у нас вышло семь словарей, не считая более специальных и местных изданий, а также лексикографических данных в многочисленных статьях и монографиях¹⁵. И Словарь Турсуна Рахимова, ответственным редактором которого по сложившейся традиции является видный советский тюрколог проф. Н. А. Баскаков, несомненно, займет должное место в ряду соответствующих справочных изданий.

О. А. Мизин

¹⁴ См. подробнее: О. А. Мизин. Китайская литература о дунганах. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. VIII. Алма-Ата, 1960, стр. 219—224.

¹⁵ Напомним для сравнения, что в Китае, где проживает основная масса уйгуров, за все время было издано только два кратких словаря уйгурского языка (в 1953 и 1963 гг.), на которых к тому же лежит печать лингвистического дилетантизма.

JAMES RUSSELL HAMILTON. LE CONTE BOUDDHIQUE DU BON ET DU MAUVAIS PRINCE EN VERSION OUIGOURE*

Публикации и исследования древнеуйгурских памятников из Восточного Туркестана показали, что многие легенды и предания, некогда бытовавшие в Центральной Азии, в том числе и вошедшие в состав буддийского канона, были освоены уйгурами и трансформированы в соответствии с их языковыми и литературными традициями, составив особый пласт древнеуйгурской литературы. Период наивысшего расцвета этой литературы предположительно относится к IX—X вв. н. э.

К классическим образцам древнеуйгурской прозы указанного периода относится сказание о добром и злом принцах, в основу ко-

торого легла одна из нескольких, имеющихся в буддийской литературе версий этого сюжета.

Язык уйгурской версии сказания, будучи в своей основе классическим древнеуйгурским, отличается особой простотой, «безыскусственностью и народностью»¹ и использует кое-где эволюционировавшие формы типа: *ya* вм. *ṡay*; *sa* вм. *sar*; *silār* вм. *sizlār*; *kārāk* вм. *kārgāk*; *siy* вм. *siz* и т. п. О непре-

¹ См.: W. Bang. La Version Ouigoure de l'Histoire des Princes Kalyāṇamkara et Pāpamkara par Paul Pelliot. — «Kéleti Szemle», 17, 1916, стр. 195.

* Paris, 1971, 204 стр.

ходящем интересе к этому тексту свидетельствуют его повторные издания. Первое издание было осуществлено Клодом Юаром в 1914 г.² В том же году текст был переиздан П. Пельо³, который считал это необходимым, чтобы «не допустить в изучение тюркских языков неточных форм»⁴. Третье издание было подготовлено Х. Н. Оркуном в Турции⁵.

Опубликованный текст уйгурской версии занял заметное место во многих тюркологических и алтанстических исследованиях. Однако, как справедливо замечает Дж. Р. Гамильтон в рецензируемой работе, авторы обращались исключительно к печатным изданиям, минуя первоисточник, в результате чего в научном обиходе утвердился целый ряд ошибочных форм и идей (см. предисловие, стр. 3), «примеры, которые казались полными назидательности, к сожалению, основывались только на ошибочном чтении или интерпретации» (там же, стр. 3).

При подготовке рецензируемого — четвертого — издания текста были критически пересмотрены предшествующие публикации. Более того, это издание готовилось на основе принципиально иных требований, что позволило дать ответы на многие вопросы, оставшиеся открытыми более пятидесяти лет, со времени первых публикаций текста.

Издание состоит из тринадцати следующих разделов: предисловие (стр. 1—5), транслитерация и транскрипция текста двух рукописей и заметок на полях и их перевод (стр. 9—56), комментарии (стр. 59—96), глоссарий (стр. 97—138), таблица соответствий транслитерации и транскрипции слов (стр. 139—143), некоторые суффиксы (стр. 145—150), библиография (стр. 151—156), сокращения (стр. 157—159), таблицы (стр. 163—204). В издании впервые даны в полном виде факсимиле рукописей, что отныне делает возможным в спорных случаях обращение к тексту памятника. В основу издания положены две рукописи. Главная из них, фигурировавшая и в предшествующих публикациях, содержит 80 страниц довольно небрежно выполненного уйгурского текста по 7 или 8 строк на странице. Она была доставлена в свое время П. Пельо из Дуньхуана и в настоящее время хранится в Национальной библиотеке в Париже. В издание включены, кроме того, фрагмент из другой рукописи этого же текста, также найденный в Дуньхуане и являющийся по содержанию продолжением основной рукописи (хранится

ныне в Британском музее). Путем различного рода сопоставлений установлен состав основной рукописи и отмечены недостающие части. Воспроизведены и прокомментированы имеющиеся в рукописи приписки на полях, которые до этого либо рассматривались от случая к случаю, либо вообще не принимались во внимание. Анализ целого ряда данных позволил установить наиболее вероятную датировку рукописи — первые десятилетия второй половины X в.

В рецензируемом издании, так же как и в других работах Дж. Р. Гамильтона⁶, наряду с транскрипцией дается транслитерация текста. Это некоторое отступление от существующей в уйгуроведении традиции позволяет естественным образом устранить противоречие, неизбежно возникающее при воспроизведении текста с помощью «интерпретирующей транслитерации», которая одновременно выполняет две по существу несовместимые функции: с одной стороны, дает точное отображение графики текста и, с другой, — воспроизводит фонемный состав слов. Параллельное же использование транслитерации и транскрипции позволяет успешно решить обе эти задачи.

Следует отметить, что в силу особых свойств уйгурской графической системы, а именно, графического совпадения разнородных фонем (ср., например, совпадение в письме фонем *A*, *N* и *R*), ни один способ транслитерации практически не исключает интерпретации, так как при графическом совпадении фонем право выбора какой-либо из них остается за интерпретатором текста. Несмотря на это, транслитерация в данном случае отвечает поставленной цели — наиболее точно воспроизведению графического состава текста. Транскрипция здесь служит не только для отражения фонемного состава слов; она призвана по возможности «воспроизвести реальное произношение слов» (предисловие, стр. 5). И автором в этом направлении сделаны конкретные шаги: прослежено, например, различие между *d* спонантизованным и *d* взрывным, выступающим как вариант фонемы *t* в некоторых позициях; *β* рассматривается как билабиальный спирант и т. д.

В ряде случаев пересмотрена традиционно принятая форма чтения и предложено новое чтение слов, в каждом случае основанное на детальном анализе с привлечением новых данных. Например, сочетание двух петь в слове *lō* (LUU) ранее было принято рассматривать как твердорядный долгий *ū*. Сопоставление написания этого слова с рядом других слов (*kū* 'слава, молва', *sū* 'войско' и др.), где встречается тот же знак в аналогичной позиции, показывает, что сочетание двух петь в открытом слоге в односложных словах соответствует мягкорядному *ō/ū* и, следовательно, чтение, предложенное

² Cl. Huart. Le conte bouddhique des deux frères en langue turque et en caractères ouïgours. — «Journal Asiatique», серия XIX, т. III, стр. 5—57.

³ P. Pelliot. La version ouïgour de l'histoire des princes Kalyānamkara et Pāpamkara. — «Toung Pao», серия 2, т. XV. Leide, 1914, стр. 1—50 (223—272).

⁴ Там же, стр. 3 (225).

⁵ H. N. Orkun. Prens Kalyanamkara ve Pāpamkara Hikāyesinin Uygurcası. — Türk Dil Kurumu. İstanbul, 1940, 118 стр.

⁶ Ср.: J. Hamilton. Un acte ouïgour de vente de terrain provenant de Yar-Khoto. — «Turcica», v. I. Paris, 1969, стр. 26—52.

Дж. Р. Гамильтоном, является более правильным.

Перевод текста отличается высокой степенью точности не только в передаче и интерпретации значения отдельных лексем, но и всего высказывания. Кажущиеся отступления от текста не уводят от него, а, наоборот, приближают, акцентируя внимание на значении речения в целом, а не отдельных слов. Ср. *qanıñ ellig tilkä kirmäzün* 'que mon père le roi ne devienne pas l'objet de critiques' (XII, 1—2) («чтобы мой отец-правитель не стал объектом пересудов»).

Для достижения наиболее верной интерпретации текста широко привлекаются прежде всего материалы тюркских языков, древних и современных, а также данные параллельных иноязычных версий сказания; скрупулезно подбираются и учитываются случаи, когда рассматриваемый элемент получает сходное значение в аналогичном окружении. С этой же целью всякий раз уточняются этимологические связи слов, и наблюдения, сделанные в этом направлении, выходят далеко за рамки интерпретации данного текста. Показателен в этом отношении, например, анализ слова *timin* (стр. 82—83), которое вплоть до последнего времени не получало определенной интерпретации и переводилось по-разному. Учитывая различные случаи его употребления, выясняя этимологические связи, автор рецензируемой работы устанавливает семантические границы этого слова. В качестве примера такого удачного толкования можно привести также интерпретацию фразы: *tägin alquñi taplamadı tāk taluy ögüzkä kirmişig [ičgärü] tapladı* (XV, 2), которую по-разному членили и переводили в предыдущих публикациях, рассматривая сочетание с *-madı tāk* как особый оборот. Дж. Р. Гамильтон показал, что в этом предложении *tāk* выступает в роли не послелога, а ограничительного наречия «только» и, следовательно, единственно возможным переводом фразы является следующий: «Принц ни на что не соглашался, только соглашался ехать на море».

По-разному интерпретировалась также фраза: *men bu muntuda yegräk čintämäni. . ärdini alyai barayın kim qayu ünhy-larqa tüzü. . tükäti asıy tusu qılu usarmen* (XXXV, 1—5). Дж. Р. Гамильтон, цитируя своих предшественников (стр. 75), справедливо отмечает, что при трактовке этой фразы никто из них не обратил внимания на роль глагольной формы на *-sar*. Сам он полагает, что форма на *-sar* выступает здесь в роли денидериатива и потому считает возможным вторую часть этой фразы перевести следующим образом: «puisque je veux pouvoir procurer le profit d'une manière entière et complète aux êtres vivants quels qu'ils soient» («так как я хочу суметь полным и совершенным образом принести пользу живым существам, каковы бы они ни были»). Прежде всего отметим, что *qayu* можно рассматри-

вать в этом случае не только как подчинительный союз; *kim* в сочетании с *qayu*, так же как и *qayu* само по себе, часто выступает в древнеуйгурском языке в составе условных предложений в роли неопределенного местоимения, став как бы структурным элементом некоторых типов этих предложений. Ср. *qayu kişiniñ yulqısı üküş ölsär bu vü qapiyta yar-şırzup* 'если у кого-либо гибнет много скота, пусть он прикрепит к двери этот талисман' (TF VII, 27₁₇), *kim qayu kişi uzun igläp. .*

önädmasär bu nom ärdiniñ oqidip. . igi ayıyı kitgäy 'если кто-либо долго болеет... и не поправляется, то по прочтении этой драгоценной сутры... его болезнь пройдет' (Suv 478₁₆—20). Присутствие элемента *kim* или *kim qayu*, таким образом, само по себе не указывает на наличие подчинительной связи. Кроме того, если рассматривать это сочетание как сложноподчиненное предложение, то в нем можно найти некоторые отступления от нормы: 1) условное предложение занимает постпозитивное положение по отношению к главному; 2) глагол в форме опатива выражает предшествующее действие, условная же форма — последующее, выступая, таким образом, в роли глагола следствия. Структура сложноподчиненных предложений данного типа, вообще говоря, исключает такую последовательность. Перечисленные особенности, а именно несочетаемость глагольных форм в двух предложениях в указанной последовательности и постпозитивное положение условного придаточного предложения, скорее всего указывают на отсутствие подчинительной связи между этими двумя предложениями. Следовательно, остается лишь предположить, что здесь имеет место самостоятельное употребление условного предложения. По данным некоторых тюркских языков известно, что при самостоятельном употреблении условная форма выражает пожелание об исполнении действия⁷ — значение, которое в данном случае как нельзя более подходит по контексту. Вся фраза при этом переводится следующим образом: «Я же поеду, чтобы раздобыть сокровища Чинтаман, лучше, чем эти (сокровища). Не смогу ли я (если бы я смог) полным и совершенным образом принести пользу какому-либо живым существам!».

Трудно согласиться с трактовкой слова *tetir* (стр. 27. XXXVIII, 8) как полнозначного. Известно, что в древнеуйгурском языке оно часто утрачивает полнозначность и наряду с *ol* выступает в роли предикативного члена. Не является ли в данном случае более вероятным употребление его именно в этой роли?

В индексе слов принят несколько иной, по сравнению с обычным, порядок алфавита. В начало алфавита вынесены все гласные, за

⁷ «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология», М., 1969, стр. 244.

ними следуют согласные. Этот порядок, однако, не затрудняет пользование индексом. В индексе приводятся транскрипция и транслитерация слова, его перевод, грамматическая характеристика, все случаи употребления и окружение, в котором оно встречается, — иными словами, все необходимые сведения о слове.

Благодаря особой тщательности и бережности, с которой подготовлена рецензируемая публикация этого давно и хорошо из-

вестного текста, последний как бы открывается нам заново. Издание иллюстрирует успехи, достигнутые в области уйгуроведения за его более чем полувековое существование, и мы надеемся в скором времени увидеть новые, столь же успешно выполненные публикации уйгурских рукописей из ценнейших коллекций Национальной библиотеки в Париже.

Л. Ю. Тугушева

Х Р О Н И К А

«ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТУВИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

23 февраля 1973 года на заседании Объединенного ученого совета по историко-филологическим и философским наукам при Сибирском отделении Академии наук СССР состоялась защита диссертации заведующим кафедрой тувинского языка и литературы Кызыльского государственного педагогического института Сатом Шулуу Чиргал-ооловичем на тему: «Формирование и развитие тувинского национального литературного языка», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Научным консультантом диссертанта была заслуженный деятель науки Якутской АССР, доктор филологических наук, профессор Е. И. Убрятова.

Официальными оппонентами на защите выступили член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, д-р филол. наук А. Т. Кайдаров, д-р филол. наук, проф. К. А. Тимофеев, д-р филол. наук А. А. Юлдашев, положительно оценившие работу.

Диссертация Ш. Ч. Сата посвящена весьма актуальной проблеме советского языкознания — формированию и развитию одного из национальных младописьменных языков Советского Союза — тувинского литературного языка.

Диссертант изучил многие источники, проследил закономерности образования и развития тувинского литературного языка в условиях коренных социально-экономических преобразований в жизни тувинского

народа в советскую эпоху. Автор приходит к выводу, что тувинский национальный литературный язык возник на основе центрального диалекта, обогащенного элементами остальных диалектов и заимствованиями из других языков (главным образом монгольского и русского). Тувинский литературный язык расширил свои функции и усовершенствовал структуру, в нем сложились новые стили. В работе раскрывается важная роль русского языка в формировании и обогащении тувинского литературного языка.

Ш. Ч. Сат выдвигает ряд конкретных предложений по дальнейшему усовершенствованию тувинского литературного языка.

Диссертация написана на основе анализа языкового материала как в диахроническом, так и синхронном аспекте с использованием сравнительно-сопоставительного метода и отдельных приемов социолингвистики.

Основные теоретические выводы, к которым приходит диссертант в результате исследования путей становления и развития тувинского литературного языка, могут быть применены и к другим младописьменным литературным языкам, в частности, к языкам народов Южной Сибири.

Ученый совет единогласно высказался за присуждение Ш. Ч. Сату ученой степени доктора филологических наук.

Я. Ш. Хертек

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Ш. Ширалиев</i> (Баку). Состояние и задачи дальнейшего развития тюркской диалектологии в СССР	3
---	---

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Б. А. Серебренников</i> (Москва). О причинах превращения начального <i>s</i> в <i>h</i> в башкирском языке	10
<i>А. П. Дульзон</i> (Томск). Диалекты и говоры тюрков Чулыма	16
<i>Н. З. Гаджиева</i> (Москва). О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках	30
<i>Э. Р. Тенишев</i> (Москва). Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников	40
<i>М. С. Садыкова</i> (Ташкент). Грамматические и стилистические особенности аспекта отрицания узбекского глагола	46
<i>М. В. Зайнуллин</i> (Уфа). Модальность долженствования в башкирском языке	53

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>М. П. Рускова</i> (Ленинград). Турецкие заимствования в болгарских письменных памятниках XVIII века	60
--	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>М. А. Унгуицкая</i> (Абакан). Хакасские героические сказания — «семейные хроники» и памятники енисейской письменности	71
--	----

АНТРОПОНИМИКА

<i>М. Н. Губогло</i> (Москва). Гагаузская антропонимия как этногенетический источник	84
<i>М. Бейтуллов, Х. Гёчгельдиев</i> (Шумен, НРБ). Уменьшительные формы личных имен в турецких диалектах Болгарии	93

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>К. Каримов</i> (Ташкент). Некоторые вопросы композиции, метра и жанра «Кутад-гу билиг»	100
<i>Д. Д. Васильев</i> (Москва), <i>С. Г. Кляшторный</i> (Ленинград). Руническая надпись Иир-Сайыр	105

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. М. Щербак</i> (Ленинград). G. Doerfer. Khalaj Materials	111
<i>Т. Ахматов</i> (Фрунзе), <i>Б. М. Юнусалиев</i> . Киргизская диалектология	116
<i>О. А. Мизинь</i> (Брест). Т. Р. Рахимов. Китайские элементы в современном уйгурском языке	117
<i>Л. Ю. Тугушева</i> (Ленинград). James Russell Hamilton. Le conte bouddhique du bon et du mauvais prince en version ouïgoure	121

ХРОНИКА

«Формирование и развитие тувинского национального литературного языка»	125
--	-----

CONTENTS

- M. Sh. Shiraliyev* (Baku). The state and tasks of subsequent development of turkic dialectology in the U. S. S. R. 3

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- B. A. Serebrennikov* (Moscow). On the causes of turning of initial *s* into *h* in the Bashkir language 10
- A. P. Dulzon* (Tomsk). Dialects and subdialects of the Chulym Turks 16
- N. Z. Gadjiyeva* (Moscow). On the two sources of development of conjunctive composite sentences in Turkic languages 30
- E. R. Tenishev* (Moscow). Occlusive consonants in the language of turkic runic inscriptions 40
- M. S. Sadykova* (Tashkent). Grammatical and stylistic features of Uzbek verb's negative aspect 46
- M. V. Zaynullin* (Ufa). Modality of obligation in the Bashkir language 53

LANGUAGES IN CONTACT

- M. P. Ruskova* (Leningrad). Turkish borrowings in Bulgarian written monuments of XVIII century 60

HISTORY OF LITERATURE

- M. A. Ungvitskaya* (Abakan). Khakass heroic stories — «family chronicles» and Enisei written monuments 71

ANTHROPONYMICS

- M. N. Guboglo* (Moscow). Gagauz personal names as a ethnogenetic source . . . 84
- M. Beytullov, H. Gechgeldiyev* (Shumen, People's Republic of Bulgaria). Diminutive forms of personal names in the turkish dialects of Bulgaria 93

REPORTS

- K. Karimov* (Tashkent). Some questions of composition, metre and genre of «Kutadgu bilig» 100
- D. D. Vasilyev* (Moscow), *S. G. Klashtorny* (Leningrad). Runic inscription of Yir-Sayir 105

REVIEWS

- A. M. Scherbak* (Leningrad). G. Doerfer. Khalaj materials 111
- T. Akhmatov* (Frunze). *B. M. Yunusaliyev*. Kirghiz dialectology 116
- O. A. Mizin* (Brest). *T. R. Rahimov*. Chinese elements in the modern Uigur language 117
- L. Y. Tugusheva* (Leningrad). *James Russel Hamilton*. Le conte boudhique du bon et du mauvais prince en version ouïgoure 121

CHRONICLE

- «Forming and development of the Touvinian national literary language» 125

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректор *А. Е. Сорокина*

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24/IV 1973 г. Подписано к печати 4/VII 1973 г. ФГ 14122. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4. 1 вклейка.
Заказ 2259. Тираж 4445. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал

